А. Панковъ.

ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЕ ВОПРОСЫ

ВЪ ЭПОХУ

ЦАРЯ-ОСВОБОДИТЕЛЯ.

(1855 — 1870).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. П Лопухина. Тележная ул., № 5.
1902.

А. Папковъ.

ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЕ ВОПРОСЫ

ВЪ ЭПОХУ

ЦАРЯ-ОСВОБОДИТЕЛЯ.

(1855 — 1870).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. П. Лопухина. Телѣжная ул., № 5.
1902.

Извлечено изъ дух. журнала „Странникъ“ за 1901 г.

216918

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Глава I Стремленіе русскаго общества къ преобразованіямъ въ государственномъ и общественномъ строѣ — Голоса изъ среды общества и правительства. — Голосъ съ высоты царскаго престола. — Голоса именитыхъ архипастырей . . . 1—12

Глава II. Проявленіе среди высшаго духовенства и свѣтскихъ передовыхъ людей сознанія необходимости церковныхъ преобразованій . . . . . 13—30

Глава III. Возбужденіе вопроса въ литературѣ и журналистикѣ о преобразованіи въ церковно-общественныхъ дѣлахъ. — Проявленіе сочувствія въ свѣтскомъ обществѣ къ участи духовенства. 30—50

Глава IV. Пробужденіе мысли о важномъ общественномъ значеніи „православнаго прихода“ и „православнаго братства“. — Возрожденіе „православнаго прихода“. — Вопросъ о „приходѣ“ въ эпоху освобожденія крестьянъ . . . . . 50—73

Глава V. Частный починъ въ дѣлѣ возбужденія „приходской самостоятельности“ и учрежденія „православныхъ братствъ“ . . . . . 73—87

Глава VI. Учрежденіе особаго присутствія для дѣлъ православнаго духовенства . . . . . 87—95

Глава VII. Сужденіе въ литературѣ и журналистикѣ по вопросу объ улучшеніи церковно-общественныхъ дѣлъ I. Матеріальное улучшеніе быта духовенства. II. Преобразованіе духовныхъ училищъ. III. Духовное управленіе и администрація. IV. Сословное положеніе духовенства и расширеніе его личныхъ семейныхъ и гражданскихъ правъ . . . . . 95—125

Стр.

Глава VIII. Правительственный голосъ о „самостоятельности и самодѣятельности“ православныхъ приходскихъ обществъ.—Мнѣнія въ литературѣ о „приходскихъ правахъ и управленіи“.—Утайка“ церковно-общественныхъ суммъ.—Циркуляръ смоленскаго архипастыря.—Статьи И. С. Аксакова по церковно-приходскимъ дѣламъ . . . 126—143

Глава IX. Учрежденіе братствъ и приходскихъ попечительствъ.—Несовершенство закона о приходскихъ попечительствахъ.—Приглашеніе И. С. Аксакова, обращенное ко всему православному обществу.—Двѣ выдающихся статьи о приходскихъ попечительствахъ . . . . . 143—164

Глава X. Статьи Д. Ѳ. Самарина „Приходъ“.—Сокращеніе приходовъ.—Ходатайство Московскаго губернскаго земскаго собранія въ 1880 году о признаніи за приходами правъ юридическаго лица.—Отвѣтъ Св. Синода.—Синодальный циркуляръ 20 апрѣля 1900 года.—Неудавшаяся попытка къ укрѣпленію за православными церквами права на свободное пріобрѣтеніе недвижимой собственности.—Заключеніе . . . . . 165—184

Выясненіе прошлой жизни русскихъ православныхъ приходовъ во всей ея подробности представляется, не только задачей огромной литературной важности, но оно существенно необходимо и въ цѣляхъ чисто практическихъ. Освобожденный отъ крѣпостной зависимости русскій народъ, нѣсколько освоившійся теперь съ своею гражданскою свободою, долженъ въ церковномъ отношеніи слиться съ просвѣщенными классами нашего православнаго общества, постепенно очищающагося отъ внѣдрившихся въ него чуждыхъ ему нравовъ и понятій, и начать совмѣстную дѣятельность, присущую крѣпкой и самостоятельной православной церковной общинѣ. Обстоятельное знаніе прошлой жизни нашей церковной общины будетъ несомнѣнно способствовать правильной постановки ея дѣятельности въ будущемъ.

Въ этихъ видахъ нами начатъ рядъ историческихъ очерковъ, касающихся древняго уклада приходской жизни въ Россіи („Древне-русскій приходъ“, Сергіевъ посадъ, 1897 г. и „Погосты въ значеніи правительственныхъ округовъ и сельскихъ приходовъ въ сѣверной Россіи“, Москва, 1898 г.), ея упадка, обусловленнаго крѣпостной зависимостью русскаго народа и распространеніемъ среди него раскола („Упадокъ православнаго прихода“, Москва, 1899 г.), и, наконецъ, попытки къ возрожденію ея, сдѣланной въ 1864 году посред-

ствомъ изданія положенія о церковныхъ братствахъ и приходскихъ попечительствахъ („Начало возрожденія церковно-приходской жизни въ Россіи“, Москва, 1900 г.).

Въ настоящемъ сочиненіи, издаваемомъ подъ заглавіемъ: „Церковно-общественные вопросы въ эпоху Царя освободителя“, мы поставили себѣ задачей между прочимъ описать то движеніе въ литературѣ и журналистикѣ шестидесятыхъ годовъ, которое направлено было къ возрожденію православнаго прихода и къ возстановленію его значенія, какъ низшей земской единицы. Въ этомъ сочиненіи мы съ нѣкоторою подробностью останавливаемся на правительственныхъ мѣропріятіяхъ, относящихся до церковно-общественной области и, въ частности, снова обращаемъ общественное вниманіе на несовершенство закона 1864 года, вызвавшаго къ бытію безцвѣтныя и вялыя по своей дѣятельности приходскія попечительства.

Опираясь на приведенныя въ означенномъ сочиненіи авторитетныя мнѣнія выдающихся духовныхъ и свѣтскихъ дѣятелей указанной эпохи, мы считаемъ возможнымъ высказать наше твердое убѣжденіе, что въ настоящее время, когда всюду замѣчается общее шатаніе умовъ и совѣсти, не только у людей взрослыхъ, но даже у молодаго поколѣнія, представляется неотложнымъ дѣломъ: упрочить автономію православнаго прихода, заключающаго въ своихъ нѣдрахъ въ явномъ и скрытомъ (если можно такъ выразиться) состояніи болѣе творческихъ силъ, нежели въ инославныхъ и единовѣрческихъ приходахъ, пользующихся однако въ Россіи съ давнихъ временъ самостоятельными правами по управленію и завѣдыванію своими имуществами и учрежденіями. Для такого возрожденія православнаго прихода не существуетъ никакихъ каноническихъ препятствій, какъ въ этомъ между прочимъ убѣждаетъ обращающее на себя вниманіе единогласное постановленіе Св. Синода отъ 17 іюля — 7 августа 1859 года

о повсемѣстномъ введеніи въ Россіи созданнаго для пріамурской области положенія о церковно-приходскомъ управленіи обусловленномъ автономіей прихода. „Схема православнаго церковно-приходскаго управленія“ уже создана, при чемъ этотъ существенный трудъ въ его послѣдней редакціи принадлежитъ не отдѣльному лицу или кружку частныхъ лицъ, а высшей православной духовной власти. Мы разумѣемъ здѣсь церковный законъ 5 марта 1883 года, изданный для православныхъ приходовъ въ Финляндіи, и сообщенныя въ окончательномъ видѣ высшею православной властью финляндскому сенату проекты правилъ „о церковно-приходскомъ собраніи и церковномъ совѣтѣ православныхъ приходовъ въ Финляндіи», каковыя правила, по соглашенію ихъ съ обще-русскими нуждами и интересами должны быть введены и во всей остальной имперіи. (См. подробности въ брошюрѣ: „Православные приходы въ Финляндіи“, Спб. 1901 года). Наконецъ, въ заключеніи выскажемъ также наше предположеніе, что, быть можетъ, нашему православному приходу надлежитъ сначала возродиться исключительно лишь въ церковномъ отношеніи и затѣмъ, когда онъ окрѣпнетъ, какъ церковная община, можно будетъ безбоязненно возложить на него, какъ на мелкую земскую единицу, и земское бремя.

Изъ всего вышеизложеннаго усматривается, что за возрожденіе православнаго прихода стоитъ законъ, указывающій путь къ этому возрожденію и дающій подробную схему приходскаго строя и управленія,—что въ пользу такого возрожденія громко говоритъ все историческое прошлое „святой Руси“ и, наконецъ—что замѣчаемая нынѣ въ нѣкоторыхъ общественныхъ дѣлахъ неурядица, а также обнаружившаяся уже давно у многихъ русскихъ людей болѣзнь духа, колеблющагося постоянно между „своимъ и чужимъ“, должны побуждать нашихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей искать въ такой зиждительной мѣрѣ,

какъ возрожденіе православнаго прихода опоры для необходимыхъ преобразованій въ общественномъ строѣ. Для выполненія этой существенной задачи недостаетъ только дружнаго общественнаго почина, но онъ, съ Божьей помощью, обнаружится въ скоромъ времени; въ это надо твердо вѣрить.

А. Папковъ.

6 декабря 1901 г.
С.-Петербургъ.

I.

Стремленія русскаго общества къ преобразованіямъ въ государственномъ и общественномъ строѣ. — Голоса изъ среды общества и правительства.—Голосъ съ высоты царскаго престола.—Голоса именитыхъ архипастырей.

СЪ ВОЦАРЕНІЕМЪ императора Александра II въ русскомъ обществѣ пробудилось стремленіе къ улучшенію своего политическаго и гражданскаго быта, и этому пробужденію главнымъ образомъ способствовало то сильное потрясеніе, которое оно испытывало во время тяжелой крымской войны. Всѣ были больны тогда Севастополемъ, гдѣ мучались и гибли лучшіе русскіе люди и гдѣ сильно страдало наше національное достоинство. Во время этой войны, какъ извѣстно, наглядным образомъ обнаружился цѣлый рядъ ошибокъ, недостатковъ и злоупотребленій въ нашихъ военныхъ и внутреннихъ дѣлахъ. Въ умѣ и сердцѣ каждаго русскаго возникалъ тогда мучительный вопросъ о причинахъ этихъ военныхъ неудачъ и внутреннихъ затрудненій, и заставлялъ всякаго пристально всматриваться въ устройство разныхъ отраслей государственнаго и общественнаго управленія. „Только теперь открывается“ (писалъ А. В. Никитенко въ своемъ дневникѣ, отъ 6 октября 1855 года), „какъ ужасны были для Россіи прошедшія 29 лѣтъ. Администрація въ хаосѣ; нравственное чувство подавлено; умственное развитіе остановлено; зло-

употребленія и воровство выросли до чудовищныхъ размѣровъ [1].

Въ такомъ же духѣ и въ такихъ же сильныхъ выраженіяхъ отзывались о прежнемъ времени и объ язвахъ, обнаруженныхъ войною въ государственномъ организмѣ Россіи: Погодинъ, Сергѣй Аксаковъ, Хомяковъ, Дмитріевъ, Кошелевъ, Иванъ Аксаковъ, Константинъ Аксаковъ, Валуевъ, Кавелинъ, Кирѣевскій, и наконецъ, такіе достовѣрные свидѣтели-очевидцы, какъ Пироговъ и протоіерей Лебединцевъ. Эти послѣдніе, побывавъ на мѣстѣ войны, сообщали въ своихъ письмахъ о возмутительныхъ безпорядкахъ въ содержаніи и продовольствіи арміи и флота и указывали на злоупотребленія разныхъ начальствующихъ лицъ. Уже въ началѣ 1856 года послѣдовало высочайшее повелѣніе о преданіи слѣдствію и суду многихъ военачальниковъ по обвиненію ихъ въ безпорядкахъ во время военныхъ дѣйствій [2].

По разсказамъ современниковъ, всего тяжелѣе приходилось молодому Государю, который, переживая съ болью въ сердцѣ пораженія своей храброй арміи, съ прискорбіемъ узналъ о злоупотребленіяхъ своихъ военачальниковъ и чиновниковъ и о полной неурядицѣ во внутреннихъ дѣлахъ [3]. Съ самаго вступленія своего на престолъ императоръ Александръ II своими возвышенными и человѣколюбивыми идеями, своей добротою и справедливостію, привлекалъ сердца всѣхъ, жаждавшихъ обновленія русской жизни [4].

---

[1] «Записки и дневникъ» А. В. Никитенко, т. II.

[2] «Жизнь и труды М. П. Погодина» соч. Н. Барсукова, т. XIV, стр: 11, 12, 15, 27, 30, 34, 43, 46, 48, 50, 51, 203, 211, 214, 345, 455. «Дневникъ» графа П. А. Валуева, 20 октября и 17 ноября 1855 года; «Русская Старина», май 1891 года, стр. 340 и 341. См обвиненіе въ безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ разныхъ военачальниковъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» отъ 6 марта 1856 года, № 28 (офиц. отдѣлъ). См. также объ этомъ въ письмахъ преосв. Иннокентія, епископа камчатскаго, собр. Барсукова, письмо отъ 25 апрѣля 1856 года, кн. II, стр. 172. О слѣдственной комиссіи по злоупотребленіямъ въ интендантствѣ см. «Жизнь и труды М. П. Погодина», т. XIV, стр. 307. См. также письмо Погодина, помѣщенное въ журналѣ «Міръ Божій», іюнь 1900 г., библіографическій отдѣлъ, стр. 96.

[3] «Жизнь и труды М. П. Погодина», т. XIV, стр. 121.

[4] См. собственноручную надпись императора Александра II на отчетѣ министра внутреннихъ дѣлъ за первый годъ царствованія: «чи-

Ему, болѣе нежели какому другому Государю, вручались на первыхъ порахъ людьми, отзывчивыми и опечаленными грустными событіями и опаснымъ положеніемъ государства, разныя записки, въ которыхъ открывались недостатки во всѣхъ сферахъ управленія и предлагались для блага Россіи мѣры къ преобразованію этого управленія, начиная съ высшихъ его частей [1].

Въ числѣ такихъ людей былъ извѣстный историкъ М. П. Погодинъ, который успѣлъ въ день рожденія Государя, 17 апрѣля 1855 г., представить свое всеподданнѣйшее письмо „о царскомъ времени“. Въ этой замѣчательной запискѣ Погодинъ указывалъ на двѣ существенныя задачи, а именно онъ полагалъ: разобрать и опредѣлить, какія дѣла должны быть представляемы на высочайшее воззрѣніе, и какія, безъ малѣйшаго нарушенія самодержавной власти, могутъ быть рѣшаемы разными отдѣльными высшими вѣдомствами, и опредѣлить въ какой степени можетъ быть допущена гласность, въ видахъ предохраненія правительственныхъ и прочихъ рѣшеній отъ произвольности и учрежденія надъ ними новой необходимой инстанціи—бдительнаго общественнаго мнѣнія, безъ котораго само правительство остается часто во тьмѣ. „Время царское“, писалъ Погодинъ, „дороже всего на свѣтѣ“. „Оно должно быть сберегаемо и соблюдаемо до послѣдней минуты для рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ государственныхъ, для размышленія о существенныхъ предметахъ управленія. Занимать Царя частностями и подробностями, развлекать формами и церемоніями — есть величайшее гражданское преступленіе“ [2].

талъ съ большимъ любопытствомъ Благодарю въ особенности за откровенное изложеніе всѣхъ недостатковъ, которые, съ Божіей помощью и при общемъ усердіи, съ каждымъ годомъ будутъ исправляться». «Рус. біограф. словарь» т. I біографія императора Александра II, стр. 522 (также стр. 536, 538).

[1] «Жизнь и труды М. П. Погодина», т. XIV, стр. 299, а также 49, 50, 204, 214, «Дневникъ» гр. Валуева, «Русская Старина», май 1891 г. стр. 343 и 346 (записка Мордвинова), іюнь, стр. 613 и 614 (записка Беклемишева). См. о запискахъ по крестьянскому дѣлу (въ особенности: Кавелина, Самарина, Кошелева) въ «Русскомъ біографич. словарѣ» т. I, біографія императора Александра II, стр. 525; (также записка С Ланскаго, стр. 523). См. тамъ же свѣдѣнія объ адресѣ Государю Императору нѣсколькихъ депутатовъ крестьянскихъ коммиссій, стр. 552.

[2] «Жизнь и труды М. П. Погодина», стр. 25—28 (т. XIV).

Въ томъ же духѣ написана въ 1855 году записка: „о современной политической и внутренней жизни Россіи“, которая, по мнѣнію редакціи журнала „Русская Старина“, принадлежитъ Жеребцову. Обращаясь къ разсмотрѣнію дѣйствій внутренняго организма нашего отечества, авторъ говоритъ: „къ несчастію по многосложности занятій Государя русскаго, нѣкоторые изъ первыхъ дѣятелей правительства исторгали высочайшее повелѣніе, каждый по своей части, безъ общаго обсужденія людьми на это предназначенными, и тѣмъ самымъ они обманывали довѣренность своего благодѣтеля и вводили въ государственный организмъ разнородность. Притомъ, каждый изъ нихъ заботился объ огражденіи своей части отъ общаго надзора и контроля, уединяя ее отъ другихъ частей правленія и стараясь скрыть свое самоуправство отъ глазъ Государя, не мѣшая другимъ дѣлать то же. Отъ этого мало-по-малу въ высшемъ правленіи водворился духъ совершеннаго пренебреженія къ закону, и каждый правитель могъ смѣло отступать отъ существующихъ постановленій... Безпорядокъ этотъ мало-по-малу спускался по всѣмъ степенямъ правленія и, наконецъ, проникъ во всѣ слои. Нынѣ каждый увѣренъ въ мертвенности буквы закона и въ дѣйствительности только воли и покровительства сильныхъ“... „При дальнѣйшемъ распространеніи этой язвы, Россія на бумагѣ будетъ государствомъ благоустроеннымъ, а въ сущности наполнится визирями, пашами и кадіями; слѣдовательно, необходимо исправленіе, хотя постепенное, но коренное. Единственный къ тому путь заключается въ выраженіи уваженія къ законамъ и въ строгомъ наблюденіи за исполненіемъ его со стороны ближайшихъ къ царю и высшихъ правителей... Отъ послабленія духа законности самыя дѣйствія организма государственнаго сдѣлались неудовлетворительными; дурное приложеніе закона опорочило самые обычаи народные; повсюду вкралось стяжаніе личныхъ выгодъ и корысти... Состояніе составлялось частію истощеніемъ казны, частію изъ внѣшнихъ источниковъ народныхъ: изъ казны—посредствомъ несоразмѣрныхъ окладовъ, денежныхъ наградъ и разнообразныхъ пособій“.

Указавъ на порочность, вкравшуюся въ служебныя сферы, и находя, что исправленіе въ этихъ сферахъ можетъ послѣ-

довать, не столько вслѣдствіе улучшенія формъ правленія, сколько вслѣдствіе измѣненія къ лучшему самаго духа правителей и общественныхъ дѣятелей, авторъ ограничивается сообщеніемъ своего взгляда на необходимость измѣненія только финансовой системы; именно онъ полагаетъ—воспретить всякій непосредственный докладъ со стороны министерствъ о разрѣшеніи какого-либо сверхсмѣтнаго расхода, обращая эти представленія на предварительное обсужденіе предназначенныхъ лицъ, находящихся внѣ административной дѣятельности и, наконецъ, удерживаться отъ назначенія окладовъ, превышающихъ мѣру закономъ установленную [1].

Весьма сильное впечатлѣніе произвела на русское общество также записка П. А. Валуева „Дума русскаго“, написанная во второй половинѣ 1855 года, въ томъ же духѣ общей критики государственнаго управленія. Авторъ, болѣя вмѣстѣ съ другими русскими общею тогда болѣзнію „Севастополемъ“, между прочимъ писалъ: „Время измѣняетъ размѣры относительнаго могущества государствъ. При общемъ стремленіи развивать свои внутреннія и внѣшнія силы, они идутъ впередъ различными путями, и ихъ успѣхи не одинаковы. Въ мирныя времена трудно оцѣнивать относительную важность этихъ успѣховъ. Но вмѣстѣ съ первою значительною войной настаетъ минута точной взаимной оцѣнки. Эта минута теперь настала для насъ. Благопріятствуетъ ли развитію духовныхъ и вещественныхъ силъ Россіи нынѣшнее устройство разныхъ отраслей нашего государственнаго управленія? Отличительныя черты его заключаются въ повсемѣстномъ недостаткѣ истины; въ недовѣріи правительства къ своимъ собственнымъ орудіямъ и въ пренебреженіи ко всему другому. Многочисленность формъ подавляетъ сущность административной дѣятельности и обезпечиваетъ всеобщую офиціальную ложь. Взгляните на годовые отчеты. Вездѣ сдѣлано все возможное; вездѣ пріобрѣтены успѣхи; вездѣ водворяется, если не вдругъ, то по крайней мѣрѣ постепенно, должный порядокъ. Взгляните на дѣло, всмотритесь въ него, отдѣлите сущность отъ бумажной оболочки,

---

[1] «Русская старина» 1896 г, т 86, стр. 633—642: «о современной политической и внутренней жизни Россіи». См также письмо Дмитріева: «Жизнь и труды М. П. Погодина», стр 29 (т XIV).

то, что есть, отъ того, что кажется, правду отъ неправды или полуправды, — и рѣдко гдѣ окажется прочная, плодотворная польза. Сверху блескъ; внизу гниль. Въ твореніяхъ нашего офиціальнаго многословія нѣтъ мѣста для истины Она затаена между строками; но кто изъ офиціальныхъ читателей всегда можетъ обращать вниманіе на междустрочія“ [1].

Правдивость этого указанія причинъ, доведшихъ Россію до бѣдственнаго положенія, поразила одного изъ даровитѣйшихъ и ближайшихъ по родству сподвижниковъ императора Александра II, а именно его брата, генералъ-адмирала, великаго князя Константина Николаевича, который, назвавъ эту записку „замѣчательной“, отдалъ 26 ноября 1855 года еще болѣе замѣчательный приказъ на имя управлявшаго морскимъ министерствомъ вице-адмирала барона Врангеля. Помѣщая въ своемъ приказѣ буквальную выписку приведеннаго выше мѣста записки, великій князь писалъ: „прошу ваше превосходительство сообщить эти правдивыя слова всѣмъ лицамъ и мѣстамъ морскаго вѣдомства, отъ которыхъ въ началѣ будущаго года мы ожидаемъ отчетовъ за нынѣшній годъ, и повторить имъ, что я требую въ помянутыхъ отчетахъ не похвалы, а истины и въ особенности откровеннаго и глубоко обдуманнаго изложенія недостатковъ каждой части управленія и сдѣланныхъ въ ней ошибокъ, и что тѣ отчеты, въ которыхъ будетъ нужно читать между строками, будутъ возвращены мною съ большою гласностію“.

Независимо отъ этого приказа, великимъ княземъ была составлена въ то же время циркулярная записка, которая была предназначена къ разсылкѣ всѣмъ главнымъ чинамъ управленія. Эта записка гласитъ: „въ продолженіе будущаго года я желалъ бы видѣть въ „Морскомъ Вѣстникѣ“ рядъ нравственно-философическихъ разсужденій, написанныхъ весьма смѣло и сильно, доступнымъ для каждаго языкомъ, съ цѣлію—съ одной стороны—опорочить тѣ недостатки, которые мы принуждены сознавать между морскими офицерами и чиновниками и которые должны быть заклеймены общественнымъ осмѣяніемъ, а съ другой стороны—указать и растолковать, какъ слѣдуетъ понимать нѣкото-

[1] «Русская Старина», 1891 г., май, стр. 349—359: «Дума русскаго».

рые предметы и отношенія. Къ первому разряду будутъ принадлежать: порицаніе системы лжи, замашки показать товаръ лицомъ, выказать небывалыя заслуги свои и утаить недостатки, упущенія и ошибки; образъ взгляда на казенное имущество, разсчеты съ углемъ и дровами, система наказанія нижнихъ чиновъ и обращеніе съ ними и т. п. Ко второму разряду статей можно отнести объясненія, какъ смотрѣть на награды и производства, отношенія товарищей и проч. Сюда же можно отнести рядъ статей въ родѣ „характеровъ Лабрюйера“. Желательно бы колкою насмѣшкой порицать зло и хвалить добро, но хвалитъ умно, а не притворно. За подобныя статьи, которыя были бы написаны съ талантомъ и произвели бы нравственное впечатлѣніе, я готовъ вознаградить авторовъ самымъ щедрымъ образомъ“ [1].

Видно, духовные интересы въ Россіи, подавленные до того искусственнымъ гнетомъ, возрождались; въ умахъ была возбуждена положительная сила, и общественное мнѣніе, по выраженію Кавелина, расправляло свои крылья и ему для правильнаго полета недоставало лишь одобренія съ высоты престола [2]. Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ ожи-

---

[1] «Русская Старина» 1891 года, май, стр. 359 — 360 и 1896 года февраль. См. свѣдѣнія въ «Жизнь и труды Погодина», т. XIV, стр. 115, 117, 118, 285, 315. «Записки и дневникъ А. В. Никитенко», т. II. стр. 26, Приказъ и циркуляръ были напечатаны въ «Морскомъ Сборникѣ» и перепечатаны въ «Русскомъ Архивѣ» 1883 г. № 5, стр. 201. См. также «Дневникъ» гр. Валуева 9—10 декабря 1855 г. «Русская Старина» май 1891 г., стр. 344—345. См. мнѣніе того же великаго князя о необходимости гласности «Письма къ митр. Филарету митр. Григорія» изд. Львова, 1900 г. стр. 107.

Авторъ упомянутой «Думы», указавъ еще на весь вредъ централизаціи въ управленіи, возлагающей непосильную работу на высшихъ правителей, и потому сдаваемую на произволъ канцелярій, и совершенно ограничивающей не въ пользу дѣла необходимую самостоятельность мѣстныхъ начальствъ, считалъ своимъ долгомъ выгородить дѣятельность одного морского министерства, которое управляемое твердою рукою генералъ-адмирала, показало при составленіи морскаго устава, какимъ порядкомъ надлежитъ обсуживать проекты законовъ и въ «Морскомъ Сборникѣ» подавало примѣръ, какъ надлежитъ понимать цензуру.

[2] «Жизнь и труды Погодина», т. XIV, стр. 210. «Записки и дневникъ Никитенко», т. II; онъ писалъ: «настаетъ пора положить предѣлъ этому страшному гоненію мысли, этому произволу невѣждъ, которые дѣлали изъ цензуры съѣзжую и обращались съ мыслями, какъ съ ворами и пьяницами».

дали царскаго слова, и это слово, милостивое и доброе, не замедлило раздаться во всей Россіи.

Въ достопамятномъ манифестѣ 19 марта 1856 года, коимъ обнародовано было о мирѣ, и въ коронаціонномъ манифестѣ 17 апрѣля 1856 года какъ бы возвѣщалась программа новаго царствованія. Въ первомъ манифестѣ въ концѣ изображено: „при помощи Небеснаго Промысла, всегда благодѣющаго Россіи, да утверждается и совершенствуется ея внутреннее благоустройство; правда и милость да царствуютъ въ судахъ ея, да развивается повсюду и съ новою силой стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности, и каждый, подъ сѣнію законовъ, для всѣхъ равно справедливыхъ, равно покровительствующихъ, да наслаждается въ мирѣ плодомъ трудовъ невинныхъ. Наконецъ, и сіе есть первое, живѣйшее желаніе наше, свѣтъ спасительной вѣры, озаряя умы, укрѣпляя сердца, да сохраняетъ и улучшаетъ болѣе и болѣе общественную нравственность, сей вѣрнѣйшій залогъ порядка и счастія“ [1].

Коронаціоннымъ своимъ манифестомъ Государь приглашалъ всѣхъ вѣрныхъ своихъ поданныхъ соединить усердныя мольбы ихъ съ его теплыми молитвами—да изліется на него и на царство его благодать Господня; да поможетъ ему Всемогущій, съ возложеніемъ вѣнца царскаго, возложить на себя торжественный предъ свѣтомъ обѣтъ — жить единственно для счастія подвластныхъ ему народовъ, и да направитъ Онъ къ тому, наитіемъ Всесвятаго Животворящаго Духа Своего, всѣ помышленія, всѣ дѣянія его [2].

Эти чудныя слова царскихъ манифестовъ нашли себѣ сочувственный откликъ въ русской душѣ. Выразителемъ русскихъ думъ и чувствъ явился на этотъ разъ профессоръ Шевыревъ. Онъ писалъ: „если первая молитва царя о мирѣ услышана, то помолимся же вмѣстѣ съ нимъ а правдѣ и милости, о просвѣщеніи, о вѣрѣ дѣятельной, которая знаменуется любовію, добромъ, исполненіемъ долга, о раскрытіи и сближеніи всѣхъ духовныхъ и вещественныхъ силъ нашей великой земли, нашего славнаго отечество. Авось, Богъ услышитъ и эти молитвы его, и царственнымъ

---

[1] «Сѣверная Пчела» 21 марта 1856 г. № 65.

[2] «Сѣверная Пчела» 19 апрѣля 1856 г. № 87.

желаніямъ его сердца, которыя онъ выразилъ, даруя и возвѣщая миръ своему народу,—пошлетъ благословеніе и исполненіе... О, да глядится у насъ всегда царь въ лицо народа и народъ въ лицо царю своему. Въ этомъ задушевномъ разговорѣ вся тайна жизни русской. Царь-миротворецъ ея извнѣ—да будетъ живительнымъ миротворцемъ ея внутри и посредникомъ между всѣми ея дѣятельными силами. Виновны будутъ тѣ, которые, стоя ближе къ солнцу самодержавія, захотятъ явиться не живыми проводниками его свѣтотворной и теплотворной силы ко всѣмъ предѣламъ отечества, а заслонятъ отъ солнца тѣнью личнаго эгоизма, хотя малѣйшую часть нашей земли, хотя небольшую семью членовъ народа и государства“ [1].

Да, правду писалъ своимъ друзьямъ, въ томъ же 1855 г., Погодинъ, что ни одинъ государь, съ начала своего царствованія, не пользовался такимъ неограниченнымъ довѣріемъ, такою горячею любовію, безъ примѣси всякихъ другихъ чувствованій отрицательныхъ, какъ государь императоръ Александръ Николаевичъ. „Помоги ему, Господи, направить Россію на путь истины, правды, безкорыстія“— такъ молился „мужъ апостольскій“ епископъ камчатскій Иннокентій, впослѣдствіи митрополитъ московскій [2].

Всѣ сердца стремились къ молодому царю и не было, можетъ быть, никогда минуты болѣе благопріятной, когда бы было такъ удобно, такъ легко, сдѣлать всѣ нужныя преобразованія и исправленія. Всѣ чувствовали необходимость внутреннихъ преобразованій и исправленій, которыми можно было спастись, отвратить настоящія опасности и предупредить будущія, кромѣ, разумѣется, гнѣва Божія, и—по словамъ Кавелина—во главѣ этихъ „всѣхъ“ стоялъ самъ Государь, заявлявшій, что надо думать только о внутреннемъ и выводить на свѣжую воду всѣ недостатки общественные [3].

Пересматривая разныя правительственныя мѣропріятія начала царствованія, клонившіяся къ дарованію свободы вѣрованія, возможной свободы мысли и обученія, и свободы

[1] «Жизнь и труды Погодина», т. XIV, стр. 552.

[2] «Письма преосв. Иннокентія», изд. Барсукова, кн. II письмо отъ 25 апрѣля 1856 года.

[3] «Жизнь и труды М. П. Погодина», т. XIV, стр. 141, 217.

передвиженія [1];—перечитывая разныя письма, записки и дневники современниковъ, оцѣнивавшихъ всѣ эти благотворныя мѣры—начинаешь понимать, что жившіе въ это многознаменательное время люди имѣли полное основаніе вѣрить въ лучшее будущее Россіи, и молодой И. С. Аксаковъ правильно предсказывалъ, что возникаетъ новая эра государственнаго бытія Россіи [2]). Еще прозорливѣе смотрѣлъ въ будущее знаменитый святитель Иннокентій Херсонскій, когда онъ, лично посѣтивъ окровавленный и опаленный Севастополь, 26 іюня 1855 года, въ Михайловскомъ соборѣ вдохновенно предсказывалъ, что „самыя скрижали новаго политическаго завѣта сойдутъ съ Неба, написанныя Перстомъ Божіимъ“ [3].

Другой архипастырь, именно Григорій, назначенный впослѣдствіи митрополитомъ с.-петербургскимъ, въ своемъ словѣ: „О современныхъ нашихъ грѣхахъ“, сказанномъ на другой окраинѣ Россіи, въ Казани, 30 августа 1855 года, между прочимъ торжественно провозглашалъ: „дѣйствуйте соединенными силами всѣ—священники и народъ, начальники и подчиненные, родители и дѣти, братья и сестры, господа и слуги, молодые и старые, богатые и бѣдные, крѣпкіе и слабые,—дѣйствуйте словомъ и дѣломъ, ученіемъ и примѣромъ, надзоромъ и вразумленіемъ, молитвою и увѣщаніемъ, сопротивленіемъ и терпѣніемъ—дѣйствуйте всѣ; ибо весьма пора такъ дѣйствовать, весьма пора взяться за дѣло“ [4].

Подъемъ духа въ русскомъ обществѣ былъ тогда такъ великъ, чуткость къ живому слову такъ въ немъ развита, что этотъ горячій призывъ казанскаго архипастыря къ общему дружному дѣлу разнесся далеко по Россіи и его подхватилъ Погодинъ въ своемъ восторженномъ словѣ, напечатанномъ съ разрѣшенія самого Государя въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 10 сентября 1855 года. „Маститый пастырь“, писалъ Погодинъ, „недавно напомнилъ намъ, что

---

[1] «Русская Старина» 1891 года, іюнь, стр. 612. «Жизнь и труды Погодина», стр. 19 (т. XIV). Высочайшее повелѣніе 18 окт. 1858 года о примѣненіи къ раскольникамъ мѣръ терпимости и снисходительности.

[2] «Жизнь и труды Погодина», т. XIV, стр. 14.

[3] Ibid, стр. 59.

[4] «Православный Собесѣдникъ» за 1855 годъ, стр. 154—164.

опаснѣйшіе враги наши—это грѣхи. Вонмемъ мудрому гласу, покаемся отъ чистаго сердца, произнесемъ искренній обѣтъ исправленія, примемся всѣ усердно за дѣло, сколько его дѣлать кому достанется". Въ ноябрьскомъ письмѣ къ своимъ петербургскимъ друзьямъ, того же 1855 года, Погодинъ, вдохновляясь снова словомъ архіепископа Григорія, продолжалъ на ту же тему и говорилъ: „намъ необходимо слѣдовать всюду за нашимъ благодушнымъ царемъ, куда онъ поведетъ насъ и укажетъ намъ путь; намъ остается помогать ему всѣми своими силами: словомъ, дѣломъ и помышленіями. Необходимо общее участіе, общее усердіе; въ общемъ дѣлѣ долженъ участвовать всякій; общаго дѣла по одиночкѣ не сдѣлаешь. Великіе и малые, знатные и простые, богатые и убогіе, старые и молодые, мужчины и женщины, должны одинаково посвящать себя всецѣло на службу отечества" [1].

Всѣ эти призывы—съ высоты престола, съ епископской и профессорской каѳедръ—къ общественной самодѣятельности высоко знаменательны. Они нагляднѣе всего указывали на зародившееся въ русскомъ обществѣ пониманіе того, что система недовѣрія и постоянной бюрократической опеки въ управленіи подрываетъ въ корнѣ здоровое развитіе народной жизни, что царство формы сглаживаетъ эту жизнь до полнаго ея обезличенія, и, наконецъ, что прочное преобразованіе и улучшеніе всего общественнаго строя можетъ совершиться при широкой освѣжающей гласности и путемъ дружнаго содѣйствія всѣхъ сословій, не разъединенныхъ, а соглашенныхъ общими интересами и призванныхъ къ самостоятельной дѣятельности [2].

Этимъ великимъ „общимъ дѣломъ", потребовавшимъ напряженнаго содѣйствія всего русскаго общества, явилось: отмѣна крѣпостнаго состоянія и улучшеніе быта крестьянъ, а также близко къ нимъ стоящаго духовенства.

Первая задача—отмѣна крѣпостнаго права и улучшеніе быта крестьянъ—была возложена Государемъ на созданные для этой цѣли крестьянскіе комитетъ и комиссіи, куда по

[1] «Жизнь и труды Погодина», т. XIV, стр. 93, 97, 142.

[2] Въ крестьянскомъ манифестѣ (19 февр 1861 года) находится слѣдующее правдивое указаніе «самый благотворный законъ не можетъ людей сдѣлать благополучными, если они не потрудятся сами устроить свое благополучіе подъ покровительствомъ закона». «Сѣверная Пчела» 6 марта 1861 г. № 51

выбору пошли лучшіе представители русскаго общества. Вторая задача—улучшеніе быта духовенства и тѣсно связанное съ этимъ улучшеніемъ преобразованіе церковно-приходскаго строя—была возложена на учрежденное въ 1862 году особое присутствіе, которое дѣйствовало также посредствомъ провинціальныхъ комитетовъ и въ помощь себѣ вызвало содѣйствіе всего православнаго духовенства.

Въ основѣ улучшенія быта крестьянъ положено было надѣленіе ихъ поземельными участками съ обязательнымъ выкупомъ этихъ участковъ у помѣщиковъ. Такія отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ породили переходное состояніе для крестьянскаго сословія, въ теченіе котораго интересы его были существенно разъединены съ интересами помѣщиковъ, смотрѣвшихъ на отдачу земли и на потерю вотчиной власти, какъ на жертву, принесенную ими на пользу народа Такое разъединеніе сословныхъ интересовъ вызвало необходимость при общественномъ устройствѣ крестьянъ замкнуть ихъ въ особыя сельскія общества и затѣмъ въ болѣе крупныя административныя единицы—волости, съ предоставленіемъ крестьянамъ, получившимъ съ момента осуществленія реформы полную личную свободу, сельскаго и волостного самоуправленія.

Эту существенную сторону крестьянской реформы нельзя упускать изъ виду при оцѣнкѣ тѣхъ преобразованій, которыя были начаты вслѣдъ за крестьянскимъ освобожденіемъ въ бытѣ духовенства и въ церковно-общественномъ устройствѣ. Эти послѣднія преобразованія, какъ извѣстно, не получили, къ сожалѣнію, такого благополучнаго окончанія, какъ крестьянское дѣло. Въ своемъ мѣстѣ мы постараемся разъяснить, что препятствіемъ для правильнаго разрѣшенія церковно-общественныхъ вопросовъ явилась, между прочимъ, и указанная замкнутость крестьянскаго міра, а также вытекающая изъ этой замкнутости искусственность сельскаго и волостного управленія. Такая обособленность крестьянскаго сословія, какъ мы увидимъ ниже, не дозволила въ свою очередь принять въ основу территоріальнаго раздѣленія государства всесословную административно-хозяйственную единицу, какимъ въ извѣстномъ отношеніи представляется „православный приходъ“.

II.

Проявленіе среди высшаго духовенства и свѣтскихъ передовыхъ людей сознанія необходимости церковныхъ преобразованій.

Указавъ вкратцѣ на тѣ стремленія нашего образованнаго общества въ началѣ царствованія императора Александра II, которыя направлены были къ обновленію всего государственнаго и общественнаго строя, мы теперь замѣтимъ, что наши передовые люди не упускали при этомъ изъ вида и сферу церковныхъ дѣлъ, подпавшихъ за длинный періодъ господства крѣпостнаго права также рутинѣ и застою и требовавшихъ, быть можетъ, болѣе чѣмъ всѣ другія общественныя дѣла, неотложнаго преобразованія.

Вотъ что, между прочимъ, писалъ въ 1855 году П. А. Валуевъ въ своей „Думѣ Русскаго“: много ли искренности и много ли христіанской истины въ новѣйшемъ направленіи, данномъ дѣламъ вѣры, въ мѣрахъ къ воссоединенію раскольниковъ и въ отношеніи къ иновѣрнымъ христіанскимъ исповѣданіямъ? Развѣ прочныя начала Евангельскаго ученія утратили витающую въ нихъ божественную силу? Развѣ вѣротерпимость тождественна съ безвѣріемъ? Развѣ намъ дозволено смотрѣть на религіозныя вѣрованія, какъ на политическое орудіе, и произвольно употреблять или стараться употреблять ихъ для достиженія политическихъ цѣлей? Лѣтописи христіанскаго міра свидѣтельствуютъ, что при подобныхъ условіяхъ сокрушается премудрость премудрыхъ и опровергается разумъ разумныхъ. Святая Церковь не болѣе ли нуждается въ помощи правительства къ развитію ея внутреннихъ силъ, чѣмъ въ насильственномъ содѣйствіи къ обращенію уклонившихся, или къ возсоединенію отпавшихъ? Нынѣшній бытъ нашего духовенства соотвѣтствуетъ ли его призванію, и правильно ли смотрятъ на внутреннія дѣла православной паствы тѣ самые государственные люди, которые всегда готовы къ мѣрамъ строгости противъ иновѣрцевъ или раскольниковъ? О раскольникахъ сказано, что ихъ религіозная жизнь заключается въ „буквѣ и недухѣ“ (1855). Кажется, что иногда Православная Церковь тяготѣетъ надъ ними „буквою и недухомъ“.

Быть можетъ, что, еслибы наши пастыри нѣсколько болѣе полагались на вышнюю силу вѣчныхъ истинъ, ими проповѣдуемыхъ, и нѣсколько менѣе вѣровали въ пользу содѣйствія мірскихъ полицій, то ихъ жатва была бы обильнѣе.

Также искренно желалъ освѣжающей реформы въ церковныхъ дѣлахъ И. С. Аксаковъ, хотя еще въ то время (въ 1856 году) его пожеланія не были облечены въ твердо-выработанныя положенія, какъ это произошло позднѣе, именно въ шестидесятыхъ годахъ. Такъ, въ письмѣ къ родителямъ, отъ 17 сентября 1856 года, Аксаковъ, между прочимъ, писалъ: я вообще того убѣжденія, что не воскреснетъ, ни русскій, ни славянскій міръ, не обрѣтетъ цѣльности и свободы, пока не совершится внутренней реформы въ самой Церкви, пока Церковь будетъ пребывать въ такой мертвенности, которая не есть дѣло случая, а законный плодъ какого-нибудь органическаго недостатка... Право, мы стоимъ того, чтобы Богъ открылъ истину православія западу, а восточный міръ, не давшій плода, бросилъ въ огонь! Я хочу сказать, что поклоненіе до-петровской Руси и слово „православіе“ возбуждаютъ недоразумѣніе, мѣшающее распространенію истины. Разумѣется, цензура всему мѣшаетъ. Невольно припомнишь слова митрополита Платона: „ври, раскольникъ, и молчи, православный“ [1].

Еще въ разгаръ севастопольской войны Кошелевъ писалъ 9 іюля 1855 года Погодину: „мнѣ кажется, что передъ нами стоитъ врагъ опаснѣе всѣхъ соединенныхъ англо-франко и сардо-турокъ, это ложь которая овладѣла всѣмъ и всѣми. И церковь, и государство, и всѣ сословія, и каждый изъ насъ въ отдѣльности волею или неволею ему служатъ. Противъ этого врага намъ нужно всячески бороться.. Я уговаривалъ Хомякова написать о лжи церковной [2]. Въ докладной запискѣ министру народнаго просвѣщенія, написанной въ 1858 году, М. Н. Катковъ, между прочимъ, говорилъ: „нельзя безъ грусти видѣть, какъ въ русской мысли постепенно усиливается равнодушіе къ интересамъ религіи. Это слѣдствіе тѣхъ преградъ, которыми хотятъ насильственно отдѣлять высшіе интересы отъ живой мысли и живаго слова

---

[1] «Жизнь и труды Погодина», т. XIV, стр. 347.

[2] Ibid, стр. 48 и 49; см. также стр. 101, 203, 318.

образованнаго русскаго общества. Вотъ почему въ литературѣ нашей замѣчается совершенное отсутствіе религіознаго направленія. Гдѣ возможно повторять только казенныя и стереотипныя фразы, тамъ теряется довѣріе къ религіозному чувству, тамъ всякій поневолѣ совѣстится выражать его, и русскій писатель никогда не посмѣетъ говорить публикѣ тономъ такого религіознаго убѣжденія, какимъ могутъ говорить писатели другихъ странъ, гдѣ нѣтъ спеціальной духовной цензуры. Эта насильственная недоступность, въ которую поставлены у насъ всѣ интересы религіи и Церкви, есть главная причина того безплодія, которымъ поражена русская мысль и все наше образованіе; она же, съ другой стороны, есть корень многихъ печальныхъ явленій въ нашей внѣшней церковной организаціи и жалкаго положенія большей части нашего духовенства. Неужели намъ суждено всегда обманывать себя и хитросплетенною ложью пышныхъ оффиціальныхъ фразъ убаюкивать нашу совѣсть и заглушать голосъ вопіющихъ потребностей? Въ такомъ великомъ дѣлѣ мы не должны ограничивать горизонтъ нашъ настоящимъ поколѣніемъ, и съ грустью должны мы сознаться, что будущность нашего отечества не обѣщаетъ добра, если продлится эта система отчужденія мысли, этотъ ревнивый и недоброжелательный контроль надъ нею. Не добромъ помянутъ насъ потомки наши, вникая въ причины глубокаго упадка религіознаго чувства и высшихъ нравственныхъ интересовъ въ народѣ, чѣмъ грозитъ намъ не очень далекая будущность Россіи“ [1].

Чувствуя живѣйшимъ образомъ потребность вывести церковныя дѣла изъ мертвеннаго состоянія, свѣтскіе образованные люди, не будучи богословами и знатоками каноническаго права, только въ общихъ чертахъ могли представлять себѣ объемъ и значеніе той реформы, которую предстояло сдѣлать въ этой области. Поэтому весьма важно узнать: въ какомъ видѣ представлялись необходимость такой реформы и возможность ея осуществленія лицамъ высшей духовной іерархіи того времени, а также свѣтскимъ писателямъ, сдѣлавшимся извѣстными въ богословской литера-

---

[1] Любимовъ, «М. Н Катковъ и его историческая заслуга по документамъ и личнымъ воспоминаніямъ». Спб. 1889 г., стр. 80

турѣ. Въ этомъ отношеніи мы на первомъ планѣ должны поставить замѣчательную переписку извѣстнаго писателя по богословскимъ и церковнымъ вопросамъ А. Н. Муравьева съ московскимъ митрополитомъ Филаретомъ относительно необходимости преобразованій въ церковномъ строѣ и управленіи.

Протопресвитеръ В. Б. Бажановъ, при письмѣ отъ 12 октября 1856 года, съ дозволенія государыни императрицы Маріи Александровны и согласно желанію митрополита Филарета, препроводилъ къ нему пространную записку о состояніи Православной церкви въ Россіи, составленную А. Н. Муравьевымъ и посланную имъ къ оберъ-прокурору Св. Синода графу А. П. Толстому. Самъ авторъ этой записки говоритъ, что въ ней онъ представилъ мрачную картину внутренняго неустройства Православной Церкви и свою критику онъ начинаетъ съ указанія на неудовлетворительное положеніе нашихъ священниковъ, которые, удостоиваясь священническаго сана въ юномъ возрастѣ, вскорѣ по окончаніи семинарскаго курса, представлялись ему людьми совершенно неопытными въ отправленіи богослуженія, равнодушными къ совершенію таинствъ и смотрящими на свой санъ не какъ на цѣль своей жизни, а какъ на средство къ существованію. А между тѣмъ, замѣчаетъ А. Н. Муравьевъ, съ вопросомъ о нормальномъ положеніи нашего духовенства тѣсно связанъ вопросъ о нравственномъ благосостояніи народа, на котораго тяжело дѣйствуютъ и равнодушіе пастырей къ отправленію ими своихъ важныхъ обязанностей и небрежное и неумѣлое отправленіе ими богослуженія.

Въ самой системѣ семинарскаго воспитанія и образованія авторъ усматривалъ крупные недостатки, выражающіеся главнымъ образомъ въ отсутствіи ближайшаго попеченія надъ этими учебными заведеніями со стороны епископовъ и въ формальномъ и сухомъ отношеніи семинарскаго начальства къ своимъ воспитанникамъ, которые въ большинствѣ случаевъ выходятъ изъ училища безъ теплой вѣры и безъ разумѣнія высоты ожидающаго ихъ званія.

Указавъ на такое невысокое нравственное состояніе большинства нашего духовенства, на скудость матеріальныхъ его средствъ и на вредъ, проистекающій отъ закрытія церквей и сокращенія причтовъ съ цѣлію поднятія матеріальнаго

благосостоянія духовенства, А. Н. Муравьевъ высказываетъ мнѣніе, что жалованье отъ правительства нарушило бы патріархальныя отношенія между пастырями и паствою и дало бы поводъ раскольникамъ укорять православныхъ священниковъ въ чиновничествѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ подвергаетъ критикѣ и существующій строй управленія церковными имуществами и доходами, причемъ, указавъ на злоупотребленія консисторій и благочинныхъ, облагавшихъ церкви оброкомъ въ свою пользу, особенно нападаетъ на направленіе, которое получаютъ свѣчные доходы въ церквахъ, идущіе исключительно на духовно-учебныя нужды. Авторъ обращаетъ вниманіе на ропотъ народа, жертвующаго свои деньги на нужды церкви и видящаго, что эти деньги употребляются на иныя цѣли, а также и на то, что причты и церковные старосты, не имѣющіе возможности удовлетворять нужды церкви на кошельковые сборы, принуждены входить между собой въ тайныя сдѣлки для сокрытія части свѣчнаго сбора и для показанія невѣрныхъ свѣдѣній объ этомъ сборѣ епархіальному начальству.

Далѣе авторъ останавливаетъ вниманіе на малолюдствѣ въ составѣ нашихъ архіереевъ по сравненію съ обширностью епархій, на частыя перемѣщенія архіереевъ изъ одной епархіи въ другую, что̀ не можетъ не отразиться вредно на отношеніи ихъ къ паствѣ и противно правиламъ перваго вселенскаго собора, на долгія отлучки ихъ изъ епархіи для засѣданій въ Св. Синодѣ, на бѣдность ихъ содержанія сравнительно съ богатыми окладами нѣкоторыхъ высшихъ лицъ духовенства иновѣрнаго и свѣтскихъ чиновниковъ духовнаго вѣдомства и, наконецъ, на отсутствіе между ними общеній, столь благодѣтельныхъ для правильнаго хода церковныхъ дѣлъ.

Указывая на неблагопріятныя послѣдствія такого одиночества въ своей епархіи архіереевъ, авторъ, между прочимъ, замѣчаетъ, что самый кругъ понятій, обращаясь постоянно въ одной и той же рамѣ консисторскихъ дѣлъ, невольнымъ образомъ можетъ стѣсниться у архіереевъ; вмѣсто того, чтобы проникать дѣятельно въ нужды церковныя, они облекаются какъ бронею въ консисторскія формы и становятся недоступными, кромѣ какъ для своихъ присныхъ или для нѣсколькихъ почетныхъ лицъ въ губерніи, съ которыми,

разумѣется, и разговоры свѣтскіе. Для упроченія взаимнаго общенія между архіереями А. Н. Муравьевъ указывалъ на необходимость архіерейскихъ съѣздовъ. Въ прежнія времена церкви, замѣчалъ онъ, были ежегодно двукратныя собранія областныхъ епископовъ, собственно для нѣкоторыхъ предметовъ дисциплины или благочинія церковнаго, потому что для догматовъ и противъ ересей созывались помѣстные и вселенскіе соборы. Хотя Святѣйшій Синодъ и замѣняетъ у насъ постоянный соборъ, но онъ обремененъ текущими дѣлами и все, изъ него истекающее, облечено формальностью закона, которая не можетъ быть усвоена всѣмъ маловажнымъ случаямъ жизни церковной. Мы видимъ и въ гражданскихъ дѣлахъ многообразные комитеты, которые безпрестанно собираются для разсужденія о какой-либо правительственной мѣрѣ, при непрестающемъ однако дѣйствованіи правительственныхъ мѣстъ, облеченныхъ властію. У кого же лучше, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, могли бы найти себѣ совѣтъ и рѣшеніе на многіе случайные вопросы по епархіи молодые епископы, если не у ближайшихъ старшихъ архіепископовъ, или у первенствующихъ членовъ, которые, по своему постоянному присутствію въ Святѣйшемъ Синодѣ, могутъ яснѣе видѣть направленіе дѣлъ? А новопосвященные архіереи иногда на всю жизнь остаются безъ совѣта, потому что не могутъ найти его у своихъ подчиненныхъ. Въ заключеніи А. Н. Муравьевъ говоритъ о пагубномъ равнодушіи нашего высшаго свѣтскаго и духовнаго общества къ расколу и добавляетъ, что страшно подумать, что когда-нибудь изъ подъ сѣни господствующей православной церкви внезапно возникнутъ многоглавныя общества, облеченныя именемъ христіанскимъ, одни еще подобящіяся своими обрядами православію, другія же совершенно ему чуждыя и напитанныя всѣми ужасами нечестія [1].

Весьма важно, конечно, знать, какъ отнесся къ мыслямъ и предположеніямъ, высказаннымъ въ этой запискѣ, митрополитъ Филаретъ, причемъ необходимо замѣтить, что при сопоставленіи текста этой записки, напечатанной въ „Русскомъ

[1] «Русскій Архивъ», 1883 годъ, книга вторая, стр. 175—203. См. также Письма митр. Филарета къ А. Н. Муравьеву (Кіевъ, 1869 г.), стр. 509 и послѣд

Архивѣ", съ выдержками изъ нея, приведенными въ октябрьскомъ письмѣ 1856 года митрополита Филарета къ протопресвитеру Бажанову, оказывается, что записка эта напечатана въ сокращенномъ видѣ [1].

Митрополитъ Филаретъ, разбирая приведенные выше доводы А. Н. Муравьева, съ которымъ онъ былъ въ постоянномъ умственномъ общеніи [2], замѣчалъ, что въ чужихъ дѣлахъ легко усматривать то, что́ требовало бы улучшеній, но не такъ легко указывать средства улучшенія. „Обличайте, но не преувеличивайте", мудро предостерегаетъ знаменитый іерархъ отъ увлеченія критикой.

Мы приведемъ только нѣкоторыя выдержки изъ указаннаго письма митрополита Филарета и остановимъ вниманіе, главнымъ образомъ, на соображеніяхъ его о способахъ улучшенія въ высшемъ церковномъ управленіи для устраненія безпорядка въ церковныхъ дѣлахъ, который онъ признавалъ и съ своей стороны.

„Записка говоритъ (замѣчалъ митрополитъ въ своемъ письмѣ), что положеніе муллъ въ Турціи и Персіи лучше нежели православныхъ священниковъ въ Россіи. На что далеко смотрѣть въ Турцію и Персію? Положеніе муллъ и въ Россіи лучше обезпечено, нежели православныхъ священниковъ. Въ такомъ положеніи изволь духовенство искать духа жизни, котораго требуетъ записка... Записка говоритъ, что сословіе духовенства обратилось въ мертвую касту, а обязанности его въ ремесло. Нельзя отрицать, что нѣкоторое число людей низшаго духовенства находится на сей низкой нравственной степени. Но такъ говорить о дѣлахъ сословія, не значитъ ли хотѣть однимъ ударомъ срубить всѣ головы, безъ разбора, которая правая или виноватая... Записка говоритъ, что у насъ Церкви не будетъ, пока воспитаніе духовенства, его содержаніе и вся дѣятельность останется на попеченіи и подъ прямою указкою правительства. Не очень трудна эта премудрость, которая осуждаетъ, что хочетъ, не принимая труда сказать, почему осуждаетъ и чѣмъ замѣнить осуждаемое. Что же будетъ если воспитаніе духовен-

[1] Собр мнѣн. и отзыв митр. Филарета, т. IV, стр. 448.

[2] За сорокъ лѣтъ переписки у А. Н. Муравьева сохранилось до 500 писемъ московскаго святителя; см. «Письма духовн и свѣтск. лицъ къ митр. Филарету» изд А. Н. Львова, стр. 257.

ства не останется въ попеченіи правительства? Будетъ ли оно безъ попеченія правительства удобнѣе и совершеннѣе? Содержаніе духовенства будетъ ли удовлетворительнѣе, если не останется на попеченіи правительства". Далѣе, однако, митрополитъ Филаретъ признаетъ вѣскость и правильность нѣкоторыхъ доводовъ автора записки. „Что говоритъ записка о взаимномъ согласіи и споспѣшествованіи церковной и государственной власти въ Россіи въ прежнія времена и о усердной дѣятельности духовенства въ пользу государства, то, поистинѣ, достойно вниманія... Записка говоритъ, что Церковь безсильна противодѣйствовать расколу Горькое слово; но въ немъ есть правда".

Переходя затѣмъ къ разсмотрѣнію предложенныхъ А. Н Муравьевымъ мѣръ врачеванія недостатковъ церковной жизни, митрополитъ Филаретъ замѣчаетъ: „сколь строги до избытка и широки обвиненія на духовное вѣдомство, изложенныя въ запискѣ, столь же предлагаемыя ею, наконецъ, требованія благонамѣренны и умѣренны какъ въ отношеніи къ Церкви, такъ и въ отношеніи къ правительству. Предположеніе созвать помѣстный соборъ принадлежитъ къ древнему характеру церковнаго управленія и можетъ принести пользу, если будетъ приведено въ исполненіе искусно и вѣрно". Далѣе митрополитъ Филаретъ развиваетъ свои замѣчательныя мысли о созывѣ собора, который, по его мнѣнію, составляется по древнему обычаю для совѣщанія о дѣлахъ церковныхъ къ вящшему благоустройству духовенства и паствы. „Въ древней Церкви (пишетъ митрополитъ) къ удобству, стройности и единству дѣйствованія на соборѣ приготовляли постоянныя отношенія епископовъ епархій или городовъ къ областному митрополиту или архіепископу, на основаніи 34 правила апостольскаго. Въ россійской Церкви сего нѣтъ. Духовный регламентъ видѣлъ нужду въ таковыхъ сношеніяхъ для совѣтовъ и разрѣшенія недоумѣній епископовъ, но предписалъ только совѣтоваться съ сосѣдними епископами, что не обязательно и неблагонадежно. Прежде, о собственному сознанію нужды, епархіальные преосвященные входили въ довѣренныя совѣщательныя сношенія съ старѣйшими и опытнѣйшими и преимущественно съ первенствующими членами Св. Синода; но съ нѣкотораго времени такія сношенія уменьшились по причинамъ, ко-

торыя излагать здѣсь неумѣстно. Въ Бозѣ почившій императоръ Александръ I имѣлъ мысль соединить по нѣскольку епархій въ округи, имѣющіе одного старѣйшаго епископа, къ которому епархіальные въ трудныхъ случаяхъ обращались бы для совѣта и который имѣлъ бы надъ ними наблюденіе и давалъ совѣты къ разрѣшенію недоумѣній и къ исправленію открывающихся погрѣшностей и безпорядковъ. По высочайшему повелѣнію составленный о семъ учрежденіи краткій проектъ оставленъ былъ на пути въ Таганрогъ и не имѣлъ дальнѣйшаго движенія. О потребности такого учрежденія нужно разсудить на предлагаемомъ соборѣ, или даже и прежде его; потому что новый неопытный начальникъ епархіи (поелику немногіе пріобрѣтаютъ предварительныя свѣдѣнія о епархіальномъ управленіи, проходя должность викарія), не имѣя старшаго и опытнаго совѣтника, подвергается опасности или, дѣйствуя на удачу, впасть въ ошибки, унижающія его въ глазахъ подчиненныхъ и вредныя, или подвергнуться излишнему вліянію опытныхъ членовъ консисторіи и секретаря."

Такъ рѣшительно и авторитетно былъ поставленъ въ самомъ началѣ царствованія императора Александра II вопросъ о необходимости созыва помѣстнаго собора для упорядоченія высшаго церковнаго управленія и для улучшенія всего церковно-общественнаго строя.

Въ слѣдующемъ 1857 году А. Н. Муравьевъ возбудилъ вопросъ первостепенной важности, а именно: „о стѣснительномъ положеніи синодальнаго дѣйствованія". Имъ были составлены двѣ записки: „О вліяніи свѣтской власти на дѣла церковныя" и „Нѣкоторыя предположенія для возстановленія прежняго порядка въ управленіи церковномъ" Записки эти были одобрены митрополитомъ Григоріемъ и протопресвитеромъ Бажановымъ и также вручены оберъ-прокурору Св. Синода А. П. Толстому.

Въ первой запискѣ А. Н. Муравьевъ, утверждая, что въ послѣднее двадцатилѣтіе (1837—1857 годы) отношенія оберъ-прокурора къ Св. Синоду совершенно измѣнились, замѣчалъ, что лице сіе (то-есть, оберъ-прокуроръ) изъ обыкновеннаго охранителя гражданскихъ законовъ (какіе поставлены были, со временъ Петра Великаго, при каждомъ коллегіальномъ управленіи) сдѣлалось болѣе чѣмъ министромъ, хотя и

безъ сего громкаго титула. По мнѣнію автора, власть оберъ-прокурора представляется троякою: во-первыхъ, она „предначертательная“ (initiative), потому что все, большею частію, дѣлается по его предложеніямъ, какъ только дѣло выступаетъ изъ общаго порядка; во-вторыхъ, „совѣщательная“ (consultative), ибо, несмотря на мнѣніе, единодушно высказанное всѣми членами Синода, никто изъ нихъ не можетъ приложить руки къ своему мнѣнію, доколѣ оберъ-прокуроръ не напишетъ сбоку на протоколѣ „читалъ“; и наконецъ „исполнительная“ (executive), ибо, несмотря на подпись членовъ, не приводится въ исполненіе ихъ рѣшеніе, доколѣ не подпишетъ онъ „исполнить“, и тогда еще, по его произволу, можетъ безотчетно долгое время пролежать протоколъ. Итакъ, два таинственныя слова: „читалъ“ и „исполнить“, безъ всякаго даже имени, рѣшаютъ дѣла церковныя, самыя важныя, какъ и самыя обыкновенныя. Какой патріархъ пользовался столь неограниченною властію?

Обращаясь къ ближайшему историческому прошлому, А. Н. Муравьевъ видѣлъ въ учрежденіи министерства духовныхъ дѣлъ, соединеннаго съ просвѣщеніемъ народнымъ, первое нарушеніе Регламента Петра Великаго, ибо оно подчинило Синодъ свѣтскому вліянію министра. Но власть оберъ-прокурора приняла чрезвычайные размѣры при уничтоженіи коммиссіи духовныхъ училищъ, уже во время управленія графа Протасова, ибо тогда не только всѣ дѣла коммиссіи перешли въ Синодъ, но при ономъ образовались два особыя управленія, весьма обширныя: духовно-учебное и хозяйственное, а изъ бывшаго отдѣленія православныхъ дѣлъ составилась обширная канцелярія, и все сіе съ директорами и вице-директорами, по образцу департаментовъ министерскихъ; такимъ образомъ, устроилось опять полное министерство, хотя и безъ имени, но съ гораздо большими правами и преимуществами, нежели первое, ибо уже потрясено было то нравственное вліяніе, которымъ искони пользовался Св. Синодъ.

Указывая, далѣе, на ненормальность подчиненія духовныхъ академій (ректоромъ которыхъ иногда является и епископъ) и семинарій свѣтской власти, на неправильное сосредоточиваніе различныхъ церковныхъ капиталовъ въ рукахъ оберъ-прокурора и на вредъ подчиненія синодальной

канцеляріи свѣтскому чиновнику, Муравьевъ усматривалъ особенное нарушеніе церковнаго начала въ учрежденіи „консультаціи“ при оберъ-прокурорѣ. Именно, онъ писалъ: „явились еще одно новое лицо и новая инстанція въ дѣлопроизводствѣ синодальномъ, по примѣру министерства юстиціи, хотя, казалось бы, нельзя примѣнять свѣтскаго порядка дѣлъ къ духовнымъ: это юрисконсультъ при оберъ-прокурорѣ и консультація, составленная изъ директоровъ различныхъ управленій и канцелярій. Что же предлагается къ обсужденію сей консультаціи? Мнѣнія Св. Синода наиболѣе по дѣламъ брачныхъ (которыя собственно подлежатъ суду епископскому на основаніи соборныхъ правилъ) въ тѣхъ случаяхъ, когда поступали на нихъ жалобы къ Государю. Прежде, нежели испросить пересмотръ синодальнаго рѣшенія, консультація должна представить оберъ-прокурору свое мнѣніе: слѣдуетъ ли о томъ докладывать, то-есть въ иныхъ словахъ, право или неправо судили члены Св. Синода? Не есть ли это нарушеніе всякаго церковнаго начала? И что же послѣ сего значитъ мнѣніе Синода“?

Далѣе въ своей запискѣ Муравьевъ сѣтовалъ на чрезмѣрное количество свѣтскихъ чиновниковъ при синодальномъ управленіи и въ канцеляріи оберъ-прокурора, содержаніе которыхъ большею частію отнесено было на счетъ свѣчного сбора, каковой грошами собирается и, можно сказать, похищается у убогихъ церквей. Затѣмъ онъ указывалъ на властное распоряженіе оберъ-прокурора свѣтскими секретарями консисторій въ ущербъ архіерейской власти и на умаленіе вліянія Синода въ отношеніи всеобщаго управленія Церковью, подпавшаго свѣтскому руководству; при этомъ авторъ объяснялъ, что члены Синода обсуждаютъ только предлагаемыя дѣла, остаются въ невѣдѣніи объ исполненіи ихъ рѣшеній и лишены прежде бывшаго при пріѣздѣ или отъѣздѣ изъ столицы общенія съ царемъ, такъ какъ обычай этотъ прекратился, и оберъ-прокуроръ заслонилъ своимъ лицомъ всѣхъ іерарховъ.

Но самое тяжкое и, можно сказать, догматическое нарушеніе правъ собственно іерархическихъ обнаружилось, по мнѣнію автора, въ перемѣщеніи архіереевъ съ каѳедры на каѳедру мимо Св. Синода. Опираясь на постановленія перваго и втораго вселенскаго собора, А. Н. Муравьевъ утвер-

ждалъ, что по практикѣ церковной перемѣщеніе архіереевъ допускалось только по крайней необходимости и во всякомъ случаѣ должно совершаться не иначе какъ іерархическою властію и соборною молитвою. Не болѣе пятнадцати лѣтъ (то есть, въ началѣ сороковыхъ годовъ) и совершенно нечаянно, замѣчаетъ авторъ, это право перемѣщенія перешло изъ подъ іерархическаго вліянія на произволъ оберъ-прокурора и окончательно подчинило ему епархіальныхъ архіереевъ.

Такое положеніе дѣлъ, по мнѣнію А. Н. Муравьева, чрезвычайно опасно для будущаго. Оно роняетъ достоинство Св Синода, поставляя рядомъ съ нимъ особую свѣтскую власть, отъ которой все зависитъ, что только есть наиболѣе важнаго въ Церкви Внутри отечества еще болѣе усилится расколъ и будетъ имѣть противъ насъ оружіе, а съ востокомъ можетъ произойти совершенный разрывъ, потому что тамъ и теперь жалуются на свѣтское преобладаніе въ нашей Церкви, котораго опасаются и для себя.

Въ заключеніе авторъ, заявляя, что нынѣшній оберъ-прокуроръ уже вовсе не то лицо, которое поставлено было Петромъ Великимъ при учрежденіи Синода только для наблюденія, чтобы правительство духовное не выходило изъ предѣловъ гражданскихъ законовъ, замѣчалъ, что необычайная оберъ-прокурорская власть, въ нынѣшнихъ вновь созданныхъ ея размѣрахъ, не опредѣлена и не ограничена никакою инструкціею, а между тѣмъ она касается самыхъ жизненныхъ вопросовъ православія. „Господь да охранитъ святую Церковь Свою и поддержитъ ее въ обстоятельствахъ трудныхъ“, такъ кончаетъ Муравьевъ свою первую изъ названныхъ записокъ.

Во второй своей запискѣ: „Нѣкоторыя предположенія для возстановленія прежняго порядка въ управленіи церковномъ“ А. Н Муравьевъ такимъ образомъ очерчиваетъ предѣлы власти оберъ-прокурора Св. Синода: „онъ есть только посредникъ между правительствомъ духовнымъ и гражданскими властями и око царское за наблюденіемъ законовъ, а не какая-либо особая правительственная власть; и потому всѣ его дѣйствія должны быть совершенно покрыты личностью Святѣйшаго Синода, поставленнаго во главѣ россійской церкви, послѣ патріаршества“. Сообразно съ этимъ

взглядомъ, авторъ полагалъ: 1) что оберъ-прокурору не подобаетъ ставить, послѣ уже подписи членовъ Синода, слово „исполнить“; 2) для большаго успѣха въ дѣлопроизводствѣ необходимо имѣть въ присутствіи Св. Синода настольный реестръ всѣхъ поступающихъ дѣлъ и уже рѣшенныхъ, доколѣ еще они не исполнены; 3) каждый изъ членовъ Синода долженъ имѣть право входить съ предложеніями въ Синодъ, какъ это и прежде бывало (но съ нѣкотораго времени опущено), такъ какъ въ коллегіальномъ управленіи это есть выраженіе равенства членовъ между собою.

Для возвращенія къ первобытному единству управленія духовнаго необходимо сдѣлать, по мнѣнію автора, слѣдующія измѣненія: а) упразнить должность начальника синодальной канцеляріи; б) духовное образованіе подчинить опять прямо Св. Синоду, безъ посредничества директоровъ и оберъ-прокурора; в) уничтожить консультацію при оберъ-прокурорѣ, роняющую достоинство Синода, съ оставленіемъ юрисконсульта для сенатскихъ дѣлъ; г) сократить штатъ слишкомъ обширнаго персонала свѣтскихъ чиновниковъ. Однимъ словомъ, устроить все, какъ это было прежде въ Синодѣ, болѣе 130 лѣтъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію А. Н. Муравьева, очистится древнее коллегіальное управленіе отъ позднѣйшихъ министерскихъ формъ, которыя только нарушаютъ порядокъ дѣлопроизводства.

Далѣе авторъ записки излагаетъ еще нѣсколько соображеній относительно упорядоченія церковнаго управленія. Такъ, секретарь консисторіи долженъ войти въ первобытное свое положеніе при архіереѣ и назначаться съ его согласія, будучи въ полной отъ него зависимости, хотя и подъ вѣдѣніемъ оберъ-прокурора, какъ прямого начальника всѣхъ свѣтскихъ чиновниковъ. Перемѣщеніе архіереевъ съ епархіи на епархію, какъ дѣло прямо соборное, должно необходимо возвратиться къ первобытному порядку, то-есть, чтобы два или три кандидата, избираемые въ присутствіи Синода, были представляемы государю императору для утвержденія одного изъ нихъ. Такимъ же правиломъ должно руководствоваться и при вызовѣ архіереевъ для засѣданія въ Синодѣ, потому что соборнымъ разсужденіемъ должны быть вызываемы члены опытные, а не такіе только, которые восполняютъ собою число засѣдающихъ. Каждый вновь по-

священный архіерей, равно какъ вновь пріѣзжающіе и отъѣзжающіе въ свои епархіи, должны, какъ всегда было по древнему порядку, представляться государю императору, а на другой день Пасхи, послѣ литургіи во дворцѣ, пусть всѣ члены Синода опять христосуются съ государемъ, потому что, по недавно вкравшемуся обычаю, только они одни лишены сего духовнаго съ нимъ общенія. Необходимо умножить число епархіальныхъ архіереевъ и ихъ викаріевъ, потому что Церковь россійская терпитъ отъ ихъ недостатка въ своемъ благоустройствѣ.

Всѣ свои предположенія о преобразованіи высшаго церковнаго управленія А. Н. Муравьевъ сообщилъ также митрополиту Филарету. Какъ видно изъ писемъ митрополита Филарета къ А. Н. Муравьеву, отъ 18 марта и 8 апрѣля 1857 года, митрополитъ находилъ, что инструкцію оберъ-прокурору Св. Синода писать дѣло сомнительное, и что въ духовномъ регламентѣ такая инстукція имѣется подъ рубрикой: „должность оберъ-прокурора“. Относительно же измѣненія порядка избранія архіереевъ московскій святитель соглашался съ тѣмъ предположеніемъ, что архіерейское избраніе должно быть возвращено къ апостольскому образцу, чтобы всегда было два кандидата. Въ заключеніи своего письма, отъ 8 апрѣля 1857 года, митрополитъ Филаретъ высказывалъ слѣдующую грустную истину, обращающую на себя тѣмъ больше вниманія, что она сознавалась даже такимъ вліятельнымъ лицомъ, какимъ былъ знаменитый архипастырь, а именно, онъ писалъ: „тогда какъ враждующіе противъ православной Церкви пролагаютъ себѣ и явные, и тайные пути, преданнымъ ей, то предстоятъ преграды, то не дается довольно свѣта, то не достаетъ единства и стройнаго движенія къ истинно-полезному и спасительному“ [1].

[1] См. «Собр. мнѣн. и отзыв. митр. Филарета» т. IV, стр. 213, 225 227. Срав. слѣд письма А. Н. Муравьева къ митр Филарету: въ письмѣ отъ 12 марта 1857 г Муравьевъ распространяется о произволѣ оберъ-прокурора, терпимомъ только безгласіемъ архіереевъ; въ письмѣ отъ 22 марта т. г. Муравьевъ высказываетъ, что 30-лѣтнее трудное поприще минувшаго царствованія сдѣлало митрополита слишкомъ осторожнымъ и наконецъ въ письмѣ отъ 17 апрѣля т. г. Муравьевъ касается неудовлетворительности консисторскихъ порядковъ и проектируетъ зависимость консисторскихъ секретарей отъ епархіальнаго архіерея; см. Письма духов. и свѣт. лицъ къ митр. Филарету, изд. А. Н. Львова, стр. 279—286.

Также грустно звучитъ отвѣтъ Филарета на письмо епископа камчатскаго Иннокентія, отъ 19 ноября 1857 года. Въ этомъ отвѣтѣ митрополитъ, между прочимъ, пишетъ: „открывать и обличать недостатки легче, нежели исправлять. Несчастіе нашего времени то, что количество погрѣшностей и неосторожностей, накопленное не однимъ уже вѣкомъ, едва ли не превышаетъ силы и средства исправленія“ [1].

Ознакомившись съ перепиской Муравьева съ митрополитомъ Филаретомъ, мы замѣтимъ, что вопросъ о преобразованіи церковнаго управленія несомнѣнно занималъ тогда высшія духовныя сферы. По мѣрѣ обнародованія писемъ, записокъ и біографическихъ очерковъ лицъ, принадлежавшихъ къ составу высшаго духовенства, все яснѣе становится участіе нѣкоторыхъ выдающихся іерарховъ того времени въ общемъ стремленіи къ реформамъ, охватившемъ наше общество въ началѣ царствованія императора Александра II, и недовольство его существовавшими тогда порядками въ духовномъ вѣдомствѣ и вообще въ церковно-общественныхъ дѣлахъ.

Изъ переписки знаменитаго епископа камчатскаго Иннокентія (впослѣдствіи митрополита московскаго) съ тѣмъ же А. Н. Муравьевымъ усматривается, что преосвященный Иннокентій, замѣчая безпорядки и неустройства въ нашей Церкви, развивалъ свои взгляды на необходимость коренныхъ въ ней преобразованій. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что А. Н. Муравьевъ, составляя свои приведенныя выше записки, вдохновлялся многими мыслями преосвященнаго Иннокентія [2].

Весьма любопытно мнѣніе митр. Филарета о нормальномъ составѣ Св. Синода, отъ 2 апрѣля 1857 г., и критика состава синодальнаго присутствія, подписавшаго прибавленіе къ Духов. Реглам. (Собр. мнѣн и отзыв. митр. Филарета, т. IV, стр 233). Также интересно высказанное митр. Филаретомъ въ письмѣ протопр. Бажанову (окт. 1857 г., ibid стр. 448) слѣдующее мнѣніе: «Петръ Великій прельстился проектомъ Лейбница о коллегіяхъ, въ томъ числѣ и о духовной коллегіи, которую у протестанта перенялъ Петръ, но которую Провидѣніе Божіе и церковный духъ обратили въ Св. Синодъ».

[1] «Письма преосв. Иннокентія», изд. Барсукова, книга II, стр. 195.

[2] «Письма преосв. Иннокентія», изд. Барсукова, кн. II, № 172, 178, 185, 193, 195, 197, 202, 206, 211, 223, 224, 231, 243. Сравн. также письма преосв. Иннокентія къ А. Н. Муравьеву, напечат. въ Прибавл. къ Твор.

Такъ, изъ этихъ писемъ видно, что камчатскій архипастырь,извѣстный также своимъ человѣколюбивымъ взглядомъ на расколъ, находилъ, между прочимъ, что избраніе пастырей только изъ духовенства, а не изъ всѣхъ сословій несогласно съ уставами Церкви, а равно и посвященіе ихъ моложе 30 лѣтъ, что воспитаніе духовенства совершенно неудовлетворительно и не можетъ такъ оставаться, а положеніе духовныхъ училищъ весьма плохое, что понятіе о надзорѣ за паствою у насъ совершенно потеряно и что необходимо слѣдуетъ возвысить званіе дьячка, какъ чтеца слова Божія. Считая необходимымъ открытіе въ Россіи какъ можно болѣе епархій и умноженіе числа архіереевъ (а въ крайнемъ случаѣ викаріевъ), преосвященный Иннокентій съ особенною грустію подмѣчалъ умаленіе архіерейской власти. „Нынѣ архіереи въ городахъ нужны почти только для торжественнаго служенія въ извѣстные дни, не болѣе“, писалъ онъ 2 октября 1856 года. Нѣсколько позднѣе, въ письмѣ къ оберъ-прокурору Ахматову, отъ 6 марта 1864 года, преосвященный Иннокентій замѣчалъ: „что архіерей безъ дозволенія чиновника не можетъ окрестить язычника; я думаю, что и самъ отецъ протоіерей Васильевъ Парижскій (извѣстный настоятель русской церкви въ Парижѣ) затруднится защищать это положеніе“.

Слѣдя съ живымъ участіемъ за духовною литературой и журналистикой того времени, тогда только что возрождавшейся, преосвященный Иннокентій съ особенною любовію отзывался о трудахъ молодаго Гилярова-Платонова, и на архипастыря особенно сильное впечатлѣніе произвела извѣстная обличительная книга священника І. Беллюстина „Описаніе сельскаго духовенства“, о значеніи которой для нашего общества мы будемъ говорить ниже. Преосвященный Иннокентій находилъ въ этой книгѣ „правды много“, и въ письмѣ своемъ къ Н. Д Свербееву, отъ 11 декабря 1858 года, между прочимъ, писалъ: „Вы опасаетесь послать эту книгу митрополиту Филарету. Напрасно. Пошлите, если можно. Пусть онъ увидитъ, что я правду говорилъ

св. отц. за 1889 годъ; письма: отъ 17 ноября 1855 г., отъ 31 янв. 1857 г., 3 февр. 1858 г., 30 марта 1858 г., 16 апр и 17 окт. 1859 г., 19 янв. 1863 г. «Русскій Архивъ», 1889 г. № 5 и 6.

ему о нашемъ духовенствѣ, которую онъ едва ли отъ кого слышалъ".

Недовольство преосвященнаго Иннокентія синодальными порядками также весьма ярко выражается въ его письмахъ, и онъ особенно много надеждъ возлагалъ на митрополита Григорія, который въ качествѣ первенствующаго члена Синода могъ, по мнѣнію епископа Иннокентія, возстановить древнее значеніе Синода. „Самыя лучшія и необходимѣйшія для блага Церкви предложенія не пріемлются"... писалъ епископъ Иннокентій 17 ноября 1855 года А. Н. Муравьеву. „Не я одинъ вижу неустройства и безпорядки въ нашей Церкви, это видятъ даже члены Св. Синода, но ничего не выходитъ Быть можетъ, по крайней мѣрѣ я сильно уповаю, что при нынѣшнемъ государѣ и нынѣшнемъ предсѣдателѣ, ахъ! нѣтъ, виноватъ, у васъ, вѣдь его уже давно нѣтъ, при нынѣшнемъ первоприсутствующемъ (митрополитѣ Григоріи) много и многое устроится къ лучшему" [1].

Такой же подавленный тонъ замѣчается въ письмахъ другаго знаменитаго іерарха того времени, именно кіевскаго митрополита Арсенія (Москвина), когда онъ своему пріятелю архіепископу костромскому Платону описывалъ синодальные порядки, подневольное положеніе архіереевъ и ихъ подобострастіе и лишнюю покорность свѣтской власти [2]. Письма эти относятся къ шестидесятымъ годамъ, когда поднятъ былъ вопросъ объ улучшеніи быта духовенства и о переустройствѣ церковно-приходской жизни, а потому мы приведемъ сужденія о нихъ ниже. Здѣсь же, основываясь на словахъ митрополита Филарета, упомянемъ, что также видный іерархъ описываемой эпохи, именно епископъ вятскій Агаѳангелъ (Соловьевъ), будучи въ концѣ пятидесятыхъ годовъ викаріемъ въ С.-Петербургѣ, занимался, между прочимъ, поправкой проекта извѣстнаго ревнителя православія П. Н.

---

[1] Митрополитъ Григорій, живо и глубоко сознавая нужду въ преобразованіи духовныхъ училищъ, занялся начертаніемъ правилъ новаго для нихъ порядка и внесъ свою записку по этому предмету въ Синодъ Эта записка даже не была доложена Синоду, и самъ оберъ-прокуроръ Синода графъ А. П. Толстой взялъ на себя иниціативу сношеній съ епархіальными архіереями и ректорами семинарій по этому вопросу.

[2] «Русскій Архивъ», 1892 г. кн. II, стр. 200 и послѣдн. №№ 9—14, 16, 17, 20—23, 26—30, 35, 38—40.

Батюшкова о замѣнѣ при церквахъ посвященныхъ причетниковъ наемными людьми. Во время же своего служенія въ шестидесятыхъ годахъ въ Вяткѣ преосвященный Агаѳангелъ составилъ проектъ въ формѣ всеподданнѣйшаго письма къ государю императору о неудовлетворительности и о преобразованіи синодальнаго управленія, подобный, какъ указываетъ тотъ же митрополитъ Филаретъ, проекту епископа енисейскаго Никодима (Казанцева) [1].

Дальнѣйшее раскрытіе и обнародованіе архивовъ почившихъ іерарховъ начала царствованія императора Александра II, конечно, дозволитъ, на основаніи этихъ лучшихъ данныхъ, будущему историку представить въ болѣе совершенномъ видѣ участіе высшаго духовенства въ преобразованіяхъ того времени, но и сообщаемыя въ этой главѣ отрывочныя объ этомъ свѣдѣнія достаточно убѣждаютъ въ томъ, какъ глубоко сочувствовали дѣлу реформы во всемъ церковномъ управленіи нѣкоторые высшіе іерархи описываемой эпохи.

III.

Возбужденіе вопроса въ литературѣ и журналистикѣ о преобразованіи въ церковно-общественныхъ дѣлахъ.—Проявленіе сочувствія въ свѣтскомъ обществѣ къ участи духовенства.

Въ самомъ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ весьма много писалось о положеніи русскаго духовенства и въ свѣтскихъ, и въ духовныхъ журналахъ, а также въ отдѣльныхъ изданіяхъ, появлявшихся преимущественно за границей, гдѣ свободнѣе можно было поднимать и обсуждать нѣкоторые щекотливые вопросы, относя-

---

[1] Указанное сочиненіе епископа Агаѳангела, подъ заглавіемъ «Высшая администрація русской Церкви», сохранилось въ копіи между рукописями, пожертвованными митрополитомъ Исидоромъ въ библіотеку С.-Петербургской духовной академіи. Въ этомъ сочиненіи епископъ Агаѳангелъ, подобно А. П. Муравьеву, указывалъ на полное порабощеніе Синода свѣтскою властію. (См «Сборникъ» (рукоп.) изъ бумагъ митрополита Исидора, «Акад Биб» № 60) Въ томъ же сборникѣ находится сочиненіе названнаго епископа: «Въ чемъ должно состоять высшее, вполнѣ каноническое управленіе отечественной церкви», (проектъ переустройства Св. Синода въ Св Правительствующій постоянный всероссійскій соборъ). Въ этомъ же сборникѣ находится копія съ упомянутой выше записки П Н. Батюшкова «о сельскомъ православномъ духо-

щіеся до церковнаго управленія, строя и быта нашего духовенства. Особенно сильное впечатлѣніе произвели разоблаченія, появившіяся въ книгѣ, напечатанной въ 1858 году въ Лейпцигѣ, на русскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: „Описаніе сельскаго духовенства въ Россіи“. Въ этой книгѣ въ яркихъ краскахъ были выставлены недостатки въ бытѣ русскаго духовенства, въ системѣ его образованія, воспитанія и управленія. Въ этихъ разоблаченіяхъ грустная правда, быть можетъ, была перемѣшана съ преувеличеніями, но преднамѣренной неправды въ этой книгѣ видѣть нельзя, ибо авторъ говоритъ: „да возстяжетъ насъ Господь на судѣ своемъ страшномъ, если мы осмѣлимся сказать хоть одно слово лжи“. Коренное преобразованіе для всего духовенства авторъ считалъ необходимымъ и въ особенности въ системѣ образованія и управленія, которое въ образѣ „консисторій“ представлялось автору верхомъ несправедливости. Можно сказать, что въ этой книгѣ затронуты были главнѣйшіе вопросы, которые впослѣдствіи стали обсуждаться широко въ нашей журналистикѣ шестидесятыхъ годовъ Всѣ надежды авторъ возлагалъ на „могучую державную руку государя“ и торжественно предсказывалъ, что все духовенство въ странѣ вѣчной жизни, предъ престоломъ Царя царствующихъ, крѣпкимъ голосомъ воскликнетъ имя того царя земли русской, который совершитъ то, чего не было сдѣлано со временъ равноапостольнаго князя Владиміра, а именно, изведетъ изъ тьмы и сѣни смертной тѣхъ, которые другихъ должны вести къ пренебесному свѣту. Въ майской книжкѣ журнала „Русскій Вѣстникъ“ за 1859 годъ извѣстный историкъ Погодинъ объявилъ, что эта книга написана по его заказу однимъ сельскимъ священникомъ и напечатана за границей вопреки воли автора. [1].

венствѣ западныхъ губерній», въ которой авторъ, между прочимъ, развиваетъ свой взглядъ о необходимости учрежденія при церквахъ «приходскихъ совѣтовъ».

Письма митр Филарета, изд. арх. тверск. Саввою, № 66, 95. См. также сужденія преосв. Никодима о синодальныхъ порядкахъ при графѣ Протасовѣ: «О Филаретѣ, митр. московск. моя память» преосв. Никодима, стр. 39, 53, 69, 88; «Чтенія Имп Общ. Ист. и Древн Рос.» 1877 г. книга II.

[1] «Русск. Вѣстн.» май, 1859 г. «Соврем. Лѣтоп.», стр. 44. См. замѣтки о вліяніи на общество этой книги въ «Дневникѣ» А. В. Ники-

Эти разоблаченія вызвали возраженія и въ томъ же году, то-есть въ 1859, появился въ Берлинѣ сборникъ подъ заглавіемъ: „Русское духовенство“. Въ статьяхъ этого сборника анонимные авторы, памятуя, какъ всегда помѣщики и начальство опасались увеличенія власти и вліянія духовенства на народъ, старались выяснить истинную причину безсильнаго и забитаго состоянія духовенства и изобличить нападавшихъ на него писателей въ намѣренномъ преувеличеніи его недостатковъ [1]. Одна изъ статей этого сборника, а именно: „Мысли свѣтскаго человѣка о книгѣ: Описаніе сельскаго духовенства“, была перепечатана въ апрѣльской книжкѣ, № 16, журнала: „Духовная бесѣда“ за 1859 годъ [2].

Не только состояніе и бытъ низшаго духовенства слу-

тенко, т. II, стр. 99, 100, 107, а также въ письмахъ А Муравьева къ митр. Филарету· «Письма духовн и свѣтск. лицъ», изд. Львовымъ 1900 г. стр., 289, 290, 296 и 297; изъ этихъ писемъ видно, что авторомъ «Мыслей свѣтск. человѣка», напечат въ «Духовной Бесѣдѣ» за 1859 г, былъ А. Муравьевъ (тоже см. стр. 332). Авторомъ «Описанія сельск. духовн. въ Россіи» былъ калязинскій священникъ Іоаннъ Степановичъ Беллюстинъ, прозванный оберъ-прокуроромъ Синода Ахматовымъ «духовнымъ Щедринымъ»; «Письма къ митр. Филарету», стр. 583 См. также письмо митр. Филарета къ А. Муравьеву («Письма», Кіевъ, 1869 г., стр. 547, 553). См также отвѣтное письмо А. М. (Муравьева?) къ Мих. (Погодину?), на объясненіе его по поводу книги о сельскомъ духовенствѣ, съ указаніемъ причинъ церковной неурядицы, зависящихъ не отъ духовенства, а отъ неправильныхъ отношеній государства къ Церкви, и о печальномъ состояніи Церкви подъ управленіемъ графа Протасова и его преемника. рукописн сборн. митр. № 60.

[1] О существованіи такого опасенія упоминалось также въ словѣ объ освобожденіи крестьянъ. произнесенномъ въ Казани 19 февраля 1859 года, а именно въ немъ указывалось, что духовное вліяние на поселянъ сельскихъ пастырей встрѣчало много затрудненій («Правосл Собесѣдн.» 1859 г, т. I) См. также три статьи проф. Предтеченскаго. «Въ защиту русскаго духовенства» 1863 года «Кто взвѣситъ всѣ обстоятельства (замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ авторъ), въ какихъ духовенство было еще недавно поставлено къ помѣщикамъ и другимъ начальствующимъ лицамъ, не исключая бурмистровъ, старостъ и даже писарей, тотъ затруднится бросить камень осужденія въ приходскихъ священниковъ. Тѣсно имъ было отовсюду Вся жизнь ихъ проходила среди запуганныхъ крестьянъ».

[2] Обвиненія русскаго духовенства въ кастовой замкнутости появились и въ газетѣ «Le Nord», отъ 10 мая 1862 года, и эти нападки побу-

жили темой для споровъ и обсужденій, но также подвергалось критикѣ и положеніе высшаго духовенства, въ особенности по отношенію его къ государственной власти. По условіямъ нашей цензуры только въ заграничной журналистикѣ могъ возникнуть возбудившій общее вниманіе споръ между нантскимъ епископомъ Жакмэ и парижскимъ протоіереемъ Васильевымъ о значеніи высшей свѣтской власти въ дѣлахъ русской Церкви и ея помѣстнаго собора Св. Синода. Эта горячая полемика, возгорѣвшаяся въ 1861 году на страницахъ журнала „L'Union chrétienne", касалась извѣстнаго текста присяги, установленной духовнымъ регламентомъ для членовъ Св. Синода, и въ словахъ этой присяги упомянутый католическій епископъ усматривалъ зависимость нашей Церкви отъ государственной власти [1]. Про-

---

дили Сушкова написать защитительную статью, которая появилась въ «Le Nord» 1—8 іюня 1862 г. Сочиненіе: «L'Eglise russe à-t-elle fait quelque chose pour l'affranchissement des p.ysans en Russie» (составлено русскимъ и издано въ Женевѣ въ 1861 г) написано въ защиту дѣятельности русскаго духовенства на пользу народа. Изъ болѣе раннихъ сочиненій упомянемъ еще о книгѣ Гагарина: «Станетъ ли Россія католической», и отвѣтъ мірянина на эту книгу (С. Барановскаго, изд. въ Берлинѣ), а также о книгѣ того же Гагарина. «Старовѣрцы, русская церковь и папа», въ которой авторъ пытается доказать, что наша церковь не сохранила своей древней независимости; см. «Правосл. Собесѣдн.» 1860 г. т. I и «Russische Studien zur Theologie und Geschichte» von Moriz Krühl, II Heft, Munster 1857 г. Весьма интересный взглядъ на значеніе русскаго духовенства выраженъ въ изданной на французскомъ языкѣ книгѣ Гагарина. «De l'enseignement de la Theologie dans l'Eglise russe». Paris, 1856 г; авторъ говоритъ, что самымъ важнымъ вопросомъ въ Россіи является вопросъ объ образованіи и воспитаніи священниковъ. «Donnez à la Russie un clergé digne de sa haute mission, et la Russie se place sans effort aux premiers rangs des nations chrétiennes. L'avenir de la Russie dépend de ce qui sera le clergé». Сравни также полемическія сочиненія А. С. Хомякова (Полн. собр. сочин., изд второе, т. II). См. также сочиненіе Шедо-Ферроти «La tolérance et le schisme religieux en Russie», глава XVIII, «О необходимыхъ улучшеніяхъ въ быту православнаго духовенства».

[1] См замѣчательный протестъ въ 1742 г. противъ текста синодальной присяги ростовскаго митрополита Арсенія Мацѣевича, который, будучи назначенъ членомъ Синода, не принялъ этой присяги и уѣхалъ въ Ростовъ. Особенно любопытна поправка, сдѣланная митрополитомъ, текста этой присяги; см статью Чистовича въ газетѣ «День» за 1862 г. № 25, а также «дѣло объ Арсеніи Мацѣевичѣ» въ «Чтен. Общ. Ист. и Древн. Рос.» 1862 г., кн. 2 и 3 (смѣсь).

тогерей Васильевъ въ своемъ отвѣтѣ отстаивалъ самостоятельность русской Церкви предъ государствомъ, и этотъ отвѣтъ (какъ и вся переписка) былъ переведенъ на разные европейскіе языки и, между прочимъ, разосланъ ко всѣмъ французскимъ епископамъ [1].

Насколько дозволяли цензурныя условія, и у насъ свѣтскіе и духовные писатели посвящали свои статьи раскрытію подробностей быта духовенства, обнаруженію недостатковъ, замѣчаемыхъ въ духовномъ сословіи, особенно въ системѣ его воспитанія, образованія и управленія. Свѣтская литература на первыхъ порахъ заговорила по большей части въ ожесточенномъ тонѣ. Въ публицистическихъ статьяхъ обращалось вниманіе на поразительную апатичность и боязливость духовенства къ общественнымъ интересамъ, на его постоянное раболѣпіе и заискиваніе предъ сильными людьми, на отсутствіе связей его, помимо требъ, съ другими сословіями, на односторонность его образованія и даже указывалось на невѣжество многихъ сельскихъ священниковъ. Усматривая потомственность въ духовномъ званіи, обусловленную наслѣдственностью мѣстъ и полную замкнутость духовенства вслѣдствіе полученія образованія въ семинаріяхъ, наполненныхъ исключительно дѣтьми священно и церковно-служителей, нѣкоторые писатели безъ стѣсненія

---

[1] Относительно подробностей этой полемики см., между прочимъ, въ іюнѣ и августѣ книжки журн. «Правосл. Обозр.» за 1861 годъ. См. переводъ на русскій языкъ статьи изъ «Allgemeine Kirchnzeitung» (Darmstadt, 1862 г. № 82) въ журналѣ «Духовная Бесѣда» за 1862 г. т. XVII. См. замѣтки англійскихъ духовн. журналовъ въ «Христ. Чтен.» 1863 г., № 141 ч. I, стр 393 и № 142, ч II. стр 277. Отецъ Васильевъ въ мартѣ 1862 года принужденъ былъ отправить письмо къ архіеп. ліонскому Бональду, который продолжалъ утверждать о главенствѣ въ русской Церкви государя (переводъ этого письма въ іюльской и сентябрьской книжк. журн. «Странникъ» за 1862 г) Сравни мысли А. С. Хомякова противъ главенства русскаго государя въ православной Церкви, изложенныя въ его брошюрѣ. «Нѣсколько словъ православнаго христіанина о западныхъ вѣроисповѣданіяхъ». Полн собр. сочин т. II, стр. 34—37

Потребность переносить за границу статьи полемическаго характера была въ то время такъ велика, что появившаяся въ журн «Странникъ» янв. 1860 г, статья архимандрита Ѳеодора «О православіи въ отношеніи къ современности» была переведена на нѣмецкій языкъ и издана въ Лейпцигѣ (см. «Сынъ Отечества», 1892 г., № 54. «обществ. дѣла»).

называли духовенство кастою. Въ беллетристическихъ сочиненіяхъ и воспоминаніяхъ нѣкоторыхъ лицъ рисовались неприглядные типы, развившіеся въ духовномъ классѣ, и особенно много описаній посвящалось тяжелой бурсацкой жизни и вообще семинарскому строю, страдавшему сухостью преподаванія, излишнею жестокостью начальства къ ученикамъ и бѣдностью учебныхъ средствъ и пособій [1].

Всѣ эти нападки свѣтскихъ писателей на духовенство не оставались безъ отвѣта. Нѣкоторые представители духовнаго сословія выступили съ печатнымъ словомъ, въ которомъ съ своей стороны укоряли свѣтское общество въ неуваженіи къ священному сану, въ нарушеніи правилъ и обрядовъ вѣры, въ незнаніи этихъ правилъ, въ склонности ко всему иноземному, въ скудости отпускаемыхъ средствъ на нужды духовенства, а высшее свѣтское общество еще и въ томъ, что оно также совершенно замкнуто для лицъ другихъ сословій, въ томъ числѣ и для духовенства, а слѣдовательно, представляетъ изъ себя въ нѣкоторомъ родѣ тоже касту [2].

---

[1] Типы семинаристовъ и эпизоды изъ бурсацкой жизни, находящіеся въ сочиненіяхъ Нарѣжнаго (романъ «Бурсакъ»), Рѣшетникова «Между людьми», Помяловскаго «Очерки бурсы», слишкомъ хорошо извѣстны нашему обществу. Изъ мемуаровъ укажемъ на вышедшее въ Москвѣ въ 1860 году сочиненіе Измайлова «Взглядъ на собственную прошедшую жизнь». Записки Ростиславова, Добрынина, печатавшіяся въ «Русской Старинѣ», слишкомъ извѣстны. Упомянемъ еще о томъ, что, какъ видно изъ оберъ-прокурорскаго отчета за 1860 г. (стр. 56), князь Урусовъ, директоръ духовно-учебнаго управленія, производя ревизію пяти семинарій и посѣщая квартиры семинаристовъ, самъ удостовѣрился въ нищетѣ, лишеніяхъ, которымъ обречены были бѣднѣйшіе изъ воспитанниковъ. Самые наставники отъ ограниченности получаемаго содержанія терпѣли бѣдность и не имѣли средствъ пользоваться всѣми учеными пособіями для усовершенствованія себя въ преподаваемыхъ ими предметахъ. О взяточничествѣ, звѣрствѣ и др. недостаткахъ смотрителей и учителей духовныхъ училищъ см. «Описаніе сельскаго духовенства», «Первоначальное и семинарское образованіе», стр. 3—51.

[2] Особеннаго интереса эти полемическія статьи въ настоящее время не представляютъ, и мы укажемъ только на нѣкоторыя, возбудившія болѣе всего вниманія: 1) «Отечественные Записки» 1858 года май, «Современная хроника Россіи», 2) «Русскій Вѣстникъ» 1858 г. февраль, книжка 2 я, «Воспоминанія о Кудрявцевѣ»; 3) «Земледѣльческая Газета» 1857 г., № 39 статья Критскаго «О распространеніи грамотности между крестьянами»; 4) Та же газета за 1858 г., № 27, статья Остафьева

Изъ этихъ полемическихъ статей мы опустимъ тѣ, въ которыхъ авторы, подъ предлогомъ нападокъ на духовенство, пытались разрушить устои вѣры и церковности, такъ какъ эта отрицательная дѣятельность явилась лишь эпизодомъ въ общемъ ходѣ нашего умственнаго движенія въ описываемую эпоху [1]. Сосредоточивъ вниманіе на статьяхъ написанныхъ безъ этихъ предвзятыхъ цѣлей, мы замѣтимъ, что наиболѣе благоразумные и безпристрастные авторы въ большинствѣ случаевъ сходились въ томъ, что бытъ духовенства очень тяжелъ, что образованіе его недостаточно, что его сословныя и гражданскія права не въ мѣру умалены и оно стоитъ едва ли не ниже средняго класса, что идеалъ священника въ понятіяхъ нашего общества далеко еще не выработанъ, что въ церковно-общественныхъ дѣлахъ вообще замѣчаются вялость и неустройство и, наконецъ, что важный вопросъ объ улучшеніи быта духовенства

«Два слова о распространеніи грамотности», 5) Та же газета, за тотъ же годъ, № 69, статья Чихачева «Откровенность старца»; 6) «Журналъ для землевладѣльцевъ» за 1858 г., № 10, статья Остафьева по поводу предыдущей статьи; 7) «Русскій Педагогическій Вѣстникъ» за 1857 г., № 4 и 5, статья Забѣлина «Исторія жизни и воспитанія одного подъячаго»; 8) «Московскія Вѣдомости» 1859 г, № 133, статья Шестакова «Педагогическія письма»; 9) «Русская Газета» за 1855 г, №№ 10, 13, 14, 15, 43. Въ духовныхъ журналахъ печатались статьи въ защиту духовенства такъ напримѣръ, въ журналѣ «Духовная Бесѣда» за 1858 г. т XIV, № 50. появилась статья Шаврова «Духовное званіе въ Россіи». Въ томъ же журналѣ за 1859 г т VI, № 17, напечатана статья священника Грекова «Духовное званіе въ Россіи», голосъ сельскаго священника. Въ журналѣ «Православный Собесѣдникъ за 1859 г. ч 1 появилась статья «Общество и духовенство». Смотри также статью Гилярова-Платонова «Изъ письма въ редакцію» (напечатана въ «Журналѣ землевладѣльца» 1858 г, № 11, смѣсь, стр. 45–48 и въ «Собраніи сочиненій» 1899 г. т. 1, стр. 242), въ которой авторъ возражаетъ противъ доводовъ вышеуказанныхъ статей Остафьева и Чихачева

[1] Яркимъ обращикомъ такого отрицательнаго направленія въ литературѣ можетъ служить полемика журнала «Современникъ» за 1860 и 1861 годы (статьи Антоновича и Чернышевскаго) съ журналами: «Труды Кіевской Духовной Академіи» статьи Юркевича и «Русскій Вѣстникъ» (въ защиту статей послѣдняго) за тѣ же годы. См также статью Пѣвницкаго «Нигилисты» въ «Трудахъ Кіевской Духовной Академіи», 1862 г. т. 1, и того же автора, въ томъ же журналѣ, за 1866 г, августъ «Тяжелое нареканіе» См еще «Собраніе мнѣній и отзывовъ митрополита Филарета», т. V, ч 1, стр. 184.

стоитъ въ непосредственной и тѣсной связи съ другими важнѣйшими общественными вопросами, въ томъ числѣ съ вопросомъ о правильной постановкѣ участія мірянъ въ церковно-общественныхъ дѣлахъ и съ вопросомъ объ упорядоченіи народнаго быта и народнаго образованія.

Въ началѣ критика у большинства не была сильна, да и защита не была особенно убѣдительна У спорившихъ лицъ какъ бы спала повязка съ глазъ, и они, увидавъ свою неприглядность, начали укорять, перебраниваться и нападать другъ на друга, не имѣя достаточныхъ знаній о настоящихъ причинахъ такого непригляднаго общаго состоянія и вялости общественныхъ дѣлъ [1]. Но съ годами поверхностный и задорный характеръ полемики сталъ уступать мѣсто серіозному и трезвому обсужденію общественныхъ вопросовъ.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ русское общество пережило слишкомъ много радостныхъ и тревожныхъ событій, которыя вызвали необычайный подъемъ духа и потребовали отъ современниковъ напряженнаго и внимательнаго къ себѣ отношенія. Припомнимъ, что въ указанное время совершилось освобожденіе крестьянъ, обусловленное нравственною и крупною матеріальною жертвой со стороны дворянъ-помѣщиковъ; праздновалось 8 сентября 1862 года тысячелѣтіе существованія русскаго государства и это воспоминаніе

---

[1] Весьма характерно замѣчаніе митрополита Филарета, высказанное имъ по поводу разсмотрѣнія въ Государственномъ Совѣтѣ вопроса о современныхъ идеяхъ, проводимыхъ въ газетахъ и журналахъ (Собраніе мнѣній и отзывовъ митрополита Филарета, т. IV, стр. 343, 27 августа 1858 года). Митрополитъ Филаретъ писалъ: «многія недоразумѣнія нынѣшнаго времени происходятъ отъ того, что частное превращаютъ въ общее. Одинъ священникъ оказался недостойнымъ, и говорятъ, что нехорошо духовенство Редакторы одной газеты и двухъ-трехъ свѣтскихъ журналовъ издали статьи съ мыслями, неблагопріятными для религіи и нравственности, и ревнители говорятъ. свѣтская литература есть языческая. Правда, зараза распространена далѣе одной газеты и трехъ журналовъ, но когда сіи только имѣются въ виду для улики, то легко виноватымъ возражать противъ обвинителей, что здѣсь заключается отъ частнаго къ цѣлому, и обижается благонамѣренная литература, которая еще не исчезла Надо указывать явныя вины того или другого журнала и противопоставлять имъ точныя обвиненія, тогда вѣрнѣе можно достигнуть того, чтобы виноватаго уняли, а сіе можетъ быть полезно и къ укрощенію другихъ».

упраздняло навсегда умѣстность ссылки на мнимую молодость Россіи; переживалась тяжелая распря съ родственнымъ по происхожденію народомъ, поляками, указавшая на громадное значеніе православія и православнаго духовенства въ западномъ краѣ [1], переживались волненія учащейся молодежи въ обѣихъ столицахъ и въ провинціи (Казани) и смуты въ Петербургѣ отъ злонамѣренныхъ поджоговъ, явившіяся первыми симптомами серіозной болѣзни нѣкоторой части нашего общества, подорвавшей здоровое теченіе народной жизни и отражающейся своими тяжелыми послѣдствіями еще и въ настоящее время [2]. Наконецъ, въ сферѣ церковной отмѣтимъ: празднованіе 11 мая 1862 года послѣ многихъ лѣтъ забвенія въ церкви московскаго университета памяти святыхъ первоучителей славянскихъ Кирилла и Меѳодія, и это событіе не могло не напомнить о томъ убожествѣ народнаго образованія, которое замѣчается еще и понынѣ [3]; торжество открытія 13 августа 1861 года мощей св. Тихона Задонскаго, распространителя въ народѣ религіознаго просвѣщенія и облегчавшаго участь страждущихъ. Это торжество ознаменовалось многими чудесными исцѣленіями и совершилось въ Задонскѣ въ присутствіи полумилліона людей разнаго званія, пола и возраста, которые при обходѣ съ мощами около монастыря пали какъ одинъ человѣкъ, съ возженными свѣчами, на колѣна [4].

Всѣ эти событія и происшествія волновали и умудряли

---

[1] См. статью Кояловича «Гдѣ наши силы» въ газетѣ «День», 1863 года № 31.

[2] См. «Записки и дневникъ А. В. Никитенко», т. II, стр. 327—330, а также «Сѣверную Почту», 1862 г № 119, и «Наше Время, 1862 г. № 122, «Собраніе мнѣній и отзывовъ митрополита Филарета», т. V, ч 1, стр. 60, 68, 96. «Рус. біографическ слов », т 1, біографія императора Александра II, стр. 564, 585.

[3] Опредѣленіемъ Св. Синода отъ 18 марта 1863 года установлено ежегодно 11 мая праздновать память св. Кирилла и Меѳодія. См. письмо оберъ-прокурора Ахматова къ митрополиту Филарету, отъ 3 апрѣля 1862 года; «Письма» изд. Львовымъ, 1900 г., стр. 580. См объ участіи въ этомъ дѣлѣ государыни императрицы Маріи Александровны; письмо митрополита Филарета къ оберъ-прокурору Ахматову отъ 12 апрѣля 1862 года «Собраніе мнѣній и отзывовъ митрополита Филарета», т. V, ч. I, стр. 242—245 и 374—379.

[4] См. приложеніе къ журналу «Странникъ», 1862 г., май, а также «хронику» въ томъ же журналѣ за 1861 г. т. I.

наше общество, которое не могло не уразумѣть, что при рознѣ и враждѣ между сословіями нельзя удовлетворительно разрѣшать назрѣвавшіе великіе соціальные вопросы, и что распространеніе смутъ и безпорядковъ въ обществѣ обусловливается не только дѣйствіемъ разрушителей общественнаго порядка, но и недостатками мнящихъ себя охранителями таковаго. Въ этомъ отношеніи назидательный урокъ обществу давалъ московскій митрополитъ Филаретъ, который по поводу просьбы графа Путятина (бывшаго министра народнаго просвѣщенія) относительно предупрежденія императора Александра II о крайне опасномъ тогдашнемъ положеніи для государства и династіи, въ письмѣ своемъ названному графу отъ 21 сентября 1861 года, между прочимъ, поучалъ: „примѣчаю и долгъ имѣю поставлять во вниманіе себѣ и кому могу, что мы много согрѣшили предъ Богомъ охлажденіемъ къ православному благочестію, въ чемъ особенно вредные примѣры подаются изъ высшихъ и образованныхъ сословій, ослабленіемъ нравственныхъ началъ въ жизни частной и общественной, въ начальствованіи, въ судѣ, въ области наукъ и словесности, роскоши и даже въ скудности, пристрастіемъ къ чувственнымъ удовольствіямъ, разслабляющимъ духовныя силы, подражаніемъ иноземному, большею частію суетному, чѣмъ повреждается характеръ народа и единство народнаго духа, преслѣдованіемъ частной и личной пользы преимущественно предъ общею. Умножившіеся грѣхи привлекаютъ наказаніе, по реченному, накажетъ тя отступленіе твое (Іер. II, 19). Средства противъ сего: дѣятельное покаяніе, молитва и исправленіе. Недостатки охранителей обращаются въ оружіе разрушителей“ (Собр. мнѣн. и отзыв. т. V. ч. I).

Уже въ 1861 году, наряду съ критикой и осужденіемъ стало пробуждаться въ свѣтскомъ обществѣ нѣкоторое сочувствіе къ духовенству, къ его законнымъ потребностямъ, а также и къ запущеннымъ по неразумію церковно-общественнымъ дѣламъ. Мысль объ активномъ участіи мірянъ въ дѣлѣ улучшенія быта духовенства, а также въ церковно-общественныхъ заботахъ и предпріятіяхъ стала постепенно доходить до сознанія нашихъ общественныхъ дѣятелей, которые въ знаменитомъ манифестѣ, 19 февраля 1861 года, услышали съ высоты престола обращенный къ народу

призывъ на свободный трудъ, являющійся залогомъ домашняго благополучія и „блага общественнаго“. Эти дѣятели не могли не усмотрѣть, изъ опубликованныхъ въ то время данныхъ, ближайшаго участія духовенства въ устройствѣ сельскихъ народныхъ школъ [1]. Они должны были признать эти заслуги духовенства и ту выдающуюся роль, которая въ этомъ важномъ дѣлѣ выпадаетъ на его долю, ибо сельское духовенство еще долго будетъ стоять во главѣ распространенія просвѣщенія по деревнямъ. Они не могли упустить изъ вида всю важность частнаго почина въ дѣлѣ поддержанія православія въ западномъ краѣ. Даже въ разгаръ полемики по духовно-общественнымъ вопросамъ, именно въ 1859 году, когда стало извѣстнымъ что многіе приходы въ западной Россіи столь бѣдны, что сами не въ состояніи удовлетворить необходимѣйшимъ потребностямъ богослуженія, и храмы ихъ ветхи, то въ Петербургѣ образовалось общество для вспоможенія бѣднѣйшимъ православнымъ церквамъ и монастырямъ въ Россіи. Основательницами этого общества явились графиня Кушелева, графиня Тизенгаузенъ и Е. С. Бутурлина, и въ составъ этого общества вошли преимущественно женщины. 27 марта 1859 года это общество было учреждено и принято подъ покровительство государыни императрицы Александры Ѳеодоровны, а послѣ ея кончины, послѣдовавшей въ 1860 году, государыни императрицы Маріи Александровны, верховной покровительницы общества возстановленія православія на Кавказѣ [2]. Также

---

[1] До 1861 года приходскихъ школъ было очень немного, а въ началѣ 1862 года въ 48 епархіяхъ ихъ уже было болѣе 20 тысячъ съ 3½ стами тысячъ учащихся; см «Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости», 1862 г. № 18. См. «Христіанское Чтеніе», 1862 г. мартъ; «современную хронику» журнала «Странникъ» за 1860 годъ: «содѣйствіе духовенства народному образованію» См. также книгу, изд. въ 1866 году «Начальныя народныя училища и участіе въ нихъ православнаго духовенства». См. мнѣніе бывшаго министра Народнаго Просвѣщенія въ 1861 году гр Путятина (письмо его къ митрополиту Филарету, отъ 21 іюля 1861 года; «Письма» изд. Львовымъ, 1900 г., стр. 561), а также графа Строганова (ibid, стр. 576). Наконецъ, укажемъ на книгу Благовидова «Дѣятельность русскаго духовенства въ отношеніи къ народному образованію въ царствованіе императора Александра II»

[2] «Духовная Бесѣда», 1859 г т. VIII. № 41. Дѣло о построеніи церквей въ Западномъ краѣ сосредоточено съ 1857 года въ министерствѣ

благотворнымъ послѣдствіемъ такого пробудившагося въ свѣтскомъ обществѣ сочувствія къ нуждамъ духовенства было оказаніе матеріальной помощи бѣднѣйшимъ его членамъ и содѣйствіе къ его просвѣщенію. Москва первая стала строить дома призрѣнія для заштатныхъ священнослужителей, а затѣмъ ея примѣру послѣдовалъ Петербургъ и, наконецъ, провинція [1] Упомянемъ здѣсь, что предсмертною заботою извѣстнаго государственнаго дѣятеля графа Д Н. Блудова былъ проектъ о распространіи повсемѣстно въ Россіи женскихъ духовныхъ училищъ [2] Наконецъ, что касается Москвы, отмѣтимъ учрежденіе 22 іюня 1863 года „Общества любителей духовнаго просвѣщенія", съ цѣлію споспѣшествовать распространенію и возвышенію въ духовенствѣ и въ другихъ классахъ народа религіозно-нравственныхъ познаній Въ этомъ благопріятномъ для духовенства движеніи не отставала и провинція. Такъ, напримѣръ, въ Калугѣ въ 1861 году въ домѣ дворянскаго собранія устраивались музыкальные вечера, на которыхъ предлагались чтенія на духовныя темы, и выручка шла на выдачу пособій нуждающимся воспитанникамъ семинаріи [3].

Внутреннихъ Дѣлъ у завѣдывавшаго этою постройкой П Н Багюшкова, съ дѣятельностью котораго по распространенію братствъ мы познакомимся ниже

Въ 1860 году въ Петербургѣ разработывались предположенія объ учрежденіи благотворительнаго общества изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ для распространенія религіозно-нравственнаго образованія между малолѣтними ремесленниками, и для достиженія этой высокой цѣли предполагалось употребить два главныхъ нравственныхъ способа; во-первыхъ, учрежденіе воскресныхъ классовъ или школъ при церквахъ, во-вторыхъ, нравственный бдительный надзоръ за точнымъ исполненіемъ благихъ мѣръ и за успѣхами христіанскаго воспитанія дѣтей, причемъ преподавателями должны быть священники приходскихъ или домовыхъ церквей, добровольно принимавшіе на себя эту обязанность (См. «Странникъ», 1860 г. т. II «Хроника» и «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1859 г №№ 12, 34 и 39).

[1] О пожертвованіяхъ Ворошилова, Милютиной, Толстой (въ Москвѣ). Воронина, Сушинской и купечества (въ Петербургѣ) и Расторгуева (въ Харьковѣ) см «Духъ Христіанина», 1863 г, сентябрь, «современное обозрѣніе»; «Странникъ» 1862 г, и «Духъ Христіанина», 1864 г, февраль «извѣстія»

[2] «Духъ христіанина», 1864 г, февраль. «извѣстія».

[3] «Духовный Вѣстникъ» 1862 г., т I, «лѣтоп. лист.», «Православное Обозрѣніе» 1861 г., октябрь, «Замѣтки», стр. 285—286

Въ ежедневной печати также стали изрѣдка попадаться статьи, сочувственно настроенныя къ духовенству [1]. Въ этомъ отношеніи на первомъ планѣ слѣдуетъ поставить газету И. С. Аксакова „День“, въ которой помѣщались статьи, посвященныя интересамъ духовнаго сословія и церковно-общественнымъ дѣламъ, а также заключавшія въ себѣ призывы къ церковной благотворительности, съ каковыми статьями мы при дальнѣйшемъ изложеніи будемъ имѣть случай познакомиться. Здѣсь же мы обратимъ вниманіе на покаянное посланіе, помѣщенное за 1863 г. въ № 30 „Дня“, со стороны редакціи этой газеты, ея сотрудниковъ и многихъ сочувствующихъ такому посланію лицъ Узнавъ о стойкости въ вѣрѣ и мученичествѣ нѣкоторыхъ православныхъ священниковъ западнаго края во время польскаго мятежа, названная газета писала: „Мы виноваты предъ вами: простите насъ... Мы, русское общество, какъ будто забыли про существованіе Бѣлоруссіи... Какіе высокіе подвиги совершало ты, бѣлорусское духовенство, бѣдное, угнетенное, сирое, лишенное всякой поддержки, общественной и государственной, подвиги долготерпѣнія и мученичества“.

Но кромѣ газетныхъ статей, отличавшихся серіозностью направленія, стали появляться въ литературѣ и журналистикѣ труды, обнаруживавшіе въ авторахъ вдумчивость и глубокое изученіе затронутаго предмета, и эти труды, освѣтившіе впервые область духовныхъ интересовъ и церковно-общественнаго вѣдѣнія, произвели глубокое впечатлѣніе на современниковъ и не потеряли своего значенія и въ настоящее время. Въ этомъ отношеніи на первомъ планѣ слѣдуетъ поставить духовную журналистику, которая замѣтно оживилась въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, особенно съ того времени, когда къ старымъ журналамъ присоединились новые журналы, смѣло и безпристрастно отнесшіеся къ вопросу о духовенствѣ („Духъ Христіанина“ въ Петербургѣ, „Православное Обозрѣніе“ и „Душеполезное Чтеніе“ въ Москвѣ, „Духовный Вѣстникъ“ въ Харьковѣ), посвятившіе свои труды выясненію различныхъ практическихъ интересовъ духовенства („Руководство для сельскихъ па-

[1] См. напрпм, «Сынъ Отечества», 1862 г., № 35, статья А. Х.

стырей“ въ Кіевѣ), слѣдившіе съ особеннымъ вниманіемъ за церковными дѣлами („Странникъ“ въ Петербургѣ) и помѣщавшіе на своихъ страницахъ ученые труды авторовъ, которые своими историческими изысканіями помогали выясненію вопросовъ, занимавшихъ въ то время наше общество („Труды Кіевской духовной академіи“) [1].

Съ содержаніемъ нѣкоторыхъ изъ этихъ статей мы постепенно также будемъ знакомиться при разборѣ разныхъ явленій въ области церковно-общественныхъ дѣлъ; здѣсь же приведемъ выдержку изъ статьи „О первоначальномъ народномъ обученіи“, помѣщенной въ кн. II „Приложеній къ твореніямъ св. отецъ“ за 1862 годъ. Автору этой статьи удалось въ сжатыхъ и ясныхъ выраженіяхъ выяснить нѣкоторыя стороны дѣйствительной причины печальнаго состоянія духовенства, о чемъ такъ много писалось и говорилось въ то время.

Въ этой статьѣ авторъ, между прочимъ, говоритъ: „нужно разъ убѣдиться въ той истинѣ, что если просвѣтительное вліяніе духовенства не являлось доселѣ въ столь полной мѣрѣ, какъ бы это желательно и какъ обнаруживается оно въ другихъ странахъ, причиною тому не какой-нибудь духовный разладъ между духовенствомъ и народомъ, а частію стѣсненное положеніе народа и, главнымъ образомъ, стѣсненное положеніе, въ которое поставлено исторіей духовенство.

---

[1] Самымъ старымъ журналомъ было «Христіанское Чтеніе», основанное въ Петербургѣ въ 1821 году, при С.-Петербургской духовной академіи; затѣмъ слѣдовали: «Воскресное Чтеніе», издаваемое съ 1837 года при Кіевской духовной академіи, «Приложенія къ твореніямъ Св. отецъ», издав. съ 1843 года при Московской духовной академіи, «Православный Собесѣдникъ», изд. съ 1855 г. при Казанской духовной академіи, и «Духовная Бесѣда», возникшая въ 1858 г. при С.-Петербургской духовной семинаріи Весьма талантливый обзоръ духовной журналистики начала шестидесятыхъ годовъ сдѣланъ В. В Никольскимъ въ журн «Духъ Христ», сент. и ноябрь 1861 года. Въ это же время стали возникать и «Епархіальныя Вѣдомости», помѣстившія на своихъ страницахъ въ первое время довольно много дѣльныхъ статей мѣстныхъ дѣятелей. Начало этимъ вѣдомостямъ положено было архіепископомъ Димитріемъ (по прогр. архіеп. Херс. Иннокентія) для Херсонской епархіи и архіепископомъ Ярославскимъ Ниломъ для Ярославской епархіи въ 1860 году. См «Руководство для сельскихъ пастырей», 1860 г. № 29: «Замѣчанія о ходѣ епархіальныхъ вѣдомостей».

Когда Петръ Первый издалъ указъ, запрещавшій монаху держать у себя въ келіи перо и чернила; когда тотъ же государь указомъ повелѣлъ, чтобы духовный отецъ открывалъ уголовному слѣдователю грѣхи, сказанные на исповѣди: духовенство должно было почувствовать, что отселѣ государственная власть становится между нимъ и народомъ, что она беретъ на себя исключительное руководство народною мыслію и старается разрушить ту связь духовныхъ отношеній, то взаимное довѣріе, какое было между паствою и пастырями. Духовенство поняло, что дѣйствовать своимъ духовнымъ вліяніемъ для него отселѣ небезопасно. Когда послѣдовало отнятіе церковныхъ имуществъ (не однихъ крестьянъ, но и земель) и за отнятые рубли духовенство вознаграждено было грошами; когда пріобрѣтеніе новыхъ имуществъ для Церкви намѣренно обставлено было разными затрудненіями, когда надъ оставшимися имуществами контроль все болѣе и болѣе усиливался, распоряженіе ими все болѣе и болѣе централизовалось; когда часть церковныхъ имуществъ стала употребляться даже на потребу не чисто церковную, духовенство должно было почувствовать, что и у собственныхъ средствъ оно не хозяинъ, а только приставникъ; что оно не можетъ отселѣ ни задумать назначенія своимъ средствамъ, ни тѣмъ менѣе ручаться, что первоначальное назначеніе устоитъ долгое время Духовенство поняло, что отселѣ властно оно безъ всякой помѣхи пригласить жертвователя развѣ только на позлащеніе церковной крыши или возведеніе ограды, безъ увѣренности, впрочемъ, что крыша и ограда навсегда сохранятъ свое назначеніе [1]

„Когда духовенство видитъ, что законодательство сначала можетъ быть намѣренно, а затѣмъ и безсознательно, слѣдуя старому порядку, съ обидною послѣдовательностью проводитъ такое правило „духовное лицо православнаго исповѣданія за свое служеніе не должно быть ничѣмъ вознаграждаемо, либо должно получать вознагражденіе несравненно меньшее, чѣмъ лица свѣтскія, или лица духовныя, но не православныя, стоящія на тѣхъ же самыхъ должно-

[1] При двукратномъ сокращеніи числа монастырей, нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ, были обращены въ казармы и другія вовсе нецерковныя зданія.

стяхъ“ [1]—къ какому заключенію должно приходить духовенство? Къ тому безъ сомнѣнія, что оно есть сословіе намѣренно униженное, на которое сама государственная власть смотритъ съ презрѣніемъ и единственно за то, что оно вѣрнѣе другихъ осталось священнымъ началамъ своей родины Какой же послѣ того ждать увѣренности или одушевленія въ дѣйствіяхъ?

„Происходитъ ли духовное движеніе въ народѣ, законъ велитъ ставить сейчасъ между духовенствомъ и народомъ полицейскую власть съ обязанностью обиднаго надзора и съ обязанностью не менѣе обиднаго содѣйствія. Устраиваетъ ли само правительство среди народа школу, оно назначаетъ туда законоучителя, но въ рядъ съ другими, ставитъ его въ положеніе чиновника, подвергнутаго всѣмъ мелочнымъ формальностямъ администраціи. Самую домашнюю школу, куда крестьяне и мѣщане добровольно отдаютъ дѣтей, духовное лицо принуждено таить отъ правительства: ибо законъ требуетъ, чтобы о каждой школѣ былъ подаваемъ отчетъ, а отчетъ предполагаетъ ревизію и вмѣшательство Не достаточно ли однѣхъ этихъ причинъ, чтобы сдѣлать духовенство тѣмъ, чѣмъ оно есть, къ сожалѣнію, теперь? А именно: сословіемъ запуганнымъ, но вмѣстѣ жаднымъ и завистливымъ, униженнымъ, но притязательнымъ, лѣнивымъ и равнодушнымъ къ своему высшему призванію, а вслѣдствіе того и не весьма безукоризненнымъ въ образѣ жизни. И однако изъ всѣхъ сословій просвѣщенныхъ наше духовенство, каково оно ни есть, есть сила наиболѣе хранительная въ государствѣ. И однако, не смотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, духовная связь между нимъ и народомъ не разорвана Но чтобы укрѣпить эту благодѣтельную связь, нужно поднять, ободрить, поощрить духовенство“.

---

[1] Нужно сравнить только содержаніе профессоровъ и учителей въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ съ содержаніемъ университетскихъ профессоровъ и гимназическихъ учителей, содержаніе православныхъ духовно-учебныхъ заведеній вообще съ содержаніемъ подобныхъ заведеній католическихъ, жалованье православныхъ священниковъ при полкахъ и жалованье лютеранскихъ пасторовъ на тѣхъ же самыхъ должностяхъ Стоитъ обратить вниманіе и на то, что законоучителю вездѣ полагается жалованье меньшее, чѣмъ прочимъ наставникамъ въ томъ же заведеніи и проч.

Статья эта была замѣчена и вызвала весьма существенныя дополнительныя соображенія. Въ „Отечественныхъ Запискахъ“ обращалось вниманіе на незначительность услугъ духовенства народному образованію въ до-петровскую эпоху, когда духовенству принадлежали еще церковныя имущества и оно, слѣдовательно, обладало большими матеріальными средствами, и параллельно ставились на видъ заботы объ этомъ образованіи со стороны православныхъ мірянъ, которые, соединяясь на западѣ Россіи въ религіозно-просвѣтительныя братства, учреждали народныя школы, составляли буквари и грамматики. Въ заключеніи высказывалось удивленіе, что авторъ, защищая сельское духовенство отъ угнетеній свѣтской власти, ни слова не говоритъ о томъ угнетеніи, которое оно претерпѣваетъ отъ своей же братіи, духовенства. А также высказывалось удивленіе и тому, что авторъ, при исчисленіи неблагопріятныхъ вліяній на сельское духовенство, забываетъ упомянуть о кастовомъ устройствѣ его и схоластическомъ воспитаніи, то есть, о двухъ самыхъ главныхъ причинахъ, препятствующихъ просвѣтительному вліянію его на народъ [1].

Но что всего примѣчательнѣе, такъ это обращеніе вниманія государя императора на статью „О первоначальномъ народномъ обученіи“, а именно, на слѣдующее мѣсто: „православное духовенство есть сословіе намѣренно униженное, на которое сама государственная власть смотритъ съ презрѣніемъ“. Такъ какъ эта статья, принадлежащая перу Н Гиляров-Платонова, появилась, какъ извѣстно, въ органѣ московской духовной академіи, а затѣмъ перепечатана подъ заглавіемъ „Судьба русскаго народнаго образованія“ въ московскомъ журналѣ, „Православное Обозрѣніе“ 1862 года № 6 [2], то спрошено было мнѣніе объ этой статьѣ митрополита Филарета. Послѣдній заявилъ въ письмѣ на имя оберъ-прокурора Ахматова, отъ 25 сентября 1862 года, что статья эта была прочитана ему въ рукописи безъ объявленія намѣренія напечатать оную, потому онъ слѣдилъ за нею не строгимъ

---

[1] «Отечественныя Записки», 1862 г, т. 143 «Современная хроника Россіи».

[2] А также и въ свѣтскомъ журналѣ «Русскій Вѣстникъ» въ № 30 «Современной Лѣтописи».

критическимъ взоромъ и, обращая вниманіе на сущность дѣла, на порученіе духовенству первоначальнаго обученія народа, отозвался о ней одобрительно [1]. Затѣмъ, по существу запроса митрополитъ Филаретъ, признавая приведенныя выраженія неосторожными и неблаговидными, однако находилъ, что, по конструкціи всего замѣченнаго мѣста въ статьѣ, указанныя выраженія надо понимать только какъ обезкураживающее мнѣніе духовенства о себѣ. „Если бы, продолжалъ московскій святитель, авторъ ту же мысль облекъ въ выраженія болѣе осторожныя, какъ напримѣръ, что вознагражденіе духовнаго лица за службу меньшее, нежели свѣтскаго и православнаго, меньшее нежели неправославнаго служителя религіи, невольно располагаетъ православное духовенство видѣть себя менѣе другихъ пользующимся благоволеніемъ государственной власти: та же мысль только въ болѣе осторожныхъ выраженіяхъ не подверглась бы неблагопріятному сужденію, при безпристрастномъ воззрѣніи на дѣло. Если неблагопріятному воззрѣнію (продолжаетъ митрополитъ) подверглось и то выраженіе статьи, что законодательство сначала, можетъ быть, намѣренно было менѣе внимательно къ службѣ православнаго духовенства, нежели къ службѣ свѣтскихъ лицъ и иновѣрцевъ; то это указаніе, смягченное словами „можетъ быть“ относится, какъ видно изъ предыдущей части статьи, ко временамъ Петра Великаго, а не къ настоящему времени. И такой отзывъ не будетъ тяжелъ для Петра Великаго, который, конечно, не для возвышенія духовенства пожелалъ отмѣнить патріаршее достоинство и, въ пародію надъ духовенствомъ и церковными обрядами, учредилъ такъ называемый „всешутѣйшій соборъ“. Что касается до вознагражденія службы православнаго духовенства меньшаго въ

[1] Письмо митрополита Филарета къ оберъ-прокурору Св. Синода Ахматову, отъ 25 сентября 1862 года, «Собраніе мнѣній и отзывовъ митрополита Филарета», т. IV, ч I, стр. 314—318 См. также письмо митрополита Филарета къ епископу Саввѣ отъ 30 марта 1862 г. слѣдующаго содержанія: «возвращаю статью о первоначальномъ обученіи народа. Простите, что умедлилъ. Можете внести ее въ ваше изданіе» «Письма митрополита Филарета», изд. архіеп. Тверскимъ Саввою 1888 г. стр. 177 Эта статья въ нѣсколькихъ экземплярахъ была переслана митрополитомъ Филаретомъ къ оберъ-прокурору Ахматову, (ibid. стр. 129, ч. II).

сравненіи съ службою свѣтскихъ чиновъ и иновѣрцевъ, это такъ очевидно изъ штатовъ жалованья разныхъ учрежденій, что едва ли нужно приводить примѣры [1]. Члены православныхъ консисторій, духовныхъ правленій, благочинные проходятъ сіи должности безъ вознагражденія. Не такъ должностныя лица римскаго исповѣданія въ Россіи. Многочисленныя сего рода сличенія способны подать поводъ, конечно, не къ тому, чтобы служащіе въ духовномъ вѣдомствѣ воскрилялись и поощрялись, а развѣ къ тому, чтобы они чувствовали себя сравнительно униженными и менѣе пользующимися вниманіемъ власти. И въ семъ состоитъ весь смыслъ разсматриваемой статьи Изъ сказаннаго доселѣ явствуетъ, что разсматриваемая статья не подлежитъ обвиненію въ несправедливости или въ неблагонамѣренности, а только въ неосторожности и неблаговидности выраженій".

Въ заключеніи этого краткаго обзора литературы пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ по церковно-общественнымъ вопросамъ мы не можемъ не упомянуть о богословско-полемическихъ статьяхъ А. С. Хомякова, который по словамъ Ю. Самарина, „выяснилъ идею церкви въ логическомъ ея опредѣленіи", понимая подъ церковью не иное что, „какъ единство вѣрныхъ, созидаемое взаимною любовью въ Іисусѣ Христѣ, нашемъ Спасителѣ и Богѣ". Эта заслуга Хомякова представляется тѣмъ болѣе значительной, что въ то время, по словамъ того же Самарина, подъ вліяніемъ направленія, даннаго наукѣ господствовавшей за границею школою, эта наука и у насъ глядѣла на вѣру свысока, какъ на пережитую форму самосознанія, изъ которой человѣчество выбивалось на просторъ. Наше образованное общество только отчасти испытывало на себѣ вліяніе науки, получая отъ нея не начала, даже не выводы, а общее направленіе или тонъ. На эту среду гораздо сильнѣе дѣйствовали обстоятельства другаго рода и дѣйствовали хотя без-

[1] Однако митрополитъ Филаретъ все-таки указалъ, что въ Саратовѣ на содержаніе ученика римско-католической семинаріи расходуется 75 руб въ годъ, а въ томъ же городѣ на содержаніе ученика православной семинаріи 32 руб. Жалованья римско-католическому епископу въ Саратовѣ въ годъ, 4,480 руб, православному епископу тамъ же 700 руб

сознательно, но за одно съ наукой. Во главѣ этихъ обстоятельствъ стоялъ крупный, всѣмъ бросавшійся въ глаза фактъ церковной казенщины, иначе, подчиненія вѣры внѣшнимъ для нея цѣлямъ узкаго оффиціальнаго консерватизма, который подъ предлогомъ охраненія вѣры, благоволенія къ ней и благочестивой заботливости о ея нуждахъ, мнетъ и душитъ ее въ своихъ безцеремонныхъ объятіяхъ, давая чувствовать всѣмъ и каждому, что онъ дорожитъ ею ради той службы, которую она несетъ за него. Тогда очень естественно въ обществѣ зарождается мнѣніе, что такъ тому и слѣдуетъ быть, что иного отъ вѣры и ожидать нельзя и что, дѣйствительно, таково ея назначеніе. Это убиваетъ всякое уваженіе къ вѣрѣ.

И вотъ въ эту-то среду, на ряду съ отрицательными доктринами, попали и возвышенныя понятія А. С. Хомякова, который, усматривая всю будущность въ Церкви, приглашалъ въ 1858 году, по окончаніи кровопролитной войны Россіи съ Европой, наше общество заняться интересами, превосходящими по важности всѣ другіе интересы, единными дѣйствительными интересами, какіе только есть у людей на землѣ, то-есть, интересами „церковными“ въ обширномъ значеніи этого слова.

А. С. Хомяковъ допускалъ, что Церковь Русская не настолько независима отъ государства, насколько бы слѣдовало, и не пользуется полною свободой въ своей дѣятельности, но полагалъ, что эта зависимость не вредитъ характеру Церкви. Отсутствіе такой свободы въ Церкви онъ приписывалъ малодушію ея высшихъ представителей и ихъ собственному стремленію снискать покровительство правительства не столько для самихъ себя, сколько для Церкви. Есть, конечно, нравственное заблужденіе въ такомъ недостаткѣ упованія на Бога; но это, по мнѣнію Хомякова, случайная ошибка лицъ, а не Церкви, не имѣющая ничего общаго съ убѣжденіемъ вѣры. Дѣло было бы совсѣмъ иное, замѣчалъ далѣе Хомяковъ, ежели бы малѣйшее догматическое заблужденіе, или даже нѣчто на это похожее было допущено или дозволено церковью изъ угожденія правительству; но такого допущенія сдѣлано не было [1].

[1] См т II. Полн. собр. сочин. Хомякова, стр. 399—400, 8-е письмо Пальмеру.

IV

Пробужденіе мысли о важномъ общественномъ значеніи «православнаго прихода» и «православнаго братства». — Возрожденіе «православнаго прихода» —Вопросъ о «приходѣ» въ эпоху освобожденія крестьянъ.

Вмѣстѣ съ критикой нашего прошлаго и выясненіемъ исторически выработанныхъ устоевъ нашей прежней общественной жизни, въ сознаніи нашего общества начинала проясняться свѣтлая мысль о возвышеніи значенія нашихъ приходовъ, которые надлежало оживить и прочнѣе организовать, причемъ подъ приходами правильно понимались церковныя общины, объединяющія православный народъ единствомъ вѣры и преслѣдующія высшіе жизненные интересы, какъ-то: просвѣщеніе и благотвореніе ближнимъ [1]. Авторъ приведенной выше историко-критической статьи (Прилож. къ Твор. св. от „О первоначальномъ народномъ обученіи“), между прочимъ, говоритъ: „приходы — живые памятники и символы духовнаго единенія въ вѣрѣ, которые должны образовать изъ себя также сосредоточія и просвѣщенія вообще“. Развитіе понятія о приходѣ и достиженіе нѣсколькихъ практическихъ результатовъ касательно способовъ и мѣръ къ оживленію приходской жизни имѣютъ также свою небольшую исторію.

По времени первая попытка въ разработкѣ вопроса о значеніи православныхъ приходовъ въ нашемъ церковно-

---

[1] См. стат «Къ вопросу объ улучшеніяхъ въ бытѣ духовенства», «Правосл. Обозр », январь 1862 года. Примѣчательно также понятіе о приходѣ, высказанное авторомъ ст. «Современные вопросы о братствахъ и приходскихъ совѣтахъ» въ журн. «Христ Чтеніе» за 1863 г , ч. I, т 141. Авторъ, между прочимъ, говоритъ: «у насъ до послѣдняго времени одинъ храмъ составлялъ связующій центръ между прихожанами. Приходы наши составлялись, можно сказать, механически и для большей части прихожанъ принадлежать къ тому или другому приходу было столько же безразлично, какъ къ той или другой части города; никакихъ нравственныхъ связующихъ цѣлей и стремленій не было въ нашей приходской практикѣ. Идеалъ христіанскаго прихода есть идеалъ общины, члены которой связаны между собой узами христіанской любви, близки между собой и съ пастырями церкви, и сообща, въ союзѣ мира и любви, назидаютъ другъ друга, достаточные помогаютъ бѣднымъ, умные и честные вразумляютъ неразумныхъ и уклоняющихся отъ долга вѣры и чести».

общественномъ строѣ принадлежитъ автору, помѣстившему подъ инициалами И Б въ московскомъ журналѣ „Русская Бесѣда“ за 1857 г. статью „Приходъ“ [1].

Эта статья начинается энергичнымъ возгласомъ о необходимости свѣта.

Свѣта, свѣта! Какъ можно больше свѣта! Чтобы не было темныхъ мѣстъ, чтобы не было глухихъ закоулковъ, въ которыхъ такъ привольно укрываться злу, а то тьма погубитъ насъ, другъ друга давить станемъ. Но прежде всего намъ нуженъ свѣтъ Христовъ, все просвѣщающій, освящающій и оживотворяющій, который проникаетъ въ самые темные закоулки, въ жизнь семейную, въ душу человѣка; этого свѣта прежде всего и больше всего нужно для насъ [2].

И вотъ авторъ, указавъ, что мы имѣемъ этотъ великій и живоносный свѣтъ въ Православной Церкви, замѣчаетъ, что мы, къ сожалѣнію, мало пользуемся симъ свѣтомъ. Мы имѣемъ величественное и проникающее въ душу священнослуженіе, есть у насъ іерархія, составленная по преданію апостольскому и отеческому, есть и заслуживающіе полное уваженіе пастыреначальники и учители... Все у насъ есть, все приготовлено, все устроено, чтобы намъ пользоваться благами животворнаго свѣта Христова, только нашей дѣятельности здѣсь нѣтъ, нѣтъ нашей заботы пользоваться этими благами; все вокругъ живетъ и дѣйствуетъ, мы

---

[1] Томъ III, смѣсь, стр 90. Въ томъ же журналѣ помѣщена статья (1857 г., томъ IV, стр. 148) того же автора «Кварталъ» Въ этой статьѣ авторъ, усматривая плачевное состояніе общественной нравственности въ городахъ и отсутствіе связей между обывателями городскихъ участковъ (кварталовъ), развиваетъ свой проектъ объ учрежденіи общественнаго самоуправленія чрезъ выборныхъ отъ обывателей квартала для дѣлъ, касающихся общественной нравственности (помощь истинно бѣднымъ и предоставленіе имъ работы), безопасности и здоровья.

Статья «Приходъ» была перепечатана въ газетѣ «День», въ 1864 году, въ № 30

[2] Весьма интересно сопоставить эти возгласы писателя-мірянина съ пожеланіями, высказанными духовнымъ ораторомъ въ своемъ «Словѣ о духовномъ просвѣщеніи Россіи», произнесенномъ въ Казанской духовной академіи 8 ноября 1858 года («Правосл. Собесѣдн.» 1858 года, т. III) Названный ораторъ между прочимъ говорилъ: «теперь Россія на зарѣ своего возрожденія. Итакъ свѣта и свѣта, свѣта духовнаго, вотъ чего требуетъ религіозная жизнь русскаго народа по всѣмъ степенямъ ея».

только неключимы и находимся въ какомъ-то мертвенномъ снѣ [1].

Приступая къ изложенію своихъ соображеній о необходимости оживленія церковно-приходской жизни, авторъ сначала указываетъ на чисто-внѣшнее формальное отношеніе православныхъ къ своей приходской церкви и приходу.

„Куча камней, не соединенная никакимъ цементомъ, болѣе имѣетъ связи, чѣмъ члены приходской церкви, ежели одинъ камень возьмешь изъ кучи, то непремѣнно другой сосѣдній камень пошевелится, а бери любого члена въ приходѣ, обижай его и дѣлай съ нимъ, что хочешь, всѣ другіе члены, за небольшими исключеніями, и не тронутся съ мѣста, пальцемъ не шевельнутъ, только бы ихъ не трогали. Но неужели такія отношенія наши правильны? Неужели здѣсь все, чего отъ насъ требуетъ Православная Церковь? Нѣтъ, десять разъ нѣтъ, это далеко не все, это только явное обличеніе нашей неключимости, нашего нехотѣнія пользоваться свѣтомъ Христовымъ, это только свидѣтельство того мертвеннаго сна, того могильнаго мрака, въ которомъ мы живемъ".

Замѣчая, что отношенія прихожанъ къ нищимъ своего прихода совершенно неправильны, авторъ проектируетъ собранія прихожанъ по воскресеньямъ, тотчасъ послѣ обѣдни, у священника или старосты для разбора сиротъ и бѣдняковъ и для приисканія труда всѣмъ, кто въ силахъ работать, заявляя при этомъ совершенно основательно, что просьбы, обращенныя цѣлымъ приходомъ по такимъ дѣламъ, врядъ ли часто будутъ оставаться безъ послѣдствій. А для убогихъ и неспособныхъ къ работѣ нужно сообща всему приходу нанять квартиру, а лучше устроить домъ, для котораго земля почти всегда готова при церкви. Деньги для добраго дѣла всегда найдутся, хотя бы и въ заемъ съ погашеніемъ изъ церковныхъ сборовъ Потомъ, въ устроенномъ или нанятомъ отъ прихода домѣ непремѣнно должно отдѣлить комнату для училища, гдѣ бы учить нищихъ съ семилѣтняго возраста грамотѣ, закону Божьему, письму и счету. Учителя (изъ дьячковъ и пономарей) всегда найдутся за незначительное жалованіе.

---

[1] Это воззрѣніе сходится съ мыслями Гоголя, высказанными имъ въ письмѣ къ А. П. Толстому «О церкви и духовенствѣ» (1846 г.).

Но что можетъ сдѣлать единодушіе и крѣпкій нравственный союзъ прихода, когда приходъ составляетъ одно живое цѣлое, когда прихожане не груда мертвыхъ камней, какъ большею частію бываетъ, а живые дѣятельные члены, сочувствующіе интересамъ цѣлаго прихода, объ этомъ мудрено и сказать, всѣхъ благихъ послѣдствій единодушія прихожанъ заразъ и не исчислишь! Зато при отсутствіи общихъ заботъ прихода (справедливо замѣчаетъ авторъ) и тѣ средства, которыя есть на лицо, будутъ пропадать даромъ Приходъ можетъ пристроить не однихъ нищихъ, его нравственныя силы несравненно крѣпче, онъ можетъ избавить отъ нищеты еще не живущихъ мірскимъ подаяніемъ, но готовыхъ сдѣлаться таковыми отъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, онъ можетъ спасти отъ нравственнаго паденія готовыхъ пасть; онъ можетъ защищать обидимыхъ и поддержать слабыхъ Приходъ есть величайшій двигатель общественной нравственности, въ немъ только возможно возрожденіе нравственныхъ силъ общества, въ немъ заключается зерно жизни, на него прежде всего должно обратить вниманіе. Ни одно общественное учрежденіе такъ не способно для благихъ цѣлей, какъ приходъ, и это потому, что въ приходскомъ обществѣ нѣтъ различія состояній, а всѣ равны предъ Богомъ, и въ добрыхъ дѣлахъ всѣ имѣютъ братскій голосъ. Въ заключеніе авторъ заявляетъ, что приходы давно уже учреждены и учреждены закономъ; законъ признаетъ уже каждый приходъ чѣмъ-то живымъ, цѣлымъ; слѣдовательно намъ только остается исполнить законъ, только возвратить, или скорѣе, пробудить жизнь прихода, которую мы усыпили преступнымъ эгоизмомъ

Въ томъ же 1857 году вышло въ свѣтъ сочиненіе священника Іоанна Флерова „О православныхъ церковныхъ братствахъ, противоборствовавшихъ уніи въ юго-западной Россіи въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ“. Въ этомъ сочиненіи авторъ, по имѣвшимся въ ту пору источникамъ, довольно подробно сообщалъ объ устройствѣ православныхъ братствъ, дѣйствовавшихъ на западѣ Россіи, о религіозно-просвѣтительныхъ цѣляхъ этихъ свободныхъ христіанскихъ союзовъ, а также о средствахъ и способахъ ихъ для достиженія этихъ цѣлей. Несомнѣнно, что наше образованное общество, благодаря этому сочиненію, впервые познакоми-

лось съ братскими учрежденіями, совершенно неизвѣстными въ то время въ восточной Россіи, и это знакомство съ самымъ свѣтлымъ и культурнымъ явленіемъ древней Руси должно было раскрыть нашему обществу всю ту зиждительную силу православія, которая присуща ему согласно канонамъ церковнымъ, практикѣ церковной и законамъ гражданскимъ, поддерживающимъ эту практику, и которая находитъ свое выраженіе въ соборномъ управленіи церковными дѣлами. Эти братства, не ограниченныя, какъ приходы, географически опредѣленнымъ райономъ, являются религіозно-политическими учрежденіями съ широкою программой просвѣтительной и благотворительной дѣятельности, съ неограниченнымъ числомъ членовъ и съ отвѣчающею этой важной дѣятельности простою, но вмѣстѣ съ тѣмъ и крѣпкою организаціей управленія. Названныя учрежденія, возникшія на чисто церковной почвѣ, по благословенію высшихъ іерарховъ, представляются вполнѣ испытанными христіанскими союзами и, объединяя и воспитывая людей въ христіанскомъ духѣ, могутъ съ своей стороны мощно способствовать развитію церковно-приходской жизни.

Теперь весьма необходимо указать, какъ всѣ эти плодотворныя мысли о приходской и братской самодѣятельности и самостоятельности, развиваемыя въ статьяхъ и сочиненіяхъ, проникали въ самую жизнь и какія на практикѣ вызывали явленія. Въ этомъ отношеніи надлежитъ на первомъ планѣ поставить мѣропріятія нашего духовнаго и свѣтскаго правительства

А. Въ 1859 году управлявшій дѣлами сибирскаго комитета статсъ-секретарь Бутковъ препроводилъ оберъ-прокурору Св. Синода составленный генералъ губернаторомъ восточной Сибири графомъ Муравьевымъ-Амурскимъ, по совѣщаніи съ архіепископомъ камчатскимъ Иннокентіемъ, проектъ правилъ объ обезпеченіи и устройствѣ духовенства въ Амурской и Приморской областяхъ, на предметъ испрошенія одобренія Св. Синода.

Для доставленія духовенству областей Амурской и Приморской возможности стать на высоту духовныхъ учителей и въ сихъ видахъ обезпечить его матеріально и поставить его въ опредѣленныя отношенія къ прихожанамъ, въ указанныхъ правилахъ этому духовенству назначалось, кромѣ

надѣла земли, помѣщенія отъ прихода и жалованья отъ казны, еще и опредѣленное пособіе отъ прихожанъ, по раскладкѣ этого сбора между ними, деньгами или хлѣбомъ

Такое матеріальное устройство духовенства и возложеніе главной тяжести его на приходъ побуждало правительство вызвать къ дѣятельности приходскія силы и признать за приходомъ его древнее значеніе юридическаго лица Такимъ образомъ, попеченіе объ удовлетвореніи всѣхъ нуждъ приходскихъ церквей и состоящихъ при нихъ причтовъ возложено было правилами на обязанность „совѣтовъ прихожанъ“, которые составлялись: изъ священнослужителей мѣстной церкви, изъ представителей отъ всѣхъ сословій и званій (не исключая ремесленниковъ) по одному отъ каждаго, изъ церковнаго старосты и особаго почетнаго попечителя въ городахъ, а въ сельскихъ (или станичныхъ) приходахъ изъ мѣстныхъ священнослужителей, сельскихъ начальниковъ, церковныхъ старостъ и представителей отъ окрестныхъ селеній, приписанныхъ къ приходамъ Всѣ сіи лица (за исключеніемъ священнослужителей, являвшихся непремѣнными членами совѣтовъ) избирались прихожанами на извѣстный срокъ, и предсѣдательство въ совѣтахъ приходовъ городскихъ церквей принадлежало тому, кто будетъ для сего членами совѣта избранъ, а въ селеніяхъ приходскому священнику [1]. Вѣдѣніе и распоряженіе церковными доходами и расходами, не исключая свѣчного и кружечнаго сборовъ, принадлежатъ къ числу главнѣйшихъ обязанностей совѣтовъ приходскихъ, которые обязываются въ семъ случаѣ надлежащею отчетностью. Кромѣ того, на нихъ возлагается попеченіе о призрѣніи бѣдныхъ прихода, погребеніи неимущихъ умершихъ, устройствѣ участи безпріютныхъ сиротъ, распространеніи грамотности и религіознаго образованія между прихожанами, устройствѣ кладбищъ, примирительное разбирательство всѣхъ тѣхъ, кто обратится къ суду совѣта приходскаго, и разсмотрѣніе случаевъ по нарушенію правила о безвозмездномъ исполненіи причтами духовныхъ требъ, о коихъ случаяхъ, если окажется

---

[1] Въ пунк. 26 правилъ сказано священники представляютъ совѣту о церковныхъ и своихъ нуждахъ, но въ разсужденіи объ удовлетвореніи послѣднихъ не участвуютъ

нужнымъ, доводится до свѣдѣнія епархіальнаго начальства [1].

Св Синодъ, разсмотрѣвъ этотъ проектъ и найдя его столь основательнымъ и соотвѣтствующимъ цѣли, въ самомъ проектѣ выраженной, что, по воспослѣдованіи высочайшаго соизволенія на приведеніе положенія сего въ дѣйствіе, опредѣленіемъ 17 іюля (7 августа) 1859 года, положилъ: всеподданѣйше ходатайствовать предъ Государемъ Императоромъ, чтобы Св Синоду было дозволено войти въ соглашеніе съ подлежащими министерствами о примѣненіи главныхъ началъ означеннаго проекта, по мѣрѣ возможности и внимательномъ соображеніи съ мѣстными условіями, къ прочимъ губерніямъ и областямъ Россіи, за исключеніемъ западныхъ, для которыхъ составлялось уже особое положеніе [2].

Означенныя правила, по журналу сибирскаго комитета, удостоились высочайшаго утвержденія 23 декабря 1859 года.

Такъ совершилось въ 1859 году, по почину двухъ знаменитыхъ русскихъ дѣятелей, архіепископа Иннокентія и графа Муравьева-Амурскаго, и съ полнаго одобренія Св. Синода, возрожденіе православнаго прихода въ восточной Сибири, вполнѣ въ духѣ нашей церковности и согласно кореннымъ началамъ нашей церковно-гражданской жизни, причемъ Св. Синодъ выразилъ свое непремѣнное желаніе о примѣненіи, съ высочайшаго соизволенія, названныхъ зиждительныхъ правилъ во всей Россіи [3].

---

[1] Установивъ разнаго рода пособія для духовенства и обезпечивъ его, такимъ образомъ, матеріально, правительство совершенно послѣдовательно не признало права духовенства принимать отъ прихожанъ вознагражденія за исполненіе какой бы-то ни было духовной требы, кромѣ молебновъ, панихидъ и поднятія святыхъ иконъ на домъ.

[2] Въ 1861 году комитетомъ, учрежденнымъ при Св. Синодѣ по предмету обезпеченія духовенства западныхъ епархій, былъ также составленъ проектъ правилъ для открытія совѣтовъ при тамошнихъ церквахъ (въ 9 губерніяхъ). Эти правила составлены примѣнительно къ основнымъ правиламъ для пріамурскаго края, при семъ въ пунктѣ «ж» относительно вѣдѣнія и распоряженія приходскими совѣтами церковными доходами и расходами повторяется статья 29 пріамурскихъ правилъ.

[3] Подлинный протоколъ за № 1225 подписанъ: Григоріемъ, митр. Новгор. и С.-Петербург., Филоѳеемъ, еписк. Тверскимъ, Димитріемъ, еписк. Херсонскимъ, Елпидифоромъ, еписк Вятскимъ и протопресвитерами: Бажановымъ и Кутневичемъ.

Дальнѣйшая исторія этого синодальнаго предположенія такова: опредѣленіемъ 1/3 февраля 1860 года, Св. Синодъ, въ соотвѣтствіе своему первому опредѣленію отъ 17 іюля (7 августа) 1859 года, предоставилъ оберъ-прокурору графу А П Толстому испросить Высочайшее соизволеніе, дабы Синоду дозволено было войти въ соглашеніе съ свѣтскимъ правительствомъ о повсемѣстномъ примѣненіи пріамурскихъ правилъ въ главныхъ ихъ основаніяхъ. Въ числѣ бумагъ, сданныхъ въ февралѣ 1862 года бывшимъ оберъ-прокуроромъ Св. Синода графомъ А П Толстымъ своему замѣстителю генералъ-маіору А П Ахматову, остались неисполненными вышеприведенныя письменныя предположенія Св. Синода. Новый оберъ-прокуроръ А П Ахматовъ уже въ маѣ 1862 г. вошелъ по этимъ предположеніямъ Св Синода въ переписку съ московскимъ митрополитомъ Филаретомъ, который, хотя и находилъ пріамурскія правила для себя неяснымъ и трудно приложимыми къ другимъ епархіямъ, однако высказалъ въ заключеніе, что мысль о приходскомъ совѣтѣ есть такое сѣмя, которое, если удастся посѣять, обѣщаетъ нѣкорые плоды [1] 12 декабря 1862 года оберъ-прокуроръ Ахматовъ въ предложеніи Св Синоду заявлялъ, что Государю Императору благоугодно было повелѣть: дѣло, по предложенію Св. Синода о примѣненіи началъ проекта правилъ по обезпеченію духовенства въ пріамурскомъ краѣ къ прочимъ губерніямъ Россіи, передать въ учрежденное нынѣ особое Присутствіе для изысканія способовъ къ обезпеченію быта православнаго духовенства. Св. Синодъ, опредѣленіемъ 17 декабря 1862 года, во исполненіе сей Высочайшей воли, приказалъ синодальной канцеляріи передать это дѣло въ особое Присутствіе Наконецъ, 28 іюня 1863 года оберъ-прокуроръ предложилъ Св. Синоду нижеслѣдующую выписку изъ журнала Присутствія, отъ 30 мая 1863 года, Вы-

---

[1] Относительно распоряженія совѣтами церковнымъ имуществомъ мит. Филаретъ замѣтилъ только нижеслѣдующее: «статья 29 (пріамурскихъ правилъ) ввѣряетъ приходскому совѣту веденіе свѣчного и кошельковаго сбора и отчетность. Посему понадобится совѣту канцелярія и, можетъ быть, бухгалтерія Надобно оставить церковное хозяйственное письмоводство въ рукахъ причта и церковнаго старосты, какъ вездѣ. Совѣтъ пусть провѣряетъ это ежемѣсячно и въ концѣ года». «Собр мнѣн. и отз. м. Филарета», т. V, ч. I, стр 286—298

сочайше утвержденнаго 17 іюня 1863 года: „по вопросу, который возникъ въ Св. Синодѣ еще до утвержденія Присутствія, именно, по вопросу о примѣненіи къ разнымъ мѣстностямъ имперіи положенія объ обезпеченіи и устройствѣ духовенства Пріамурскаго края, Присутствіе находитъ, что вопросъ объ обезпеченіи духовенства каждой епархіи долженъ быть разработанъ по каждой епархіи самостоятельно, согласно мѣстнымъ потребностямъ и представляющимся къ удовлетворенію оныхъ способамъ, и за таковымъ распоряженіемъ изданное для одной, совершенно отдѣльной, мѣстности частное положеніе не можетъ быть принимаемо за основаніе для примѣненія къ нему въ другихъ мѣстностяхъ По изъясненнымъ соображеніямъ вопросъ о примѣненіи означеннаго положенія къ другимъ мѣстностямъ оставить безъ дальнѣйшихъ послѣдствій“.

Св. Синодъ 17 іюля (7 августа) 1863 года принялъ эту выписку къ свѣдѣнію и дѣло зачислилъ оконченнымъ [1].

Въ то же приблизительно время, когда изданы были правила о совѣтахъ приходскихъ въ Амурской и Приморской областяхъ, уже исключительно высшимъ свѣтскимъ правительствомъ были учреждены церковные совѣты въ округахъ пахотныхъ солдатъ (Новгородской губерніи) и въ округахъ южныхъ (бывшихъ военныхъ) поселеній. Съ передачей округовъ пахотныхъ солдатъ въ 1857 году изъ военнаго въ удѣльное вѣдомство, министръ императорскаго двора утвердилъ въ 1860 году правила для церковныхъ совѣтовъ при тамошнихъ церквахъ, а по этому примѣру были утверждены министромъ государственныхъ имуществъ такія же правила для церковныхъ совѣтовъ въ округахъ южныхъ поселеній Получивъ первое извѣстіе о существованіи такихъ совѣтовъ лишь въ 1862 году, Св. Синодъ просилъ въ апрѣлѣ названныя министерства сообщить указанныя правила объ учрежденіи сихъ совѣтовъ на разсмотрѣніе Управляющій департаментомъ удѣловъ сообщилъ Св. Синоду, что объ этомъ учрежденіи церковныхъ совѣтовъ своевременно до-

---

[1] Дѣло Св Синода по Сибирскому комитету, № 68 сдаточной описи и № 1817 архивн. описи 1858—1863 гг. См переписку митрополита Филарета съ оберъ-прокуроромъ Ахматовымъ въ «Собраніи мнѣній и отзывовъ митрополита Филарета», т V, ч I, стр. 286—302

ведено было до Высочайшаго свѣдѣнія, и что эти совѣты принесли существенную пользу хозяйству церквей, а прихожанами приняты съ признательностью Предсѣдатель распорядительнаго комитета по устройству южныхъ поселеній съ своей стороны сообщилъ Св. Синоду, что учрежденные въ сихъ поселеніяхъ церковные совѣты въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ оказали матеріальную поддержку тамошнимъ церквамъ, не смотря на краткость времени существованія такихъ совѣтовъ, но что духовенство, не привыкшее къ контролю въ своихъ дѣйствіяхъ, не раздѣляетъ мнѣнія о пользѣ сихъ совѣтовъ

При разсмотрѣніи этихъ правилъ о церковныхъ совѣтахъ въ округахъ южныхъ поселеній оказывается, что совѣтъ составляется изъ 4—10 поселянъ, по избранію прихожанъ, изъ стариковъ и лучшихъ людей въ приходѣ, отличающихся своею хорошею жизнью и усердіемъ къ церкви, преимущественно грамотныхъ, лица эти называются старшинами Кромѣ выборныхъ, въ церковномъ совѣтѣ состоятъ членами по должности: приходскій священникъ, волостной голова и церковный староста. Церковный совѣтъ печется о добромъ хозяйствѣ церкви, а также о сиротахъ, увѣчныхъ и престарѣлыхъ своего прихода, и вѣдѣнію его подлежитъ: зданіе церкви со всѣми принадлежащими къ ней строеніями, зданія училищъ и благотворительныхъ учрежденій (устроенныхъ на мірскія суммы), кладбища, а также всѣ суммы, поступающія въ пользу церкви и въ пользу бѣдныхъ, престарѣлыхъ, сиротъ, и, наконецъ, церковная утварь и вообще все движимое имущество вышеозначенныхъ учрежденій. Обыкновенные расходы производятся подъ наблюденіемъ совѣта старостой, а значительные расходы по церкви и богоугоднымъ заведеніямъ могутъ быть производимы только по мірскому приговору всѣхъ прихожанъ. Церковный совѣтъ изыскиваетъ мѣры къ обезпеченію участи бѣдныхъ, престарѣлыхъ и сиротъ въ приходѣ, а также къ обученію поселянскихъ дѣтей обоего пола грамотѣ и православной вѣрѣ. Предположенія по симъ предметамъ совѣтъ представляетъ обществу прихожанъ, которые въ случаѣ согласія постановляютъ по сему предмету мірской приговоръ. Совѣтъ по мірскому приговору прихожанъ нанимаетъ чтецовъ въ церковь, если бы наличное число причетниковъ

оказалось недостаточнымъ, а равно и сторожей для охраны церковнаго имущества. По истеченіи года церковный совѣтъ на общемъ мірскомъ сходѣ прихожанъ отдаетъ отчетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ по хозяйственнымъ и благотворительнымъ дѣламъ и въ особенности по приходу и расходу суммъ [1]. Обозрѣніе этихъ правилъ приводитъ къ убѣжденію, что ими болѣе, нежели пріамурскими правилами, устанавливалась полная автономія православныхъ приходовъ, возвращенныхъ къ активной дѣятельности въ области церковно-общественой [2].

Получивъ эти правила, Св. Синодъ сдѣлалъ сношеніе съ нѣкоторыми преосвященными, прося ихъ дать заключеніе о приложимости сихъ правилъ на практикѣ.

Опуская подробности, изложенныя въ мнѣніяхъ преосвященныхъ (московскаго, кіевскаго, херсонскаго и харьковскаго) касательно церковныхъ совѣтовъ въ южныхъ поселеніяхъ, и замѣтя, что всѣ они высказались въ принципѣ въ пользу учрежденія такихъ совѣтовъ, мы здѣсь лишь укажемъ, что только преосвященные херсонскій и харьковскій отнеслись критически къ предоставленію симъ совѣтамъ права распоряженія и завѣдыванія церковными имуществами и церковными суммами. Что же касается до самаго авторитетнаго между ними, митрополита московскаго Филарета, то онъ, находя составленіе правилъ о церковныхъ совѣтахъ безъ вѣдома Св. Синода и введеніе ихъ въ дѣйствіе безъ отношенія къ епархіальному архіерею необычайнымъ и нежелательнымъ случаемъ въ церковномъ управленіи, указалъ главнымъ образомъ лишь на неудобство въ предоставленіи совѣту завѣдыванія освященными вещами, на нежелательность устраненія духовнаго начальства отъ ревизіи годичныхъ отчетовъ сихъ совѣтовъ и высказался

---

[1] Арх. Св. Синода, бумаги митрополита Филарета, № 93.

[2] Весьма важно имѣть въ виду, что 24 января 1863 года Высочайше повелѣно: при передачѣ церквей и духовенства южныхъ поселеній въ непосредственное завѣдываніе епархіальнаго начальства, суммы, принадлежащія церквамъ, оставить въ вѣдѣніи сельскихъ церковныхъ совѣтовъ («Странникъ», 1863 г., февр. хроника). 28 января 1868 г. церковные совѣты въ приходахъ бывшихъ пахотныхъ солдатъ преобразованы въ приходскія попечительства (см. Церк. лѣт. «Духовной Бесѣды» за 1868 годъ).

противъ распоряженія церковныхъ совѣтовъ свѣчными суммами, имѣвшими въ то время особое назначеніе и направленіе [1]. Въ заключеніе митрополитъ Филаретъ полагалъ, что какъ въ Пріамурскомъ краѣ, такъ и вездѣ, при каждой приходской церкви, можетъ быть учрежденъ церковный совѣтъ для устройства церковнаго хозяйства и дѣлъ приходской благотворительности и просвѣщенія, и допускалъ контроль совѣта за вѣрнымъ храненіемъ и употребленіемъ церковной собственности, выражающійся въ присутствіи совѣта при ежемѣсячномъ счетѣ и повѣркѣ прихода и расхода. Наконецъ, митрополитъ Филаретъ указывалъ на то, чтобы важнѣйшія дѣла церковныя происходили по совѣщаніямъ совѣта и всего общества прихожанъ и чтобы средства, пріобрѣтаемыя для дѣлъ человѣколюбія, не были смѣшиваемы со средствами собственно церковными [2].

Вопросъ объ участіи православнаго прихода, чрезъ свои органы (совѣты, попечительства и т. п.), въ управленіи церковно-мірскимъ достояніемъ и объ упорядоченіи всего этого управленія для блага церкви и нравственнаго роста православнаго населенія является наиболѣе важнымъ въ цѣляхъ признанія за приходомъ его древняго значенія юридическаго лица, а потому мы считаемъ необходимымъ остановиться подробнѣе и внимательнѣе на отношеніи къ сему вопросу митрополита Филарета, авторитетность мнѣній котораго признается всѣми православными.

Для болѣе яснаго уразумѣнія взгляда митрополита Филарета по сему предмету мы приведемъ на справку мнѣніе, высказанное имъ 7 марта 1862 года о собственности православной церкви, въ виду существовавшаго въ то время въ свѣтскомъ правительствѣ предположенія о подчиненіи церковныхъ капиталовъ одинаковымъ контрольнымъ прави-

---

[1] Именно, митрополитъ Филаретъ заявлялъ: «по 10 правилу вѣдѣнію церковныхъ совѣтовъ подлежатъ всѣ суммы церковныя и, какъ показываютъ сношенія по Кіевской и Херсонской епархіямъ, въ числѣ прочихъ и свѣчныя. Симъ также нарушается Высочайше утвержденное постановленіе о свѣчномъ сборѣ въ пользу духовенства и особенно духовныхъ училищъ»

[2] Арх. Св. Синода, бумаги митрополита Филарета, № 93 и «Собраніе мнѣній и отзывовъ митрополита Филарета», т. V. ч. I, стр 286—302.

ламъ съ суммами другихъ министерствъ, то-есть, предположенія вносить эти первые капиталы въ смѣты для разсмотрѣнія въ государственномъ совѣтѣ. Въ этомъ мнѣніи, а также во всеподданѣйшемъ представленіи Государю Императору объ оставленіи въ прежнемъ положеніи контроля и храненія суммъ духовнаго вѣдомства, митрополитъ Филаретъ явился рѣшительнымъ сторонникомъ независимости финансовъ церкви отъ государственнаго контроля и вмѣшательства и въ подкрѣпленіе своего мнѣнія сослался на апостольскія и соборныя правила (св. апост. прав. 41, Антіох. соб. прав 24 и Карѳаген. соб. прав 42) [1].

Отдѣляя строго-церковную собственность отъ государственной, митрополитъ Филаретъ ни коимъ образомъ не былъ сторонникомъ полновластія епископовъ въ управленіи церковною собственностью и, какъ видно изъ донесенія его Св Синоду въ 1851 году, съ мнѣніемъ о сводѣ важнѣйшихъ постановленій изъ правилъ апостольскихъ, соборныхъ и отеческихъ, составленномъ архимандритомъ Іоанномъ, при разборѣ ст. 244, о церковномъ имуществѣ, онъ замѣчалъ: „здѣсь пропущено одно изъ главныхъ правилъ церковнаго хозяйства, чтобы епископъ не распоряжался церковнымъ имуществомъ самъ безгласно, а имѣлъ для сего эконома; зри IV вселенскаго собора правило 26“ [2]. Точно также митрополитъ Филаретъ не сливалъ понятія „церковной собственности“ съ понятіемъ „собственности духовнаго вѣдомства“, или „синодальной“, и (пунктъ VIII его мнѣнія) признавалъ за отдѣльными церквами право собственности на ихъ доходы и капиталы [3].

Не упуская изъ вида этого ясно выраженнаго митрополитомъ Филаретомъ мнѣнія о характерѣ церковной собственности и въ частности о самостоятельной собственности мѣстныхъ церквей, мы укажемъ на два случая, которые подали московскому святителю поводъ высказать свое заключеніе относительно управленія церковными имуще-

---

[1] «Собраніе мнѣній и отзывовъ митрополита Филарета», т. V, ч. I, стр 231—238, 214—320.

[2] «Собраніе мнѣній и отзывовъ митрополита Филарета», т. III, стр. 416

[3] «Собраніе мнѣній и отзывовъ митрополита Филарета», т V, ч. I, стр. 231 и послѣд.

ствами приходскимъ совѣтомъ, въ составъ котораго входятъ не только представители отъ мірянъ, но также представители отъ мѣстнаго причта Такъ, въ письмѣ къ А Н. Муравьеву, отъ 6 апрѣля 1860 года, митрополитъ Филаретъ, касаясь дѣлъ константинопольской церкви, между прочимъ, говоритъ: „что такое управленіе церковными имуществами посредствомъ мірскаго почти совѣта! Не знаю. Что управленіе одними духовными лицами не было счастливо, это извѣстно. Составить управленіе изъ духовныхъ лицъ съ пріобщеніемъ нѣкоторыхъ свѣтскихъ, подъ главнымъ вѣдомствомъ патріарха и синода, было бы не противно правиламъ и не худо по обстоятельствамъ“ [1] Въ другомъ письмѣ, а именно къ оберъ-прокурору Св. Синода графу Протасову, отъ 5 марта 1843 года, митрополитъ Филаретъ, касаясь дѣлъ нашей единовѣрческой церкви, разъяснялъ, что „епархіальное начальство, щадя помыслъ единовѣрческихъ церквей, оставляетъ единовѣрцамъ въ церковномъ хозяйствѣ полную свободу“ [2].

Это послѣднее разъясненіе заслуживаетъ особаго уваженія. Если при утвержденіи въ 1800 году высшимъ духовнымъ и свѣтскимъ правительствомъ пунктовъ единовѣрія, дозволяющаго православнымъ въ крайнихъ случаяхъ пріобщаться у единовѣрческихъ священниковъ Св. Таинъ (п. 11 утвержденныхъ московскимъ митрополитомъ Платономъ правилъ), и затѣмъ при разъясненіи сихъ пунктовъ въ указѣ Св. Синода, отъ 5 апрѣля 1845 года, сочтено было возможнымъ дать единовѣрческимъ приходамъ право избранія ими своихъ священнослужителей (п. 2) и право управленія церковнымъ имуществомъ и доходами ихъ церквей, то не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что нѣтъ никакихъ существенныхъ каноническихъ основаній для лишенія православныхъ приходовъ такихъ же правъ, а наилучшимъ доказательствомъ изъ практики нашей церкви за послѣднее время о неимѣніи такихъ препятствій служитъ полное одобреніе Св Синодомъ въ 1859 году пріамурскихъ

---

[1] Письма митрополита Филарета къ А. Н. Муравьеву (Кіевъ, 1869 г. стр. 567).

[2] «Собраніе мнѣній и отзывовъ митрополита Филарета», т. III, стр. 98.

правилъ объ учрежденіи приходскихъ совѣтовъ, снабженныхъ упомянутыми выше правами, и настойчивое желаніе Св. Синода распространить именно эти правила во всей Россіи [1].

Имѣя приведенныя выше понятія о „приходскомъ управленіи“ и зная о разрѣшеніи Св. Синодомъ вопроса объ этомъ управленіи въ смыслѣ вполнѣ благопріятномъ для мірянъ, митрополитъ Филаретъ, какъ мы видѣли выше при обсужденіи правилъ пріамурскихъ и южно-поселенскихъ, коснулся съ особою осторожностью опредѣленнаго сими правилами порядка приходскаго управленія и, не высказывая мнѣнія о томъ, что предоставленіе церковнымъ или приходскимъ совѣтамъ права завѣдыванія и распоряженія церковнымъ имуществомъ и доходами противорѣчитъ какимъ-либо каноническимъ правиламъ, прямо призналъ необходимость предоставленія симъ совѣтамъ полнаго контроля надъ этимъ имуществомъ и доходами.

Всѣ эти данныя даютъ намъ достаточное основаніе утверждать, что митрополитъ Филаретъ не могъ быть сторонникомъ правильности той формулы, по которой въ православныхъ приходахъ завѣдываніе и управленіе церковными имуществами и доходами должно быть оставлено въ рукахъ причта и церковнаго старосты подъ высшимъ на-

---

[1] Въ 1800 году московскіе старообрядцы при прошеніи подали митрополиту Платону пункты объ устроеніи имъ церкви и о снабженіи ихъ правильными священниками. Какъ извѣстно, всѣ эти пункты въ существенныхъ чертахъ были признаны митрополитомъ «пріемлимыми», причемъ онъ выразился, что «пріобрѣтеніе мира церковнаго есть важнѣе всего». Затѣмъ, пункты эти были Высочайше утверждены 27 октября 1800 года. Впослѣдствіи въ указѣ, отъ 5 апрѣля 1845 года, Св. Синодъ опредѣлилъ «подтвердить всѣмъ епархіальнымъ начальствамъ, чтобы они наблюдали непремѣнно и со всею точностію за исполненіемъ Высочайше утвержденныхъ въ 1800 году правилъ митрополита Платона, чтобы посему ни въ богослуженіи единовѣрцевъ, ни въ церковно-хозяйственномъ порядкѣ, ни вообще въ обычаяхъ, церковію дозволяемыхъ, не допускалось никакого имъ стѣсненія и не дѣлаемо было никакихъ нововведеній, чтобы въ дѣлахъ единовѣрческихъ церквей не было допускаемо никакого участія ни духовныхъ консисторій, ни другихъ духовныхъ начальствъ, кромѣ одного преосвященнаго, и чтобы всѣ таковыя дѣла преосвященный рѣшалъ самъ, для исполненія же своихъ распоряженій и для ближайшаго надзора за единовѣрческимъ духовенствомъ и паствою назначалъ благочиннаго изъ среды того же духовенства».

блюденіемъ духовнаго начальства. Такое утвержденіе пріобрѣтаетъ еще большую силу въ томъ фактѣ, что митрополитъ Филаретъ, будучи всегда строгимъ блюстителемъ правильнаго веденія церковнаго хозяйства, самъ лучше всѣхъ и ранѣе другихъ зналъ о коренномъ несовершенствѣ такого способа управленія церковнымъ имуществомъ и доходами [1]. Такъ, въ мнѣніи своемъ, отъ 17 января 1863 года, онъ, между прочимъ, писалъ: „извѣстно и прискорбно то, что въ церквахъ не вся свѣчная прибыль показывается и представляется начальству и вѣроятно въ большей части церквей большая половина оной переходитъ въ кошельковую сумму, но священникъ, зная сію невѣрность церковныхъ старостъ предъ закономъ, принужденъ терпѣть ее, потому что безъ сего многія церкви не могли бы удовлетворять своимъ потребностямъ, а также и потому, что неудобно преслѣдовать за сіе церковныхъ старостъ, и при такомъ преслѣдованіи не нашли бы желающихъ принимать должность церковныхъ старостъ“.

Въ другомъ своемъ мнѣніи о собственности православныхъ церквей при предположеніи объ обращеніи церковныхъ сборовъ въ казначейства, московскій владыка прямо заявилъ, что большая часть сельскихъ церковныхъ старостъ не способны дать какія-либо объясненія [2].

Основываясь только на этихъ правдивыхъ словахъ московскаго святителя, нельзя придти къ другому заключенію, какъ къ тому, что весь способъ веденія церковнаго хозяйства по указанной выше формулѣ, какъ ведущій къ сознательной утайкѣ церковныхъ суммъ съ рискомъ ихъ похищенія и къ помѣщенію въ отчетахъ завѣдомо невѣрныхъ свѣдѣній начальству о движеніи самыхъ святыхъ

---

[1] Собраніе мнѣній и отзывовъ митрополита Филарета, т. I, стр. 151, 186, 340.

[2] Собр. мнѣн. и отзыв. митр Филарета, т. V, стр 382 и 231. Митрополитъ Филаретъ указывалъ также, что лица высшихъ сословій не принимаютъ должности церковныхъ старостъ. Хотя въ другомъ мѣстѣ при разборѣ доклада особаго присутствія, отъ 16 марта 1863 г за № 2, митрополитъ Филаретъ и говоритъ, что на учрежденіе старостъ брошена тѣнь осужденія напрасно, но очевидно, что московскій владыка здѣсь защищалъ институтъ церковныхъ старостъ только отъ чрезмѣрной критики Присутствія. См. Арх. Св Синода. Бумаги митр Филарета, № 93, и Собр. мнѣн. и отзыв. митр. Филарета, т. V, ч. I, стр. 462 и послѣд.

денегъ въ Россіи, собираемыхъ съ народа по грошамъ на „Божіе дѣло“, долженъ быть признанъ окончательно негоднымъ и требующимъ замѣны его болѣе надежнымъ способомъ церковнаго хозяйства.

Всѣ эти свѣдѣнія о широкомъ введеніи „приходскаго управленія“, по иниціативѣ высшаго духовнаго и свѣтскаго правительства какъ въ Сибири, такъ и въ средней, и южной полосахъ Россіи въ теченіе 1859—1862 годовъ, необходимо имѣть въ виду при обсужденіи дѣятельности особаго присутствія по созданію и введенію въ дѣйствіе правилъ о приходскихъ попечительствахъ, изданныхъ въ 1864 году, о чемъ рѣчь будетъ идти ниже [1].

Б. Теперь мы коснемся постановки въ редакціонныхъ комиссіяхъ вопроса о „приходѣ“, какъ единицѣ административно-территоріальной, въ эпоху освобожденія крестьянъ

При начертаніи положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, въ редакціонныхъ комиссіяхъ весьма естественно возникъ вопросъ чрезвычайной важности, а именно „объ общихъ основаніяхъ образованія крестьянскихъ обществъ“. Комиссіямъ предстояла задача создать двѣ независимыя другъ отъ друга общественныя единицы, а именно „хозяйственную“ и „административно-полицейскую и судебную“.

Какъ извѣстно, въ до-реформенное время пользованіе господскою землею „міромъ“ было явленіемъ, замѣчавшимся въ великороссійскихъ губерніяхъ и отсутствовавшимъ въ губерніяхъ малороссійскихъ, бѣлорусскихъ и литовскихъ. Такое неофиціальное существованіе „поземельныхъ общинъ“ дало большинству дѣятелей редакціонныхъ комиссій, заботливо отстаивавшему самостоятельность этой общины, основаніе къ образованію „сельскихъ обществъ“, какъ единицъ чисто-хозяйственныхъ, члены которыхъ для выплаты податей и повинностей связаны между собою круговою по-

---

[1] Здѣсь мы только скажемъ, что, къ сожалѣнію, при начертаніи правилъ о приходскихъ попечительствахъ даже такое допущеніе контроля приходскаго управленія надъ церковными имуществами и суммами, которое находилъ полезнымъ митрополитъ Филаретъ, было отклонено, и попечительства были совершенно устранены, какъ отъ завѣдыванія и распоряженія этимъ имуществомъ и деньгами, такъ и отъ контроля надъ ними.

рукою Образованіе такихъ обществъ было направлено противъ „помѣщика“, которому противопоставленъ былъ „міръ“; съ этимъ міромъ онъ и долженъ былъ со времени реформы имѣть дѣло, а не съ отдѣльными членами сельскаго общества, и въ этомъ усматривалась гарантія для послѣднихъ отъ произвола помѣщичьей власти, которая хотя юридически и упразднялась, но фактически оставалась все еще довольно сильной. Вмѣстѣ съ тѣмъ образованіе сельскихъ обществъ было и на пользу правительственной администраціи, такъ какъ круговое ручательство членовъ сельскихъ обществъ за исправное отправленіе казенныхъ податей и окладовъ обезпечивало правильное и неуклонное поступленіе такихъ податей въ казну.

Если такая хозяйственная единица, имѣющая непосредственную связь съ общимъ пользованіемъ землями и угодьями, соотвѣтствовала сельскому быту великороссійскихъ губерній, гдѣ существовала поземельная община, то для западныхъ губерній она была нововведеніемъ, врядъ ли отвѣчающимъ интересамъ тамошнихъ крестьянъ, ибо они, при личномъ пользованіи земельными участками, всетаки обязывались отвѣчать круговою порукой, то-есть, должны были платить трудовыя свои деньги за нерадивыхъ и неимущихъ односельцевъ. Къ сему слѣдуетъ добавить, что, не смотря на видимое желаніе создать въ сельскомъ обществѣ оплотъ противъ помѣщика, его матеріальные интересы, равно какъ и правительства, могли только выиграть отъ учрежденія сельскихъ обществъ, такъ какъ круговая въ нихъ порука, пока крестьяне пользовались помѣщичьими землями и выкупъ поземельныхъ ихъ надѣловъ не былъ осуществленъ, обезпечивала правильное поступленіе отъ нихъ повинностей и податей въ пользу помѣщика. Такимъ образомъ, учрежденіе сельскихъ обществъ на началахъ положенія было мѣрою искусственною, по крайней мѣрѣ, для половины крестьянскаго населенія Россіи, интересы котораго въ этомъ дѣлѣ отодвинуты были на второй планъ.

Еще болѣе „дѣланной“ представлялась новосозданная крестьянская волость, какъ единица административная и полицейско-судебная. Прежняя администрація сосредоточивалась въ лицѣ одного помѣщика и съ упраздненіемъ этой власти необходимо было дать крестьянамъ независимое

управленіе, посредствомъ выборныхъ должностныхъ лицъ изъ ихъ среды. Въ защиту дѣятелей редакціонныхъ комиссій надо сказать, что въ то время нельзя было и мечтать о созданіи всесословной общественной единицы, такъ какъ освобожденіе крестьянъ „съ землею“ существенно разъединило, на время срочно-обязаннаго состоянія крестьянъ, интересы „помѣщика“ и „міра“; съ самаго начала устройства быта крестьянъ на новыхъ основахъ отъ помѣщика отпадала вотчинно-полицейская власть, и онъ устранялся отъ всякаго вліянія на мірское общество.

Такое положеніе сословій заставляло правительство соединить, такъ сказать, механическимъ образомъ сельскія общества, находившіяся въ одномъ уѣздѣ и по возможности смежныя, въ волости. Эта односословная общественная единица, чрезполосная въ смыслѣ территоріальномъ и не имѣющая никакого другаго основанія, кромѣ числа душъ, представлятъ изъ себя, очевидно, устройство непрочное, искусственное. Эта искусственность въ устройствѣ крестьянской волости, созданной болѣе въ интересахъ правительственныхъ, была подмѣчена при самомъ составленіи крестьянскаго положенія 1861 года. Нѣкоторыми членами крестьянскихъ комитетовъ весьма правильно замѣчалось, что „волость“, какъ и „городъ“, должна быть единицей территоріальной, а не сословной, и что не естественно соединеніе разныхъ мѣстъ крестьянскихъ клочковъ въ одно цѣлое. Также указывалось, что трудно вымыслить административную единицу, и если она только не бюрократическая инстанція, лишенная всякаго смысла, то опредѣляется не по заранѣе обдуманной нормѣ, а вслѣдствіе общности интересовъ самихъ жителей въ цѣломъ ихъ составѣ. Съ этой точки зрѣнія весьма естественной казалась мысль, что одни крестьяне, освобожденные отъ крѣпостной зависимости, не могутъ составить одной общей, правильной административной единицы.

Сильной критикѣ подвергалось и волостное крестьянское самоуправленіе. Какъ извѣстно, въ каждомъ волостномъ (равно и сельскомъ) обществѣ завѣдываніе общественными дѣлами предоставлено было „міру“ и его избраннымъ, и волостному управленію подлежали всѣ отношенія крестьянъ къ правительству и дѣла, касающіяся граждан-

ской жизни крестьянъ. Съ точки зрѣнія общегосударственной нѣкоторымъ лицамъ, принимавшимъ участіе въ проведеніи крестьянской реформы, представлялось очевиднымъ, что собственно для крестьянъ нѣтъ надобности устраивать „особыя“ управленія, гдѣ соединенныя принудительнымъ путемъ сельскія общества подчинены были „чужому большинству“ Далѣе, ими замѣчалось, что самоуправленіе не создается никогда регламентаціей законодателей и писаннымъ закономъ, но тамъ, гдѣ существуетъ, естественно есть всегда послѣдствіе развитой въ гражданахъ нравственности и соглашенныхъ интересовъ При такомъ критическомъ отношеніи къ учрежденію крестьянской волости, чуждой крестьянскому понятію, эта искусственная единица (въ значеніи крестьянскаго самоуправленія) казалась „изолированной крестьянской инстанціей“, излишней и обременительной для крестьянъ, какъ въ финансовомъ отношеніи, такъ и въ смыслѣ отягченія ихъ разными должностями, и удаляющей ихъ въ общественныхъ дѣлахъ отъ другихъ достаточныхъ и образованныхъ классовъ общества во вредъ общимъ ихъ интересамъ, такъ какъ такое разъединеніе сословій поведетъ опять къ произвольному управленію чиновниковъ.

Всѣ эти соображенія лицъ, несочувствовавшихъ проекту учрежденія крестьянской волости, заставили ихъ искать такую жизненную общественную единицу въ Россіи, которая бы дѣйствительно совмѣщала въ себѣ мѣстные интересы жителей, и притомъ въ полномъ объемѣ этихъ интересовъ, а не въ отрывочномъ и узкосословномъ ихъ видѣ. Хотя, какъ извѣстно, въ шестидесятыхъ годахъ замѣчался почти полный упадокъ „прихода“, какъ единицы церковно-общественной и территоріальной, ибо права „прихожанъ“, если не были совсѣмъ уничтожены къ тому времени, то во всякомъ случаѣ представлялись (если можно такъ выразиться) атрофированными, тѣмъ не менѣе въ виду того, что „приходъ“ и въ томъ положеніи представлялся всетаки единственно жизненною общественною единицей, нѣкоторые дѣятели по крестьянской реформѣ остановили свое вниманіе на приходѣ и предлагали опредѣлять размѣры волостныхъ обществъ по приходамъ. Къ числу указанныхъ дѣятелей надо отнести меньшинство симбирскаго и кур-

скаго крестьянскихъ комитетовъ, а также олонецкій комитетъ, замѣчавшій, что въ Олонецкой губерніи едва ли представляется возможность къ иному раздѣленію крестьянъ на общества, кромѣ уже существовавшаго церковнаго ихъ раздѣленія.

Редакціонныя комиссіи, выслушивавшія съ одинаковымъ вниманіемъ, какъ мнѣнія большинства, такъ и мнѣнія меньшинства губернскихъ комитетовъ, и имѣя въ виду необходимость избѣгать устройства, какъ слишкомъ мелкихъ, такъ и слишкомъ крупныхъ волостей, остановились съ особеннымъ интересомъ на мнѣніяхъ нѣкоторыхъ провинціальныхъ дѣятелей о „приходѣ“, какъ административной единицѣ, и возбудили важный вопросъ: представляется ли удобнымъ и возможнымъ образовать изъ крестьянъ каждаго прихода отдѣльную волость и тѣмъ избѣжать необходимости назначенія „численныхъ нормъ“ для опредѣленія размѣра волости?

Въ пользу предположенія о принятіи приходовъ за основаніе дѣленія крестьянъ на волости приводилось, какъ въ обзорѣ основаній обоихъ меньшинствъ симбирскаго комитета, такъ и въ нѣкоторыхъ выраженныхъ печатно мнѣніяхъ [1], слѣдующія соображенія:

1) Приходъ, будучи уже знакомымъ, драгоцѣннымъ для народа средоточіемъ, представляетъ собою единицу живую, носящую историческій характеръ и соотвѣтствующую дѣйствительнымъ отправленіямъ гражданской жизни. Крестьяне всего чаще сходятся въ церкви и могутъ легче совѣщаться тутъ о своихъ нуждахъ. Притомъ, учрежденіе со временемъ училищъ, больницъ и благотворительныхъ учрежденій всего легче въ селахъ.

2) По офиціальнымъ статистическимъ свѣдѣніямъ (того времени) видно, что средняя цифра принадлежащаго къ каждому приходу населенія составляла около 500 душъ. При такомъ размѣрѣ волость, представляя не слишкомъ малую и не слишкомъ крупную „административную единицу“, не будетъ вызывать неудобствъ, сопряженныхъ съ

[1] «Сельское благоустройство», 1858 г., № 9, «Нѣкоторыя черты будущаго сельскаго управленія», князя Черкасскаго. «Журналъ землевладѣльцевъ, 1858 г., № 10, «Объ устройствѣ крестьянъ Сапожковскаго уѣзда».

этими крайностями, какъ для правительства, такъ и для самихъ крестьянъ.

3) Раздѣленіе на приходы можетъ оказаться, наконецъ, крайне полезнымъ и въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ при неминуемомъ совершенномъ сліяніи во едино всѣхъ сельскихъ сословій, представляя готовую, такъ сказать, рамку, въ которую легко, удобно и охотно уложатся всѣ новые элементы.

Съ другой стороны противъ изъясненнаго предположенія возражали:

1) Не малое число приходовъ находится въ двухъ разныхъ уѣздахъ и даже разныхъ губерніяхъ и должны быть по необходимости отнесены къ разнымъ волостямъ.

2) Приходы, какъ по числу прихожанъ, такъ и по пространству, представляютъ весьма неравномѣрныя единицы; поэтому волости были бы весьма часто, либо слишкомъ малы, либо слишкомъ крупны.

3) Въ нѣкоторыхъ значительныхъ селахъ бываетъ по нѣсколько приходовъ и такимъ образомъ одно и то же село принадлежало бы къ разнымъ волостямъ.

Соображая изложенные доводы въ пользу и противъ предположенія о принятіи прихода за основаніе дѣленія крестьянъ на волости, редакціонныя комиссіи находили, что въ большинствѣ случаевъ составленіе волости изъ крестьянъ одного прихода можетъ вполнѣ удовлетворять изъясненнымъ выше общимъ условіямъ правильнаго и удобнаго въ хозяйственномъ и административномъ отношеніяхъ раздѣленія крестьянъ на волости и представлять еще важную для крестьянъ выгоду сосредоточенія въ одномъ пунктѣ ихъ гражданскихъ и духовныхъ интересовъ, но въ немаломъ также числѣ случаевъ можетъ представиться необходимость въ соединеніи нѣсколькихъ мелкихъ приходовъ въ одну волость, а иногда въ отдѣленіи разныхъ частей прихода къ разнымъ волостямъ. Такимъ образомъ, существующіе приходы не могутъ служить исключительнымъ основаніемъ для раздѣленія крестьянъ на волости, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ живутъ смѣшанно съ православнымъ населеніемъ и иновѣрцы, какъ напримѣръ, въ восточныхъ губерніяхъ и въ Таврической губерніи магометане, а въ С.-Петербургской

губерніи финны евангелическаго исповѣданія и наконецъ, въ западныхъ губерніяхъ католики.

Поэтому общимъ основаніемъ должны, по мнѣнію редакціонныхъ комиссій, служить опредѣленныя нормы числа душъ и географическаго протяженія сельскихъ обществъ изъ государственныхъ крестьянъ. При этомъ, однако, по важности удобствъ, которыя произошли бы для крестьянъ отъ сосредоточенія въ „приходскомъ“ селѣ и волостнаго управленія, редакціоннымъ комиссіямъ казалось необходимымъ принять за положительное правило сохраненіе, сколь возможно, существующаго раздѣленія на приходы, непремѣнно образуя изъ каждаго прихода, „соотвѣтствующаго даннымъ нормамъ“, отдѣльную волость; при малочисленности же приходовъ стараться всегда, по мѣрѣ возможности, соединять въ одну волость два или нѣсколько полныхъ приходовъ и допускать лишь въ самомъ крайнемъ случаѣ дробленіе послѣднихъ на разныя волости [1]

Эти соображенія редакціонныхъ комиссій легли въ основу 43—45 ст. Полож. о крестьян., гласящихъ, что однимъ изъ главныхъ условій для образованія волости является совпаденіе ея съ церковнымъ приходомъ, и что при малочисленности прихода дозволяется соединять нѣсколько приходовъ въ одну волость, но наоборотъ, раздроблять приходы запрещается.

Такимъ мѣрами дѣятели по крестьянской реформѣ постарались сохранить, по мѣрѣ возможности, наши приходы въ ихъ исторически созданной цѣлости для того, чтобы, когда приспѣетъ время, изъ этой ячейки могла быть создана настоящая древне-русская, жизненная общественная единица.

Въ заключеніе мы приведемъ принятое во вниманіе редакціонными комиссіями мнѣніе князя Черкасскаго о необходимости принятія „прихода“ за единицу сельскаго общества. Мнѣніе это изложено въ статьѣ „Нѣкоторыя черты будущаго сельскаго управленія“, которая была напечатана въ 1858 году въ журналѣ Сельское Благоустройство (№ 9). Князь Черкасскій, между прочимъ,

---

[1] Скребицкій «Крестьянское дѣло въ царствованіе императора Александра II», Бонъ на Рейнѣ, 1861—1862 гг.

высказывалъ, что первообразною единицею сельской жизни и управленія должно быть признано не вымышленное какое либо географическое подраздѣленіе, но единица живая, уже существующая, по возможности носящая, такъ сказать, историческій характеръ и соотвѣтствующая дѣйствительнымъ отношеніямъ народной жизни... За единицу вновь образуемаго сельскаго общества въ освобождаемыхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ долженъ быть принятъ „приходъ“. Онъ одинъ совмѣщаетъ въ себѣ всю ту совокупность вещественныхъ и нравственныхъ условій, соединеніе которыхъ въ новой административной сельской единицѣ составляетъ предметъ первостепенный

Въ приходскомъ союзѣ открывается вполнѣ достаточный просторъ для твердаго развитія столько сроднаго нашему крестьянину мірского управленія. Здѣсь крестьянинъ находитъ ту чисто-нейтральную почву, гдѣ встрѣчается онъ на правѣ какъ бы нравственнаго (хотя и не юридическаго) равенства съ лицами всѣхъ сословій и всѣхъ состояній, здѣсь церковь съ своими постоянными народными сходбищами и праздниками, безъ сомнѣнія, имѣющими служить удобнымъ временемъ и мѣстомъ всякой сельской управы, предлагаетъ ему всегда готовую, почти всегда достаточную среду гласности; безпристрастное лицо священника можетъ во множествѣ случаевъ быть употребляемо, какъ драгоцѣнное для крестьянъ обезпеченіе. Наконецъ, самый чинъ церковно служителей представляетъ управленію сельскаго общества всегда сподручное и дешевое канцелярское устройство, тѣмъ полезнѣйшее, чѣмъ оно будетъ сдѣлано менѣе обязательнымъ для сельскаго управленія и чѣмъ дѣйствительное употребленіе его будетъ исключительнѣе подчинено условію взаимнаго добровольнаго соглашенія.

V.

Частный починъ въ дѣлѣ возбужденія «приходской самостоятельности» и учрежденія «православныхъ братствъ».

Плодотворныя мысли о самодѣятельности и самостоятельности православныхъ приходовъ и братствъ стали находить себѣ сочувствіе и въ частныхъ кружкахъ, среди образованныхъ лицъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ.

Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія замѣчательная дѣятельность одного изъ соредакторовъ журнала „Духъ Христіанина“, а именно священника Христорождественской, что на Пескахъ, церкви Александра Гумилевскаго, который съ сентября 1861 года началъ издавать названный журналъ совмѣстно съ священниками Дмитріемъ Флоринскимъ, Іоанномъ Заркевичемъ и Іоанномъ Флеровымъ, авторомъ вышеупомянутаго сочиненія „о православныхъ братствахъ“.

Учредивъ свой журналъ, въ ноябрьской книжкѣ этого журнала за 1861 годъ, въ отдѣлѣ „смѣси“, отецъ Гумилевскій высказалъ предположеніе объ учрежденіи въ Петербургѣ братства для поддержанія народныхъ школъ петербургской епархіи и, не смотря на всю новизну такого благаго дѣла, на этотъ призывъ откликнулись весьма многіе изъ разныхъ классовъ населенія, приславшіе пожертвованія деньгами и вещами съ просьбой о включеніи ихъ въ число членовъ предполагаемаго братства[1]. Признавая, что гласность и свобода въ управленіи богоугодными учрежденіями даютъ имъ благотворную силу и обезпечиваютъ матеріальный успѣхъ, отецъ Гумилевскій въ своемъ воззваніи просилъ вступающихъ въ братство высказывать письменно и словесно свои мысли и соображенія по этому новому дѣлу, а потому для приданія возможно большаго распространенія этому почину, онъ, съ января 1862 года, открылъ при своемъ журналѣ особый отдѣлъ: „лѣтопись предполагаемаго братства“. Въ эту лѣтопись отецъ Гумилевскій заносилъ имена жертвователей, предметы пожертвованій, сообщенія

---

[1] О смѣлости проекта отца Гумилевскаго можно судить по письму баронесы Раденъ къ К. Д. Кавелину, отъ 11 марта 1864 года. Въ этомъ письмѣ баронеса Раденъ, между прочимъ, пишетъ: «въ настоящее время графиню Антонину Блудову озабочиваетъ учрежденіе братства (въ Острогѣ) для поддержанія въ западныхъ губерніяхъ русскаго и православнаго элемента. Слѣдуетъ ли прибавлять, что она преодолѣла тысячи затрудненій, начиная съ названія «братства», которое представляется опаснымъ, и кончая малѣйшими подробностями устройства». «Изъ жизни К. Д. Кавелина во Франціи и Германіи въ 1862—1864 годахъ», «Русская Мысль», апрѣль 1900 г. См. также «офиціальныя возраженія противъ предположеній объ учрежденіи въ началѣ 60-хъ годовъ въ С.-Петербургѣ братства при Исаакіевскомъ соборѣ», рукоп. сборн. митр. Исидора, № 60

и взгляды разныхъ лицъ и всякія свѣдѣнія, касавшіяся до предполагаемаго братства.

Давая такую просвѣтительную окраску будущему братству, священникъ Гумилевскій не забылъ высказать свои соображенія по вопросу объ организаціи мѣстной помощи бѣднымъ. Въ мартовской книжкѣ Духа Христіанина за 1862 годъ въ отдѣлѣ: „провинціальный духовный листокъ“ были выражены по сему предмету слѣдующія мысли: именно указывалось, что самая общая форма духовно-общественныхъ отношеній въ Россіи есть „приходская“. Приходъ есть представитель мѣстной общины въ религіозномъ отношеніи, приходское духовенство есть представитель мѣстнаго духовнаго управленія. Священникъ долженъ проникать во всѣ уголки, слышать стоны истинной нищеты. Приходъ, какъ христіанская община, проникнутая любовью ко Христу, обязанъ заботиться о своихъ бѣдствующихъ соприхожанахъ, и о сиротахъ, и о вдовахъ своего духовенства. Такъ было при апостолахъ, такъ должно быть и теперь. Въ отношеніи организаціи авторъ указываетъ, что приходъ избираетъ трехъ попечителей, которые вмѣстѣ со священниками составляютъ совѣтъ и на первыхъ же порахъ основываютъ приходскую кассу для мѣстныхъ бѣдныхъ [1]. По мѣрѣ возрастанія средствъ учреждаются разныя богоугодныя заведенія, и наблюденіе за ними поручается приходскимъ діакониссамъ. Въ поясненіе этого древняго званія въ слѣдующей апрѣльской книжкѣ журнала появилась статья о діакониссахъ въ христіанской церкви съ указаніемъ на обряды, соблюдавшіеся при ихъ торжественномъ посвященіи, и былъ высказанъ проектъ о возстановленіи этого званія

---

[1] Весьма интересно сопоставить мнѣнія, высказанныя въ статьѣ «Замѣтки приходскаго священника» Лебедева, въ журналѣ «Душеполезное Чтеніе» за 1861 годъ. Авторъ, между прочимъ, говоритъ, что священникъ можетъ сдѣлать очень многое въ своемъ приходѣ, когда сами прихожане или, по крайней мѣрѣ, влятельные изъ нихъ, не останутся равнодушными къ цѣли и обязанностямъ его служенія и будутъ содѣйствовать ему своимъ уваженіемъ къ его правамъ, своимъ вниманіемъ и сочувствіемъ къ его законнымъ и разумнымъ требованіямъ и внушеніямъ. А это все въ полной мѣрѣ возможно только въ томъ случаѣ, когда истинное христіанское образованіе распространится во всѣхъ классахъ общества и проникнетъ въ нашу плоть и кровь

среди русскихъ православныхъ женщинъ (особенно среди простонародья въ селахъ) для выполненія этихъ важныхъ христіанскихъ обязанностей при приходѣ Христорождественской церкви. Въ своей дальнѣйшей братской лѣтописи (май 1862 г.) названный пастырь, развивая свою мысль, что братства являются прямой связью священника съ прихожанами, съ радостію указывалъ, что дѣло предположеннаго имъ въ Петербургѣ братства подвигается впередъ. Пользуясь приближеніемъ тысячелѣтней годовщины перваго начала славянской грамотности и христіанской проповѣди на нашемъ языкѣ и мыслями, развитыми авторомъ статьи „По вопросу о народномъ воспитаніи“ (напечатанной въ „церковной лѣтописи“ журнала Духовная Бесѣда за 1862 г., отъ 21 апрѣля) о способахъ чествованія этого великаго событія, отецъ Гумилевскій въ этой же лѣтописи высказывалъ предположеніе объ установленіи ежемѣсячныхъ собраній по приходамъ въ честь св. Кирилла и Меѳодія для рѣшенія приходскихъ дѣлъ, касающихся благотворенія и просвѣщенія [1].

Мысли священника Гумилевскаго о возрожденіи приходской самодѣятельности нашли себѣ сочувствіе и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ Возникшій въ Москвѣ органъ духовной журналистики „Православное Обозрѣніе“, начавъ смѣло развивать плодотворную мысль о необходимости тѣснѣйшаго сближенія приходскаго духовенства съ церковными (земскими) общинами, въ статьѣ: „приходская благотворительность въ Москвѣ“ (апрѣль, 1862 г.), высказалъ слѣдующее замѣчательное положеніе: „приходская община давно уже обращаетъ на себя вниманіе многихъ, какъ наиболѣе удобная форма нравственно общественной дѣятельности; воспользоваться приходомъ для нравственнаго и экономическаго сближенія людей достаточныхъ съ бѣдными и пресѣчь то зло, какое производитъ неравенство общественныхъ состояній, мысль прекрасная, вполнѣ достойная общества основаннаго на христіанскихъ началахъ“.

---

[1] Въ «Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» (1862 г № 1+6) указывалось, что св. Кириллъ и Меѳодій были именно народными учителями, и поэтому предлагалось сдѣлать 11 мая днемъ празднованія для сельскихъ школъ Подобный проектъ развивался также въ газетѣ «День».

Мысли, дѣйствительно, прекрасныя, и утѣшительно то, что въ отзывчивой Москвѣ эти мысли могли быть осуществлены на практикѣ Возбужденіе жизни въ приходскихъ центрахъ явилось сознанною многими необходимостію. Первый попечительный совѣтъ о приходскихъ бѣдныхъ открытъ въ Москвѣ при Казанской, что́ у Калужскихъ воротъ, церкви, по проекту священника Сперанскаго и трудами священника означенной церкви Алексѣя Ключарева († харьковскій архіепископъ Амвросій [1]). 7 марта 1862 года на поданномъ по этому дѣлу прошеніи митрополитъ Филаретъ написалъ: „Богъ да благословитъ человѣколюбивое предпріятіе и принявшихъ и имѣющихъ принять въ немъ участіе, и да даруетъ ему благій успѣхъ и распространеніе. Распространеніе предпріемлемаго дѣйствованія въ сравненіи съ случайнымъ подаяніемъ въ неизвѣстныя руки, безъ сомнѣнія, удобнѣе и вѣрнѣе можетъ открывать, отличать и облегчать истинно-нуждающихся, а другихъ располагать и направлять къ посильнымъ полезнымъ занятіямъ, да не туне чужой хлѣбъ ѣдятъ“ [2] По мѣрѣ распространенія въ Москвѣ слуха о совѣтѣ знакомые и незнакомые священника Ключарева при встрѣчѣ съ нимъ разспрашивали о подробностяхъ новаго учрежденія и свои разспросы оканчивали

---

[1] Въ февральской книжкѣ «Душеполезнаго Чтенія» за 1862 годъ напечатана была статья священника Сперанскаго: «О древней и современной памяти христіанской благотворительности», въ которой проводилась съ замѣчательной ясностью и полною удобоприложимостью мысль объ учрежденіи въ православныхъ приходахъ попечительныхъ совѣтовъ о приходскихъ бѣдныхъ Эта статья, между прочимъ, и навела священника Ключарева на мысль и воодушевила прихожанъ Казанской церкви (въ Москвѣ) учредить такой совѣтъ при названной церкви (см мартовскую книжку того же журнала за 1862 годъ).

[2] Самъ митрополитъ Филаретъ былъ сторонникомъ развитія братскихъ учрежденій на приходской почвѣ, какъ въ этомъ, между прочимъ убѣждаютъ назидательныя мысли его объ учрежденіи «вѣропроповѣдническаго братства» для образованія проповѣдниковъ, причемъ почетными попечителями такого братства онъ допускалъ какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ особъ; см. донесеніе митрополита Св. Синоду отъ 17 мая 1860 года. Собраніе мнѣній и отзывовъ, т. IV, стр. 533. См. также статью «Дѣятельность митрополита Московскаго Филарета въ холеру 1830—1831 года». И Корсунскаго: «Прибавленіе къ твореніямъ св отецъ», ч 39, 1887 года.

приношеніями для бѣдныхъ, предоставляя ихъ въ распоряженіе совѣта

Второй попечительный совѣтъ о бѣдныхъ открытъ въ Москвѣ при церкви Ризъ-положенія, на Донской улицѣ, стараніями приходскаго священника Рождественскаго. Облегчая бѣдствія уже существующей бѣдности, этотъ приходскій совѣтъ считалъ главною своею обязанностью обратить вниманіе на возможное уменьшеніе ея въ будущемъ. Этой цѣли совѣтъ надѣялся достигнуть воспитаніемъ молодого поколѣнія бѣдняковъ, опредѣляя ихъ въ разныя учебныя заведенія. Третій по времени приходскій попечительный совѣтъ о бѣдныхъ открытъ 14 октября 1862 года въ С.-Петербургѣ при Благовѣщенской, на Васильевскомъ островѣ, церкви, и, кромѣ денежнаго пособія, помогалъ бѣднымъ также вещами, напримѣръ, одеждою, помогалъ доставленіемъ работы имѣющимъ силы работать, помѣщалъ сиротъ въ казенныя заведенія [1]. Такіе же совѣты въ концѣ 1862 и въ 1863 году открыты: въ Москвѣ въ приходѣ св. Власія, что въ Старой Конюшенной, при церкви Рождества Христова, что въ Палашахъ, при Воскресенской на Остоженкѣ церкви и, наконецъ, въ Симферополѣ при Александро-Невскомъ каѳедральномъ соборѣ, съ училищемъ для дѣтей, причемъ этотъ послѣдній совѣтъ не исключалъ изъ круга своей попечительности и бѣдныхъ иновѣрцевъ [2]. Мы не станемъ далѣе подробно слѣдить за учрежденіемъ приходскихъ совѣтовъ, такъ какъ до появленія закона 1864 года о приходскихъ попечительствахъ такое открытіе этихъ со-

---

[1] «15 сентября 1862 года исполнилось столѣтіе Благовѣщенской церкви, получившей первое освященіе отъ новоявленнаго угодника Божія святителя Тихона Задонскаго», писали въ своемъ прошеніи священнослужители этой церкви. Въ ознаменованіе этого торжественнаго событія они, по согласію съ прихожанами, и постановили учредить благотворительное общество.

[2] См. подробности въ журналѣ «Духъ Христіанина», сентябрь, 1863 года, «современное обозрѣніе», также «Душеполезное Чтеніе», апрѣль 1863 года; «Православное Обозрѣніе», іюль 1862 года, «О приходской благотворительности», и январь 1863 года; «Духовный Вѣстникъ» 1862 года, т. II, «лѣтоп. листокъ». Отмѣтимъ также, что въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ Москвѣ устроилось «братолюбивое общество» съ цѣлію доставлять бѣднымъ людямъ дешевыя квартиры («Душеполезное Чтеніе», январь 1863 года, «извѣстія»)

вѣтовъ въ столицахъ и въ провинціи было явленіемъ довольно рѣдкимъ.

Самъ отецъ Гумилевскій, возбудившій къ жизни приходскую благотворительность, успѣлъ въ началѣ 1863 года образовать два братства. Одно изъ нихъ преслѣдовало цѣли просвѣтительныя и рѣшилось помогать народнымъ школамъ петербургской епархіи, заведеннымъ духовенствомъ, и, кромѣ того, давать пособія бѣднымъ студентамъ петербургской духовной академіи и осиротѣвшимъ семействамъ тружениковъ духовной науки и литературы. Другое братство, названное „Приходскимъ Рождественскимъ братствомъ", было открыто 7 апрѣля 1863 года, и отецъ Гумилевскій успѣлъ на собранныя имъ средства въ весьма краткое время устроить у себя на Пескахъ пріютъ, въ которомъ нѣсколько мальчиковъ и дѣвочекъ обучались ремесламъ. Въ пріютскомъ домѣ также устроены были: богадѣльня, больница и библіотека. Особенно интересно обратить вниманіе на учрежденіе при братствѣ обѣдовъ для нищихъ и на устройство общины сестеръ, служащихъ братству по примѣру древнихъ православныхъ діаконисъ. Въ статьѣ „Современное Обозрѣніе" журнала Духъ Христіанина, за мартъ 1865 годъ, ставился важный вопросъ: чѣмъ подвигнуть народъ на истинную, полезную благотворительность? Надо возвратиться (отвѣчалъ авторъ) къ тому способу благотворенія, который издревле употреблялся въ христіанской церкви и который доселѣ живетъ въ памяти и даже въ обычаяхъ нашего народа. Этотъ способъ благотворенія весьма простой. Онъ состоитъ въ возстановленіи тѣхъ „вечерей любви", или тѣхъ „братскихъ обѣдовъ" для бѣдныхъ и нищихъ, память о которыхъ до сихъ поръ сохраняется у насъ на Руси въ наименованіи священнѣйшаго богослуженія нашего „обѣднею". Въ мартовской и апрѣльской книжкахъ журнала „Духъ Христіанина" за 1865 года помѣщена статья: „Христіанскія вечери любви", изъ которой можно почерпнуть обстоятельныя свѣдѣнія объ этихъ „вечеряхъ". Нѣкорыя злоупотребленія, возникшія при вечеряхъ любви, побудили церковь прекратить эти вечери; но бѣдные и нищіе, для которыхъ особенно благодѣтельны были эти вечери, не забыли о нихъ и потому становились въ храмѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ устроялись нѣкогда эти вечери, именно, въ

притворахъ храмовъ, или же трапезахъ, отчего это мѣсто получило новое наименованіе паперти (отъ латинскаго слова „pauper“, то-есть бѣдный, нищій). Нашему народу давно знакомы эти обѣды, и онъ издревле хранитъ эти обѣды, учреждая въ своихъ домахъ „поминальные обѣды для нищихъ“ въ дни смерти своихъ близкихъ.

Возстановляя въ своемъ братствѣ многіе трогательные братскіе обряды и обычаи, какъ напримѣръ, примирительный братскій судъ, стояніе братчиковъ въ извѣстные моменты богослуженія съ возженными свѣчами, отецъ Гумилевскій возстановилъ при братствѣ и обѣды для бѣдныхъ и нищихъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ и также и въ тѣ дни, когда получались заказы на поминовеніе заздравное или заупокойное Въ этихъ обѣдахъ, благотворительная сторона которыхъ столь понятна нашему народу, по мнѣнію отца Гумилевскаго, заключается основа прочности всѣхъ братскихъ учрежденій, и онъ совѣтовалъ приходскимъ священникамъ съ этихъ братскихъ обѣдовъ даже начинать дѣло братствъ. За братскими обѣдами при Христорождественской церкви прислуживали сестры братства по примѣру древнихъ христіанскихъ діакониссъ. Эти сестры приняли на себя служеніе бѣднымъ прихода Онѣ обучали дѣтей, ходили за больными, посѣщали бѣдныхъ на квартирахъ, а также арестантское отдѣленіе для утѣшенія содержавшихся тамъ женщинъ.

Въ заключеніе нашего краткаго обзора о замѣчательной дѣятельности отца Гумилевскаго мы упомянемъ, что ревность его къ приходскому и просвѣтительному дѣлу простиралась до того, что онъ взялъ на себя даже составленіе особыхъ пѣсней для дѣтей призрѣваемыхъ въ братскомъ пріютѣ и самъ сочинилъ „братскую пѣснь“ и „нищенскую пѣснь“; эти пѣсни были затѣмъ переложены извѣстнымъ учителемъ пѣнія г. Ламакинымъ на ноты для музыки и пѣнія по тому простому напѣву какой доступенъ дѣтямъ [1].

---

[1] Подробности объ этомъ замѣчательномъ «приходскомъ братствѣ» можно почерпнуть изъ лѣтописи, веденной отцомъ Гумилевскимъ и напечатанной въ журналѣ «Духъ Христіанина» за 1862, 1863, 1864 и 1865 годы (въ особенности см май—іюнь 1864 г. и мартъ—май 1865 г.). Дѣятельность священника Гумилевскаго можетъ служить примѣромъ

Прежде, чѣмъ мы коснемся того движенія, которое произошло въ нашихъ духовныхъ и свѣтскихъ кругахъ, столичныхъ и провинціальныхъ, вслѣдствіе почина нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ пастырей въ пользу возрожденія приходской и братской самодѣятельности и самостоятельности, замѣтимъ, что тогдашніе духовные дѣятели не побоялись упрека въ подражаніи и заимствованіи этихъ началъ у инославныхъ христіанъ. Будучи людьми образованными, они прекрасно знали о соборныхъ устояхъ нашей православной Церкви и о томъ громадномъ значеніи которое имѣли наши приходы въ древности, а равно и о всей каноничности происхожденія нашихъ братствъ. Они также хорошо понимали, что отдѣленіе духовенства отъ прочихъ вѣрующихъ является началомъ по преимуществу католическимъ и несроднымъ духу нашей церковности. Подмѣчая въ организаціи инославныхъ христіанскихъ приходовъ родственныя нашему церковному строю явленія, составители ученыхъ статей въ нашихъ духовныхъ журналахъ начала шестидесятыхъ годовъ спѣшили познакомить читателей съ этою организацией. Особенное вниманіе было обращено на образцовую во многихъ отношеніяхъ организацію шведскихъ и датскихъ приходовъ, а также отмѣчалось, что въ Англіи приходы составляютъ тѣсно сомкнутыя общины, имѣющія свои подати (самообложеніе), свои финансы, свои богадѣльни и больницы [1]. При изученіи цер-

---

того, что въ состояніи сдѣлать приходскій священникъ, когда онъ находится въ тѣсномъ духовномъ единеніи со своимъ приходомъ Отецъ Александръ Васильевичъ Гумилевскій скончался 20 мая 1869 года, 38 лѣтъ отъ роду. Въ небольшомъ некрологѣ, помѣщенномъ въ журналѣ «Христіанское Чтеніе» 1869 года, ч. I, между прочимъ, говорится: «онъ первый поднялъ вопросъ о выборномъ началѣ въ духовенствѣ», и его голосъ нашелъ себѣ сочувствіе прежде всѣхъ въ митрополитѣ Кіевскомъ Арсеніи; онъ первый также печатно заговорилъ объ учрежденіи у насъ братствъ и свое слово первый же самъ подтвердилъ дѣломъ, учредивъ «Христорождественское братство» въ Петербургѣ; по его примѣру учреждены во многихъ мѣстахъ другія братства и даже приходскія попечительства; онъ первый потомъ печатно осмѣлился возстать противъ злоупотребленій въ нашихъ училищахъ (третныя явки) и въ духовныхъ консисторіяхъ. См. біографическія подробности объ Александрѣ Васильевичѣ Гумилевскомъ въ книгѣ Н. А. Скроботова «Приходскій священникъ А. В Гумилевскій», 1871 г.

[1] См. «Духъ Христіанина», декабрь, 1861 г., іюнь, 1862 г.; «Духовная Бесѣда», «церковная лѣтопись», ноябрь и декабрь, 1861 г., іюнь, 1862 г.;

ковной жизни въ лютеранскихъ приходахъ Саксоніи, Ольденбурга и другихъ протестантскихъ странъ, указывалось, что въ тѣхъ церквахъ, гдѣ общинамъ предоставлено было большое участіе въ церковныхъ дѣлахъ. тамъ внутренняя церковная жизнь развивалась гораздо плодотворнѣе, чѣмъ въ мѣстностяхъ, гдѣ все предоставлено одному только духовенству или, правильнѣе говоря, одному духовному начальству [1].

Кромѣ поименованныхъ выше священниковъ обѣихъ столицъ, дѣломъ возстановленія православныхъ братствъ и развитіемъ приходской самодѣятельности и самостоятельности увлекалось довольно много образованныхъ и просвѣщенныхъ лицъ духовнаго и свѣтскаго званія.

Главное движеніе къ широкому возстановленію древнихъ братствъ обнаружилось въ кіевской епархіи, благодаря вновь назначенному въ 1860 году митрополиту кіевскому Арсенію, явившемуся покровителемъ братскихъ учрежденій и сторонникомъ живыхъ началъ въ церковно-общественной жизни, а также возстановителемъ введенной еще въ началѣ XIX вѣка въ кіевской епархіи знаменитымъ митрополитомъ Евгеніемъ выборной системы въ духовномъ управленіи [2].

Въ кіевскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ за 1862 годъ (№№ 8—10) былъ представленъ историческій обзоръ братствъ въ Россіи съ указаніемъ ихъ устройства, возможности и пользы возрожденія этой угасающей общественной силы и въ настоящее время. Въ этой статьѣ между прочимъ, указывалось, что гоненія за вѣру нѣтъ, препоны православію уничтожены, откупная система пала; однимъ изъ правилъ новаго акцизнаго управленія разрѣшалось сыченіе меда къ храмовымъ праздникамъ, слѣдовательно (говорилось въ статьѣ), представляется полная возможность возстановить одинъ изъ главнѣйшихъ источниковъ доходовъ

«Христіанское Чтеніе», 1863 г., ч. I, № 141, «современные вопросы о братскихъ и приходскихъ совѣтахъ».

[1] «Православное Обозрѣніе», апрѣль—іюль, 1861 года.

[2] Весьма интересная статья Крыжановскаго «Очерки быта малороссійскаго сельскаго духовенства въ XVIII вѣкѣ» помѣщена въ журналѣ «Руководство для сельскихъ пастырей», 1861 г., №№ 39, 49, и 51. Въ этой статьѣ авторъ приводитъ свѣдѣнія объ автономіи малороссійскихъ приходовъ въ древности.

братскихъ. Въ тѣхъ же вѣдомостяхъ (1862 года, № 17) появился составленный при кіевской духовной академіи замѣчательный уставъ для сельскихъ православныхъ братствъ, обработанный на основаніи древнихъ братскихъ уставовъ, но примѣнительно къ современнымъ требованіямъ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1862 года послѣдовало съ благословенія митрополита Арсенія открытіе, согласно мірскому приговору, братства въ м. Райгородѣ, Черкасскаго уѣзда, а затѣмъ послѣдовали мірскіе приговоры объ открытіи братствъ и въ другихъ мѣстахъ [1]. Такъ, въ 1863 году по благословенію архіепископа подольскаго Иринарха возстановлено при каменецкомъ каѳедральномъ соборѣ православное церковное братство, по примѣру издавна существовавшихъ въ Подоліи братствъ, и въ 1864 году торжественно было открыто въ Кіевѣ Свято-Владимірское братство и званіе его покровителя принялъ на себя митрополитъ Арсеній [2].

Въ отношеніи возбужденія интереса общества къ братствамъ и приходской организаціи на пользу православія и русской народности необходимо здѣсь также отмѣтить выдающуюся дѣятельность профессора С.-Петербургской духовной академіи М. О. Кояловича, автора извѣстнаго изслѣдованія о литовской церковной уніи (сочиненіе вышло въ 1859—1861 г.), поколебленной замѣчательно стойкою и энергичною дѣятельностію нашихъ западныхъ братствъ. Въ 1862 году въ домѣ ревнителя православія П. Н. Батюшкова Кояловичъ прочиталъ свои пять лекцій о древнихъ православныхъ братствахъ предъ избраннымъ обществомъ и въ томъ же году совершилъ свое путешествіе по западному краю съ цѣлію обнаруженія остатковъ православныхъ братствъ при церквахъ гродненской, виленской, минской и могилевской губерній [3] Свои изслѣдованія объ этой поѣздкѣ, а также и лекціи Кояловичъ напечаталъ въ газетѣ „Д е н ь“, а именно въ нумерахъ 36—42 за 1862 годъ помѣщены

[1] Объ открытіи въ 1863 году «братства Черниговской епархіи» см. «Черниговскія епархіальныя извѣстія» за тотъ же годъ, № 9

[2] «Странникъ», ноябрь, 1863 г., «хроника», и 1864 г., августъ, «хроника».

[3] Свѣдѣнія о существованіи древнихъ братствъ у насъ на югѣ, именно въ Подольской губерніи, Ольгопольскаго уѣзда, дошли до Батюшкова отъ мѣстнаго священника еще въ 1859 году.

„Чтенія о церковныхъ западно-русскихъ братствахъ“, а въ нумерахъ 44 и 45 помѣщены „Свѣдѣнія о современномъ состояніи западно-русскихъ православныхъ братствъ“. Изъ этихъ свѣдѣній мы узнаемъ, что въ названныхъ губерніяхъ Кояловичемъ обнаружено всего 276 братствъ при мѣстныхъ церквахъ. Наконецъ, въ № 46 газеты „День“ за 1863 годъ Кояловичъ помѣстилъ печатное приглашеніе записываться въ члены нашихъ западныхъ братствъ [1]. Въ статьѣ газеты „День“ (№ 8 за 1864 годъ) М. О. Кояловичъ, между прочимъ, говоритъ, что кромѣ историческихъ дѣлъ братскихъ, неподлежащихъ никакому сомнѣнію и прекаканію, чистота братствъ въ православномъ смыслѣ засвидѣтельствована многими восточными патріархами и лучшими западно-русскими іерархами Такъ, братства утверждали антіохійскій патріархъ Іоакимъ, константинопольскіе патріархи Іеремія и Кириллъ Лукарисъ, кіевскій митрополитъ Петръ Могила, епископъ Георгій Конисскій и другіе. Западно-русскимъ братствамъ сочувствовали и благотворили православные русскіе государи, какъ Михаилъ Ѳеодоровичъ львовскому братству, Алексѣй Михайловичъ тому же братству и виленскому, Елисавета Петровна могилевскому и виленскому братствамъ [2].

Все это движеніе въ пользу братствъ нашло себѣ еще болѣе широкое сочувствіе въ нашемъ обществѣ, когда оно особенно встревожилось за участь православія на западѣ Россіи, узнавъ что польскіе мятежники стали посягать на жизнь православныхъ священниковъ и умертвили нѣкоторыхъ изъ нихъ. Отчужденность православнаго западно-рус-

---

[1] Списки братства помѣщены въ №№ 46 и 52 газеты «День» за 1863 годъ и въ № 5 и 8 за 1864 годъ.

[2] Воззваніе о пожертвованіи на церкви Минской губерніи было сдѣлано Кояловичемъ въ 1864 году. См. также статью Амосова «Путевыя замѣтки» въ «Духовномъ Вѣстникѣ» 1863 года о желательности возстановленія братствъ. Тѣ же мысли въ статьѣ Уманца: «О нѣкоторыхъ улучшеніяхъ въ духовномъ вѣдомствѣ», «Отечественныя Записки», 1862 г., № 143. Здѣсь мы кстати приведемъ, что и въ свѣтской литературѣ обращено было вниманіе на историческое происхожденіе братскихъ учрежденій; упомянемъ о статьѣ Соловьева: «Братчины» («Русская Бесѣда», 1856 г, кн. VI) и А. Попова: «Пиры и братчины» (въ Арх. ист. и юридич. свѣд. Калачева, т. II, стр 30). См. также «Духовный Вѣстникъ», 1862 г., т. II.

скаго священника отъ народа, обусловленная прежними правительственными мѣропріятіями, особенно тяжко сказалась въ польскомъ мятежѣ Священникъ не имѣлъ никакого голоса въ мѣстномъ управленіи, въ мірскихъ сходкахъ, не имѣлъ права ходатайства по дѣламъ общества и былъ безмолвнымъ свидѣтелемъ панско-чиновническаго хозяйствованія и интригъ въ народѣ на пользу „ойчизны“ и во вредъ русскимъ интересамъ [1]. Одиноко и въ тѣни стояло западное православное духовенство и въ отношеніи къ коренному великороссійскому населенію, мало заботившемуся о бѣлорусскихъ и малороссійскихъ порядкахъ

Мы уже выше привели покаянное посланіе изъ Москвы къ бѣлорусскому духовенству, и это пробудившееся въ обществѣ сочувствіе не осталось безъ практическихъ результатовъ.

Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ за 1863 годъ (въ № 116) бывшій попечитель виленскаго учебнаго округа князь Ширинскій-Шихматовъ обратился съ печатнымъ воззваніемъ къ русскому обществу, въ которомъ горячо и убѣдительно приглашалъ поступать въ члены западно-русскихъ братствъ и въ частности въ братство, находившееся въ мѣстечкѣ Радзивилочи, гродненской губерніи и уѣзда, при Свято-Евстаѳіевской церкви [2].

Первымъ откликнулся на этотъ призывъ И. С. Аксаковъ, который, открывая страницы своей газеты „День“ для сбора пожертвованій, просилъ князя Ширинскаго-Шихматова принять его „братски“ членомъ самобѣднѣйшей церковной общины западнаго края. Затѣмъ, въ весьма непродолжительное время княземъ получено изъ Москвы и изъ другихъ городовъ нѣсколько писемъ съ заявленіемъ самаго теплаго патріотическаго участія къ его предложенію и съ препровожденіемъ посильныхъ пожертвованій. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что, вслѣдствіе усердной разработки вопроса о братствахъ газетами „День“ и „Московскими Вѣ-

---

[1] См. «Труды Кіевской Духовной Академіи», 1863 г., т. II, замѣтка о предоставленіи священнику полнаго участія въ «мірскихъ» интересахъ и права ходатайства по «мірскимъ» дѣламъ

[2] По мысли князя Ширинскаго-Шихматова «прямое непосредственное участіе общества въ собственныхъ своихъ дѣлахъ (церковныхъ) будетъ имѣть благотворныя послѣдствія: интересы церкви и школы войдутъ тогда въ жизнь народа»

домостями", братскій вопросъ сталъ уже обще-русскимъ народнымъ дѣломъ. Вслѣдъ за Аксаковымъ и другими лицами стали записываться въ члены западно-русскихъ братствъ многіе видные русскіе дѣятели; въ томъ числѣ назовемъ священника А. В. Гумилевскаго, записавшагося членомъ Березскаго братства гродненской губерніи, П. Н. Батюшкова, бывшаго „старшимъ братчикомъ" во многихъ западныхъ братствахъ, священника А. Ключарева, открывшаго страницы своего журнала „Душеполезное Чтеніе" для сбора пожертвованій и переписки по этому дѣлу, и многіе другіе. Въ Москвѣ появились „братчики-сборщики", и положено начало къ образованію „Срединнаго братства", а также появился отдѣлъ Фастовскаго братства, бѣлостокскаго уѣзда, гродненской губерніи, и эти братчики, воспользовавшись приглашеніемъ отца Ключарева, помѣщали свои интересные отчеты въ журналѣ „Душеполезное Чтеніе" [1].

Заботливый взоръ обращала великая княгиня Елена Павловна на духовенство и духовныя училища. Будучи въ Москвѣ весною 1864 года, она вмѣстѣ съ ректоромъ духовной академіи Горскимъ, протоіереемъ Ключаревымъ и преосвященнымъ Леонидомъ совѣщалась объ участи бѣдныхъ учениковъ духовныхъ училищъ, и плодомъ этихъ совѣщаній было открытіе уже въ 1865 г. въ Москвѣ при церкви св. Николая, явленнаго на Арбатской улицѣ братства, имѣющаго цѣлію попеченіе о нуждахъ воспитанія бѣднѣйшихъ дѣтей духовнаго сословія, обучающихся въ духовныхъ училищахъ Московской епархіи [2]. Были сдѣланы предположенія объ открытіи въ Вильнѣ центральнаго „западно-русскаго братства", и затѣмъ, когда въ 1865 году въ этомъ городѣ возстановилось древнее Свято-Духовское братство, деньги и пожертвованія, собранныя для юго-западнаго братства, были переданы новоучрежденному Свято-Духовскому братству [3]. Наконецъ, отмѣтимъ, что въ Петербургѣ, въ концѣ 1863 года, графини Протасова и Блудова обратились съ

[1] «Душеполезное Чтеніе», 1863 г., декабрь, «извѣстія».

[2] «Письма митрополита Филарета», изд. епископа Саввы, т. II, стр. 247.

[3] См. газету «День», 1863 г., № 19, «Воззваніе къ Русскимъ изъ Западно-русскаго края» и № 28 «Изъ Вильны»

воззваніемъ къ православнымъ благотворителямъ, испрашивая помощи для бѣдствовавшихъ во время польскаго возстанія церквей и духовенства въ нашихъ западныхъ губерніяхъ Со всѣхъ концовъ Россіи онѣ получили сердечный отвѣтъ на свой призывъ, и въ самомъ концѣ того же 1863 года уже былъ напечатанъ особый отчетъ о поступившихъ пожертвованіяхъ деньгами и вещами; вскорѣ всѣ русскіе журналы и многія частныя складчины поспѣшили дѣятельно помочь въ поддержаніи русскаго народа въ сѣверо-западномъ краѣ въ тяжелую годину, а когда эта година миновала, названныя графини, при содѣйствіи многихъ дамъ высшаго свѣта (какъ напр., графини Шереметевой, княгини Долгоруковой и др.) и извѣстнаго ревнителя православія Ѳ. П. Корнилова, задумали, воспользовавшись остаточными средствами, учредить въ Острогѣ (волынской губерніи), мѣстности, уже послужившей однажды въ концѣ XVI вѣка подъ руководствомъ доблестнаго князя Константина Константиновича Острожскаго очагомъ возрожденія православнаго просвѣщенія, религіозно-просвѣтительное и благотворительное братство въ честь первоучителей славянскихъ св. Кирилла и Меѳодія.

VI.

Учрежденіе особаго присутствія для дѣлъ православнаго духовенства.

Дружное желаніе нашего общества внести необходимыя улучшенія въ бытъ и строѣ православнаго духовенства, а также оживленіе въ церковно-приходскую дѣятельность, побудило высшее правительство обратить серезное вниманіе на эти важныя общественныя задачи.

Въ 1861 году министръ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевъ, представляя Государю въ Ливадіи выписки изъ конфиденціальнаго отношенія кіевскаго генералъ-губернатора о положеніи православнаго духовенства и русской народности въ юго-западномъ краѣ и полагая, что состояніе всего православнаго духовенства въ имперіи требуетъ преобразованій и улучшеній, предложилъ рядъ мѣръ къ возвышенію духовнаго сословія [1]. Эти мѣры должны были состоять: въ

[1] Еще 24 янв. 1856 г. ст. секр. Танѣевъ внесъ по высочайшему повелѣнію въ комитетъ министровъ всеподданнѣйшую записку кіевскаго

надѣленіи сельскаго духовенства землею, въ предоставленіи нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ дѣтямъ духовенства, окончившимъ курсъ въ семинаріяхъ и академіяхъ, и въ введеніи епископовъ въ государственный совѣтъ.

По волѣ Государя проектъ этотъ дозволено было сообщить только небольшому кружку лицъ, а именно: оберъ-прокурору Св. Синода графу А. П. Толстому, митрополитамъ Исидору и Филарету и протопресвитеру Бажанову, а затѣмъ разсмотрѣть въ особомъ комитетѣ подъ предсѣдательствомъ великаго князя Константина Николаевича.

Оберъ-прокуроръ Св. Синода графъ А. П. Толстой находилъ неудачнымъ проектъ о допущеніи епископовъ въ государственный совѣтъ; предполагая, что этотъ совѣтъ, пользуясь присутствіемъ епископовъ, будетъ рѣшать дѣла подлежащія вѣдѣнію Синода, и такимъобразомъ свѣтское управленіе еще болѣе простретъ свою власть надъ церковью. Митрополитъ Филаретъ отнесся также отрицательно къ предположенію о введеніи епископовъ въ государственный совѣтъ, въ видахъ могущаго произойти вслѣдствіе сего уменьшенія значенія Св. Синода и отвлеченія епископовъ изъ ихъ епархій. При этомъ митрополитъ Филаретъ указалъ, что еще на основаніи петровскихъ законовъ въ экстренныхъ случаяхъ возможны совмѣстныя конференціи Синода и государственнаго совѣта, безъ нарушенія независимости и цѣлости каждаго изъ нихъ [1]. Въ заключеніи своего мнѣнія митрополитъ Филаретъ высказалъ

генералъ-губернатора князя Васильчикова, заключавшую обзоръ положенія всего края, и въ статьѣ о православной церкви и духовенствѣ Государь отчеркнулъ слова: „въ тамошнемъ краѣ необходимо возвысить духовенство морально и матеріально“ и надписалъ: „обратить на этотъ важный предметъ особое вниманіе“.

Имѣя въ виду соображенія кіевскаго генералъ-губернатора объ улучшеніи быта духовенства юго-западнаго края, министръ внутреннихъ дѣлъ высказалъ въ 1861 году предположеніе, что православная церковь и православное духовенство не займутъ въ западномъ краѣ мѣста, соотвѣтствующаго ихъ достоинству, до тѣхъ поръ, пока въ самомъ средоточіи государства это же самое духовенство останется въ томъ положеніи и на томъ уровнѣ, на которомъ оно нынѣ находится. Дѣла присут по дѣл. прав. духов. № 2.

[1] Изъ письма митр. Филарета къ об.-прок Ахматову видно, что мнѣніе о пользѣ введенія членовъ духовенства въ государственный совѣтъ раздѣляли: митр. кіевскій Арсеній и епископъ полтавскій Іоаннъ. См. письма митр. Филарета, изд. епископа Саввы, ч II, стр. 138.

слѣдующее сужденіе: „можетъ быть не столько нужно то, чтобы епископъ засѣдалъ въ правительственномъ собраніи вельможъ, сколько то, чтобъ вельможи и благородные мужи чаще и усерднѣе, вмѣстѣ съ епископомъ, окружали алтарь Господень, украшая тѣмъ церковь и ея праздники, утѣшая своимъ общеніемъ и поощряя епископа, и подавали назидательный примѣръ народу, который довольно прилежно окружаетъ епископа въ праздники церковные“ [1].

По словамъ митрополита Филарета, государь императоръ Александръ Николаевичъ очень хотѣлъ возвысить православное духовенство и основная мысль министра внутреннихъ дѣлъ о созывѣ особаго комитета для дѣлъ православнаго духовенства, съ высочайшаго соизволенія, осуществилась лѣтомъ 1862 года въ томъ видѣ, что въ этотъ комитетъ, названый присутствіемъ, вошли: первенствующій членъ Синода митрополитъ Исидоръ, какъ предсѣдатель присутствія, наличные члены Св. Синода, а изъ свѣтскихъ: шефъ жандармовъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, министръ государственныхъ имуществъ, оберъ-прокуроръ Св. Синода и директоръ духовно-учебнаго управленія [2].

Открытіе этого присутствія однако замедлялось. Знакомство съ офиціальною и частною перепискою вліятельныхъ дѣятелей того времени убѣждаетъ въ томъ, что трудность задачи, выпадавшей присутствію, помимо ея сложности, усугублялась еще тѣмъ недовѣріемъ, которое существовало не только между свѣтскими и духовными лицами другъ къ другу, но и среди духовныхъ лицъ между собой. Этотъ болѣзненный симптомъ, тормозящій всякое государственное дѣло, заслуживаетъ на нашъ взглядъ особаго вниманія, и мы считаемъ умѣстнымъ привести изъ переписки наиболѣе выдающихся духовныхъ дѣятелей шестидесятыхъ годовъ, а именно, митрополитовъ: Филарета, Исидора и Арсенія нѣкоторыя выдержки, которыя выяснятъ намъ, въ чемъ именно и какъ выражалось это прискорбное недовѣріе между лицами призванными вершать важное государственное дѣло.

Такъ, по дѣлу устройства упомянутаго присутствія ми-

---

[1] Собр. мнѣн. и отзыв. митр. Филарета, т. V, ч. I, стр. 172—181.

[2] П. С. З., № 39481.

трополитъ Филаретъ въ письмѣ, отъ 3 декабря 1861 года, оберъ-прокурору Св. Синода графу А. П. Толстому сообщалъ: „мой отзывъ былъ и есть тотъ, что сіе можетъ быть полезно съ тѣмъ, чтобы комитетъ не касался предметовъ внутренняго устройства духовнаго званія, которое особенно нужно хранить отъ потрясенія, когда многое потрясено". Въ письмѣ, отъ 5 декабря 1861 года, министру внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуеву митрополитъ Филаретъ указывалъ, что приглашеніе въ комитетъ первенствующаго члена Синода едва ли удобно потому, что въ случаѣ изъявленія имъ своего мнѣнія въ комитетѣ и перехода дѣла въ Синодъ, здѣсь уже нельзя было бы исполнить закона о подаваніи голосовъ младшими прежде первенствующаго Наконецъ, въ отвѣтѣ митрополиту Исидору, отъ 24 декабря 1862 года, митрополитъ Филаретъ, оставляя официальный тонъ, выражался откровеннѣе и, между прочимъ, писалъ: „когда я прочиталъ въ вѣдомостяхъ о новомъ комитетѣ, мнѣ сомнительнымъ показалось, что въ него погруженъ весь Св. Синодъ. Если бы вступили въ него нѣсколько духовныхъ лицъ синодальныхъ и не синодальныхъ и если бы они сдѣлали уступки чужимъ мнѣніямъ, не вполнѣ благопріятнымъ церкви: былъ бы еще въ резервѣ Св. Синодъ для защиты церковныхъ пользъ Теперь вы будете сражаться, не имѣя за собою резерва. Господь да даруетъ вамъ крѣпость побѣдоносную. Полезно ли, что опубликовали комитетъ. Это возбудитъ ожиданія, которымъ едва ли можно надѣяться полнаго удовлетворенія, и уже возбуждаетъ разсужденія, выходящія изъ предѣловъ, которыя могутъ искушать самый комитетъ къ выступленію за предѣлы, ему постановленные. Церковь россійская съ заботою ожидаетъ отъ васъ предусмотрительности и твердости, чтобы постороннее вліяніе не простиралось на дѣла, существенно ей принадлежащія" [1].

Другія духовныя лица, наоборотъ, утѣшались мыслію,

[1] Собр. мнѣн. и отзыв. митр. Филарета, т V, стр. 172, 179, 359 Въ письмѣ къ об. прок. Св. Син. Ахматову, отъ 8 мая 1863 г., митрополитъ писалъ: „на насъ возлагаютъ дѣла, одно другого менѣе удобныя къ разумѣнію и исполненію. Вѣряютъ попеченіе объ улучшеніи быта духовенства. Но гдѣ средства? Указываемыя средства обѣщаютъ много труда и мало плода". „Руск. арх " 1890 года, № 11, стр. 353 и послѣд.

что Св. Синодъ введенъ цѣликомъ въ составъ присутствія, въ надеждѣ, что большинство всегда останется на его сторонѣ, что при такомъ составѣ присутствія менѣе можно ожидать ошибокъ, нежели при разсужденіи двухъ или трехъ членовъ, что расширеніе программы дѣятельности присутствія признано недопустимымъ, и, наконецъ, что всѣ вопросы будутъ предварительно обсуждаться въ домашнихъ собраніяхъ безъ свѣтскихъ членовъ. Но вмѣстѣ съ этими взглядами, выраженными въ оптимистическомъ тонѣ, слышенъ былъ ропотъ низшаго духовенства, будто духовное начальство не хочетъ позаботиться объ улучшеніи его состоянія. Свѣтскіе люди усиливали этотъ ропотъ, слагая всю вину въ медленности тоже на архіереевъ. Кромѣ того, въ обществѣ распространялось опасеніе, что возбужденныя надежды могутъ не исполниться по скудости государственныхъ финансовъ, при чемъ однако сдѣлался извѣстнымъ отзывъ министра финансовъ министру внутреннихъ дѣлъ, что для западнаго края деньги будутъ отпущены.

Всѣ эти недоразумѣнія и опасенія, проникавшія также и въ печать, а равно недовѣрчивое отношеніе къ людямъ, призваннымъ къ дѣлу, вызвали у митрополита Исидора подозрѣніе, что у свѣтскихъ есть какая-то задняя мысль, потому что въ газетахъ выраженіе: „гражданскія права духовенства“ замѣняютъ словами: „юридическія права духовенства“. „Нѣтъ никакого сомнѣнія (полагалъ митрополитъ Исидоръ), что свѣтскіе получаютъ внушенія отъ нашего бѣлаго духовенства, тяготящагося подчиненіемъ іерархической власти“ [1].

Кіевскій митрополитъ Арсеній въ своихъ письмахъ къ архіепископу костромскому Платону прямо заявлялъ: „мы живемъ въ вѣкъ жестокаго гоненія на вѣру и церковь подъ видомъ коварнаго объ нихъ попеченія“. Названный митрополитъ усматривалъ враговъ среди свѣтскихъ сановниковъ (называлъ министра народнаго просвѣщенія первымъ коноводомъ дурного прогресса), сомнѣвался въ возможности сдѣлать что-либо доброе при тогдашнемъ составѣ Синода, сѣтовалъ на то, что матеріальныя средства для улучшенія быта доховенства надо „измыслить изъ своего, какъ гово-

[1] Собран. мнѣн и отзыв митропол. Филарета, т. V стр 359 и 360.

рили древніе греки, чрева", боялся возвышенія бѣлаго духовенства, печалился объ угнетенномъ положеніи архіереевъ, указывалъ на безличность и безгласность тѣхъ изъ нихъ, которые призывались въ Синодъ, и наконецъ, усматривалъ въ проектированныхъ приходскихъ совѣтахъ ихъ будто бы нѣмецко-лютеранскій характеръ и опасался преобладанія церковной общины надъ духовенствомъ [1]. Такой же пессимистическій взглядъ на задачи присутствія высказывалъ А. Н. Муравьевъ въ своемъ письмѣ отъ 23 мая 1863 года митрополиту Филарету. Названное присутствіе являлось въ глазахъ А. Н. Муравьева нѣмецкимъ „кирхенъгерихтомъ" и онъ взывалъ къ митрополиту о защитѣ церкви [2].

Одинъ Государь твердо вѣрилъ въ необходимость предпринимаемой реформы, торопилъ съ этимъ дѣломъ и приказалъ всѣ постановленія присутствія представлять на свое усмотрѣніе. 17 января 1863 года учрежденное присутствіе сдѣлало свое первое распоряженіе. Оно постановило: 1) истребовать чрезъ мѣстныхъ архіереевъ свѣдѣнія о способахъ улучшенія быта духовенства отъ самого духовенства, 2) составить и разослать программы для облегченія и руководства священниковъ въ представленіи этихъ свѣдѣній и 3) изложить главнѣйшіе вопросы, вытекающіе изъ Высочайшаго повелѣнія, долженствующіе служить основаніемъ для самой программы. Для начертанія этой программы Государь назначилъ 2-хъ недѣльный срокъ и затребованныя свѣдѣнія приказалъ доставить не позже 1 іюня 1863 г., а для изложенія присутствіемъ сущности подлежавшихъ его обсужденію вопросовъ опредѣлилъ срокъ двухмѣсячный. „Я вездѣ назначилъ сроки", собственноручно написалъ Государь „дабы дѣло подвигалось дѣйствительно, а не протягивалось, какъ оно у насъ часто бываетъ, однимъ отписываніемъ" [3].

---

[1] Письма кіевск. митроп. Арсенія Москвина къ архіепископ. костромскому Платону. „Рус. арх" 1892 года, кн. II, стр. 200 и послѣд. См. письма за № 9—18, 23, 27, 28, 29, 30, 35, 38—40.

[2] Письма къ митр. Филарету, изд Львова, 1900 г, стр. 298. Какъ извѣстно, оберъ-прокуроръ Св. Синода Ахматовъ, боясь возбужденія въ обществѣ неосуществимыхъ надеждъ, также не хотѣлъ „чтобы высочайшая воля объ учрежденіи комитета была обнародована".

[3] См. біографію импер. Александра II въ Рус. біограф. слов. подъ рубрикою: „церковь", стр. 734. См критическіе отзывы о дѣйствіяхъ присутствія въ газетѣ „День", 1863 г., № 4, 17, и 1864 г., № 7.

Составленная за симъ программа для собранія свѣдѣній заключала въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: 1) о расширеніи средствъ матеріальнаго обезпеченія приходскаго духовенства, 2) объ увеличеніи духовенству личныхъ гражданскихъ правъ и преимуществъ, 3) объ открытіи дѣтямъ духовенства путей для обезпеченія своего состоянія на всѣхъ поприщахъ гражданской дѣятельности и 4) объ открытіи духовенству способовъ ближайшаго участія въ приходскихъ и сельскихъ училищахъ. Только по первому и по четвертому пунктамъ потребованы мнѣнія самихъ священниковъ, а существенную и обширную сторону быта духовенства предоставлено было выяснить лично архіереямъ.

Какъ извѣстно, для успѣшнаго разрѣшенія намѣченнаго вопроса о способахъ обезпеченія духовенства, по постановленію присутствія, отъ 24 апрѣля 1863 года (а также 14 іюля того же года), были образованы въ помощь высшему правительству губернскія присутствія смѣшаннаго состава изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, и эти присутствія могли приглашать и другихъ свѣдущихъ людей на совѣщанія. Такимъ образомъ, это важное дѣло,—возбужденіе котораго составляетъ эпоху въ нашемъ духовно-общественномъ управленіи,—изъ малочисленнаго собранія членовъ Синода и нѣсколькихъ государственныхъ сановниковъ, весьма скоро перенеслось въ кругъ дѣятельности всего православнаго общества и сдѣлалась предметомъ самыхъ разнообразныхъ толковъ и сужденій

Обращеніе правительства къ общественнымъ силамъ за помощью для разрѣшенія важнѣйшихъ законодательныхъ проектовъ составляетъ отличительную черту въ правительственной дѣятельности первой половины царствованія императора Александра II, и, какъ извѣстно, этотъ пріемъ имѣлъ самыя благотворныя послѣдствія въ законодательномъ дѣлѣ по освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Хотя и по церковно-общественному дѣлу правительство, какъ было указано выше, прибѣгло къ тому же способу, вызывая чрезъ губернскія присутствія общественныя силы къ оказанію содѣйствія въ разрѣшеніи церковно-общественныхъ вопросовъ, но, къ сожалѣнію, этотъ путь не былъ пройденъ до конца, какъ въ крестьянскомъ дѣлѣ, и составъ особаго присутствія не былъ оживленъ притокомъ мѣстныхъ

общественныхъ дѣятелей, какъ это было при учрежденіи редакціонныхъ комиссій въ составѣ крестьянскаго комитета.

Поставленные правительствомъ вопросы затрогивали въ сущности весь бытъ духовенства, не только съ матеріальной стороны, но и со стороны его правъ, а также касались взаимныхъ отношеній духовенства и мірянъ.

Мы отклоняемъ отъ себя задачу: представить систематическую оцѣнку всей дѣятельности особаго присутствія, въ цѣломъ ея объемѣ, продолжавшейся слишкомъ 20 лѣтъ (1863—1885), такъ какъ для выполненія этой задачи необходимо предварительно ознакомиться съ обширнымъ архивомъ присутствія, а этотъ архивъ, хранящійся въ Св. Синодѣ, остается и по нынѣ въ неразработанномъ видѣ. Въ настоящей статьѣ мы остановимъ вниманіе только на нѣкоторыхъ мѣропріятіяхъ названнаго присутствія, которыя всего болѣе затрогивали церковно-общественные интересы, а теперь ограничимся лишь нѣсколькими замѣчаніями, общаго характера, относительно успѣшности выполненія присутствіемъ возложенной на него задачи.

Самая основная работа присутствія, касавшаяся матеріальнаго обезпеченія православнаго приходскаго духовенства, исполнена была неудовлетворительно, такъ какъ учрежденныя, также и въ видахъ сего обезпеченія, церковно-приходскія попечительства оказались для сего совершенно непригодными, а предпринятая присутствіемъ другая мѣра—сокращеніе приходовъ—явилась мѣрой даже вредной и колеблющей правильную и мирную жизнь православныхъ церковныхъ общинъ [1]. По второму и третьему вопросу—о пра-

[1] По вопросу о матеріальномъ обезпеченіи православнаго духовенства накопился цѣнный матеріалъ въ синодальномъ архивѣ, состоящій изъ донесеній мѣстныхъ преосвященныхъ и губернскихъ присутствій. Въ этихъ донесеніяхъ содержатся подробныя свѣдѣнія о состояніи нашихъ православныхъ приходовъ, обычаевъ, регулирующихъ отношенія духовенства къ прихожанамъ, и высказывается нерѣдко мысль о необходимости возбужденія общественной иниціативы въ церковно-приходскихъ дѣлахъ Такъ, напримѣръ, въ донесеніи Вятскаго губернскаго присутствія, между прочимъ, упоминается о слѣдующемъ обычаѣ, существующемъ въ Вятской епархіи: „прихожанинъ, дающій ругу, считаетъ вообще дома духовенства такимъ мѣстомъ, гдѣ онъ, пріѣзжая въ село, имѣетъ право во всякое время остановиться и требовать себѣ

вахъ и преимуществахъ духовенства и ихъ дѣтей — присутствіе выработало законопроектъ о преобразованіи гражданскаго положенія духовенства, каковой законопроектъ удостоился высочайшаго утвержденія 26 мая 1869 года, но при этомъ надлежитъ замѣтить, что важная реформа въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ (уставы 1867—1869 годовъ), призвавшая духовенство къ участію въ ихъ благоустройствѣ, была совершена не присутствіемъ, а другими, синодальными комитетами. Наконецъ, что касается до четвертаго вопроса объ отношеніи духовенства къ дѣлу начальнаго народнаго образованія, то, какъ извѣстно, рѣшеніе этого вопроса послѣдовало значительно позже, именно въ царствованіе императора Александра III.

VII.

Сужденія въ литературѣ и журналистикѣ по вопросу объ улучшеніи церковно-общественныхъ дѣлъ.

Представивъ краткія данныя о началѣ законодательныхъ работъ, касавшихся преобразованій въ церковно-гражданской области, мы должны остановить вниманіе на томъ движеніи въ литературѣ и журналистикѣ, которое было вызвано правительственнымъ починомъ 1862 года объ улучшеніи церковно-общественныхъ дѣлъ.

Отклонивъ отъ себя задачу составленія подробнаго историческаго очерка дѣятельности особаго присутствія, мы равнымъ образомъ отклоняемъ отъ себя и непосильную задачу: представить въ систематическомъ изложеніи весь литературный и журнальный матеріалъ, относящійся до указаннаго предмета. Мы лишь въ самыхъ сжатыхъ чертахъ постараемся набросать картину литературнаго движенія по

пищи и питья; и это совершенно неизбѣжно для духовенства въ тѣхъ селахъ, гдѣ, кромѣ домовъ духовенства, нѣтъ другихъ домовъ обывательскихъ, а такихъ селъ въ Вятской епархіи весьма много. Такимъ образомъ значительная часть сборовъ расходуется духовенствомъ на самихъ прихожанъ.

Въ донесеніи Вятскаго преосвященнаго Агаѳангела (Соловьева) содержатся важныя указанія о лучшемъ обезпеченіи въ Россіи со стороны казны римско-католическаго и даже магометанскаго духовенства, нежели православнаго („Дѣло присутствія по соображеніямъ объ улучшеніи быта духовенства епархіи Вятской“, № 28).

церковно-общественнымъ вопросамъ и, выдвинувъ на первый планъ самые существенные изъ нихъ, коснемся только наиболѣе выдающихся (по нашему мнѣнію) сочиненій, статей и замѣтокъ. Предварительно лишь укажемъ, что въ литературѣ и журналистикѣ шестидесятыхъ годовъ была безбоязненно затронута вся система церковнаго управленія и обращено было вниманіе не только на улучшеніе матеріальнаго быта духовенства, но и на его образованіе и воспитаніе, на его отношеніе къ высшей іерархической власти и мірянамъ, на его сословное положеніе среди другихъ классовъ общества, и на его участіе въ дѣлѣ народнаго образованія. Обзоръ этихъ статей и сочиненій мы представимъ подъ четырьмя рубриками: I) матеріальное улучшеніе быта духовенства, II) преобразованіе духовныхъ училищъ; III) духовное управленіе и администрація и IV) сословное положеніе духовенства и расширеніе его личныхъ, семейныхъ и гражданскихъ правъ.

I. Матеріальное улучшеніе быта духовенства.

Главнымъ условіемъ улучшенія быта духовенства является несомнѣнно прочное обезпеченіе его средствъ къ существованію. Со времени обращенія высшимъ правительствомъ вниманія на это дѣло, въ свѣтской и духовной журналистикѣ стали во множествѣ появляться статьи и замѣтки по этому животрепещущему вопросу. Изъ числа этихъ статей и замѣтокъ наибольшее количество принадлежитъ духовнымъ лицамъ, которыя, какъ извѣстно, уполномочены были присутствіемъ давать свое мнѣніе только объ этой сторонѣ ихъ быта. Почти все духовенство, какъ въ своихъ статьяхъ и замѣткахъ, такъ и въ офиціальныхъ сообщеніяхъ на имя губернскихъ присутствій, высказывало свое желаніе о поступленіи на казенное содержаніе. Такое желаніе представлялось весьма понятнымъ, если принять во вниманіе полное неустройство приходской жизни и стоящее въ тѣсной связи съ такимъ неустройствомъ унизительное для духовенства собираніе, или правильнѣе сказать выколачиваніе доходовъ за требоисправленіе. Но въ этомъ желаніи нельзя было видѣть одно только эгоистическое соблюденіе священниками своихъ интересовъ.

Читая въ различныхъ журналахъ „корреспонденціи“ священниковъ, мы видимъ, что всѣ они болѣе или менѣе сознательно выходили изъ того соображенія, что плата за требы чрезвычайно запутываетъ ихъ отношенія къ прихожанамъ и стоитъ непобѣдимою преградою для нравственнаго вліянія ихъ на приходъ, что народъ нашъ крайне бѣденъ, на него упало множество повинностей и расходовъ. которые онъ едва въ состояніи покрыть, а потому расходы на содержаніе причта будутъ для него обременительны. Заявляя это желаніе, духовенство увѣряло, что при казенномъ содержаніи оно будетъ имѣть возможность свободно предаться своему служенію, стѣсняемому теперь хозяйственными заботами и занятіями и еще болѣе торгомъ съ прихожанами. Несомнѣнно перспектива поступленія на казенное содержаніе, съ его регулярностью, столь выгодно отражающейся на всякомъ хозяйственномъ бюджетѣ, должна была казаться нашему духовенству, отрѣзанному отъ общества и народа, лучшимъ исходомъ изъ его матеріальныхъ невзгодъ и затрудненій.

Только немногіе изъ лицъ духовнаго класса требовали, чтобы все содержаніе священника было предоставлено исключительно приходу, безъ всякаго вмѣшательства въ это дѣло государства Изъ духовныхъ журналовъ за содержаніе духовенства отъ прихода особенно стояло „Православное Обозрѣніе“ (см. январь, 1862 г., „къ вопросу объ улучшеніи въ бытѣ духовенства“ Троицкаго) Въ статьѣ „церковно-финансовый вопросъ“, помѣщенной въ томъ же журналѣ (апрѣль, 1862 года), авторъ этой выдающейся для того времени статьи прямо высказывалъ опасеніе, что при полученіи священникомъ жалованья отъ правительства онъ можетъ превратиться въ своемъ приходѣ въ чиновника, и такимъ способомъ возникло бы обязательное и зависимое отношеніе церкви къ государству, чего въ древности для взаимнаго ихъ благополученія не было. Въ томъ же журналѣ, въ статьѣ „по поводу толковъ объ улучшеніи быта духовенства“ (апрѣль 1863 г.) выражено было. что жалованье отъ правительства еще болѣе закрѣпило бы сословность духовенства (въ видѣ крѣпчайшей перегородки отъ прихода) и сдѣлало бы его корпораціей, состоящей на службѣ у правительства и отторгнутой отъ народа, тогда

какъ надлежитъ для общаго блага сдѣлать эти отношенія свободными и жизненными и удалить всякое недовѣріе паствы къ пастырю, каковое недовѣріе является смертоноснымъ для истинныхъ интересовъ пастырскаго служенія.

Свѣтская журналистика, и во главѣ ея газета „День“ и „Московскія Вѣдомости“, стояла горячо и стойко за независимое отъ казны содержаніе духовенства [1]. „День“ въ

---

[1] „День“—1862 г., № 45 и 50; 1863 г., № 13, 17, 19 и 27 „Москов. Вѣдом“ 1863 г., № 17, 116, 130; 1864 г., № 30. См. также: „Голосъ“ 1863 г., № 105, 150, 275, 327. „С.-Петерб. Вѣд“ 1863 г., № 135 и 1864 г., № 100; „Современный листокъ“ 1863 г., № 2, 9, 14, 33; 1864 г., № 41, 42, 68, 71; 1865 г., № 56. и др. Изъ статей свѣт. журналовъ по вопросу объ улучшеніи быта духовенства укажемъ на статьи „Русск. Вѣстн.“ 1863 г., т. XLVII, стр. 479—481, и т. XLVIII, стр 503—506, „Отечест. Записки“ 1862 г., № 7 и 8. „О нѣкот. улучш. въ духовн. вѣдомст“ Изъ статей духовныхъ журналовъ, кромѣ „Прав. обозрѣн.“, по этому вопросу укажемъ. 1) „Воскресн Чтеніе“ 1863 г., № 20 и 21, „Наше духовенство какъ сословіе въ отношеніи къ прочимъ сословіямъ общества; 2) „Духъ Христ.“ 1863 г. (февраль) „къ вопросу объ улучшеніи быта православ. духовенства“ Ткачева; іюнь „письма о духовенствѣ“ свящ. Свирѣлина (стоитъ за жалованье священникамъ отъ правительства и отъ прихода); ноябрь: „косвенныя средства для улучш. матер. быта прав. духовенства“ діакона Рубинова, 1864 г., май и іюнь: „по вопросу объ улучш быта русскаго приходскаго духовенства“, свящ. Покровскаго; 3) „Руководство для сельскихъ пастырей“ 1863 г., №№ 11, 16, 17, 21, 23, 24, 25, 26, 28, 30, 32 („Русское бѣлое духовенство какъ сословіе“); 1864 г., №№ 1, 2, 5, 13, 4) „Странникъ“ 1863 г., т. I. „О способахъ содержанія духовенства“ (свящ Матвѣевскаго) и въ т III ст. свящ. Остромысленскаго „Обозрѣніе источниковъ и средствъ къ улучш. быта сельскаго духовенства (сент.); 1865 г. т. IV, „Мысли объ улучш быта духовенства“ арх. Анатолія; 5) „Духовн. Вѣстникъ“ 1862 г., т. III, „къ вопросу объ улучшеніяхъ въ быту духовенства, свящ. Лащенкова; 1863 г., т. V, „Замѣтки по вопросу объ улучш. въ бытѣ духовенства“ свящ. Ѳеодоровича; „Откуда можно заимствовать сумму для жалованья духовенству“ свящ. Чижевскаго; т. VI, „Къ вопросу объ улучш. матер. быта приходскаго духовенства“ свящ. Агнивцева. 1864 г., т. VII, „Вопросъ объ улучш. быта духовенства“ свящ. Красовскаго“; По поводу статей свящ. Чижевскаго, т VIII, „Нѣсколько словъ по предмету улучш быта духовенства; 1865 г. т. X, „По вопросу объ улучш. быта духовенства“; т. XI, „Къ вопросу о содержаніи приходскаго духовенства“ свящ. Красовскаго; т. XII, „Современное положеніе вопроса объ улучш. матер. быта православ. духовенства“; 6) „Христ. Чтеніе“ 1864 г., № 144, „Къ вопросу объ улучш. быта православн. духовенства. Въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ за время 1863 и 1864 годовъ помѣщено весьма много статей по вопросу о матеріальномъ обезпеченіи православнаго духовенства. От-

особенности защищалъ независимость церкви; онъ указывалъ на примѣръ древне-русской церкви, которая, существуя средствами не правительственными, имѣла всю силу надъ народомъ и пользовалась всеобщимъ, заслуженнымъ уваженіемъ и искреннею преданностью и правительства, и народа. Народъ, видя въ священникѣ своего домашняго человѣка, служащаго его пользамъ душевнымъ, шелъ бы къ нему со всею искренностью. Если въ настоящее время говорятъ, что народное содержаніе не обезпечиваетъ быта священника, то это потому, что до сихъ поръ между священникомъ и народомъ лежало множество условій, препятствующихъ ихъ искреннимъ взаимнымъ отношеніямъ [1].

мѣтимъ нѣкоторыя изъ нихъ. Калужскія епарх. вѣд 1863 г., № 4, 12. 14. („О содержаніи духовенства отъ сборовъ за требы“) „Кіевскія епарх вѣд “—1863 г, № 7, 8, 10, 14, 19, „Объ улучшеніи быта духовенства“, гдѣ представлены статистическія данныя, что въ Россіи одно лицо духовнаго сословія приходится на 85 человѣкъ, а одинъ священникъ на 1365 человѣкъ. Въ № 23 помѣщена статья „О содержаніи городского духовенства, 1864 г., № 16; 1865 г, № 3, „О движеніи и развитіи съ 1864 года вопроса объ улучшеніи быта духовенства“ „Подольскія епарх вѣд.“ 1863 г, № 10, 12, 14, 16, 17, „Объ обезпеченіи матеріальнаго быта духовенства“, 1864 г, № 5, 7, 11. „Полтавскія епарх. вѣд.“ 1863 г, № 10 и 11 „Объ улучш. быта духовенства“, гдѣ авторъ высказывалъ мнѣніе о пользѣ для духовенства владѣнія именно землею, цѣнность которой постоянно возрастаетъ. Въ № 14 помѣщена статья „Голосъ изъ села о средствахъ къ улучшенію быта духовенства. „Тульскія епарх. вѣд.“ 1863 г., № 8. 9, 11, 12, 13, 15, 16, 18, 19, „Замѣтки объ улучшеніи быта духовенства“; 1864 г., № 14, 16, 20 „Херсонскія епарх. вѣд.“, № 21, „Объ улучшеніи быта духовенства“, см также № 10 „Черниговскія епарх. вѣд.“ 1864 г, № 7, „О фундушевыхъ средствахъ обезпеченія духовенства“.

[1] Надо замѣтить, что вообще въ статьяхъ Аксаковскаго „Дня“ проводилось то начало, что развитіе духовной жизни нашего народа должно быть свободно, по долгу совѣсти, въ духѣ православной церкви, которая должна пользоваться присущей ей независимостью“. „Пора перестать думать (писали въ газетѣ „День“ въ 1863 г., № 31), что свѣтскому обществу нѣтъ никакого дѣла до духовенства, а духовенству—до свѣтскаго общества. Нельзя считать духовные интересы чѣмъ то совершенно чуждымъ людямъ свѣтскимъ и нельзя имъ ограничивать свои отношенія одною формальною стороною Несомнѣнно что общество, чуждающееся религіозныхъ интересовъ развивается крайне односторонимъ образомъ, живетъ не полною жизнью и все болѣе и болѣе погружается въ заботы объ одномъ матеріальномъ благосостояніи“ („День“, 1865 г., № 51 и 52). „Нашъ русскій мыслящій классъ“ (говорилось въ замѣчательной статьѣ „Дня“, за 1865 г., № 1, „о движеніи ре-

Въ іюньской книжкѣ „Трудовъ кіевской духовной академіи“ за 1863 годъ помѣщена статья подъ заглавіемъ „Замѣтки“, въ которой сдѣлана мастерская характеристика упомянутыхъ выше взглядовъ о независимомъ отъ казны содержаніи духовенства. Сторонники этого направленія (говорится въ этой статьѣ) представляли то основаніе, что религія есть внутренняя, живая, а не внѣшняя, формальная сила;—чтобы выполнить свою задачу, она требуетъ внутреннихъ, свободныхъ отношеній между прихожаниномъ и священникомъ, и исключаетъ офиціальность и обязательность, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ. Съ официализмомъ теряется животворный духъ религіи и остается одна форма ея: священникъ совершаетъ служеніе, требу, говоритъ проповѣдь только изъ формы; въ свою очередь и прихожанинъ обращается къ его служенію только тогда и настолько, когда и насколько требуетъ того формальная сторона религіи;—однимъ словомъ, религія дѣлается тогда мертвою, духовенство—чиновничествомъ. Это состояніе именно ожидаетъ у насъ религію, когда духовенство будетъ получать содержаніе отъ государства, правительства. Отъ кого плата, тому и служба — законъ естественный и непобѣдимый. Духовенство, живя на жалованьи отъ правительства, будетъ и служить настолько, насколько требуетъ того правительство. Правительству же нужна и доступна только формальная сторона священнослуженія, ему необходимы въ данныхъ случаяхъ исправныя метрики, въ которыхъ точно и ясно было бы вписано: кто и когда родился, крещенъ, вступилъ въ бракъ, умеръ, кто были свидѣтелями всего этого—нужно религіозное знамя на нѣкоторыхъ учрежденіяхъ, которыя и должны быть освящены богослуженіемъ,—нужна, наконецъ,

---

лигіозной мысли образованнаго класса въ Россіи“) „еще не жилъ вполнѣ сознательно религіозною жизнью. У насъ, въ свѣтскомъ обществѣ, образованные люди раздѣляются или на безотчетно преданныхъ православію, или на безусловныхъ отрицателей съ полнымъ безучастіемъ къ религіознымъ вопросамъ. Религіозное невѣжество нашихъ образованныхъ классовъ поразительно, только въ религіозной сферѣ нашъ образованный классъ остается неразвитымъ попрежнему; въ одной этой области историческими обстоятельствами задержано его развитіе. Въ религіозной области нашъ простой народъ трудился одинъ. Надо потрудиться теперь образованному классу“.

религія, какъ средство для проведенія въ извѣстные классы государства, инстинктивно преданные ему, извѣстныхъ внушеній и настроеній".

„Правительственный законъ не можетъ идти дальше внѣшняго формальнаго исполненія обязанности, онъ не можетъ создать изъ священника ничего другого, кромѣ чиновника, потому что ему не доступны внутреннія, свободныя расположенія. Съ своей стороны и священникъ не будетъ имѣть никакихъ живыхъ и настоятельныхъ побужденій служить народу со всѣмъ усердіемъ и совѣстью; онъ получаетъ жалованье, которое равно придетъ къ нему, будетъ ли онъ съ глубокимъ внутреннимъ расположеніемъ, или только формально, отправлять свою службу. Равнымъ образомъ и народъ, не имѣя никакой видимой связи съ священникомъ,—кромѣ побужденій религіозныхъ, отвлеченныхъ на первый разъ, которыя дѣлаются дѣйствительными и жизненными мотивами только при посредствѣ долгаго внутренняго отношенія къ религіи,—будетъ относиться къ нему холодно, какъ къ человѣку стороннему, связанному съ далекой отъ него сферой. Прибѣгать къ обряду народъ будетъ какъ къ видимому государственному обязательству, напоминаніемъ котораго стоитъ священникъ, но къ духовной помощи священника, вызываемой свободнымъ расположеніемъ, весьма рѣдко, а можетъ и никогда. Всего этого, не было бы и все служеніе священника возникло бы изъ внутреннихъ, живыхъ расположеній, если бы духовенство получало содержаніе отъ народа, по свободному уговору съ нимъ. Священникъ привязанъ былъ бы тогда къ народу, своему приходу, самою чувствительною стороною, видѣлъ бы, что его служеніе—внутренняя необходимость народная, которой онъ долженъ быть преданъ всецѣло и исключительно. Такъ какъ содержаніе его основывалось бы на свободномъ договорѣ, то его служеніе было бы во всякое время подъ контролемъ этого договора;—расположеніе, усердіе, способности имѣли бы предъ собою всегдашнее возбужденіе и поддержку. При этомъ духовенство, не стѣсняемое никакими обязательными требованіями государства, такъ какъ оно ему ничѣмъ не обязано, было бы независимо въ своей дѣятельности, свободно и широко развивало бы интересы религіи, ограждая въ тоже время

церковь отъ примѣси политическихъ видовъ, чисто правительственныхъ, случайныхъ интересовъ".

Мы нарочно привели подробныя соображенія о необходимости полученія священниками содержанія отъ прихода, а не изъ средствъ казны, такъ какъ въ этомъ мнѣніи, которое по фискальнымъ интересамъ отчасти раздѣлило и правительство, выразилось съ особенною яркостью стремленіе нашего общества сохранить за церковью столь свойственное ей независимое положеніе. Не упуская однако изъ вида, что вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи православнаго духовенства остается и по настоящее время безъ удовлетворительнаго разрѣшенія, намъ кажутся заслуживающими полнаго вниманія и соображенія вышеупомянутаго автора, который полагаетъ, что содержаніе приходскаго духовенства должно падать, какъ на общество, такъ и на казну.

„Наилучшій и единственно вѣрный контроль въ этомъ дѣлѣ (говоритъ названный авторъ)—совѣсть и религіозное чувство священника, а этотъ контроль не условливается ни жалованьемъ отъ государства, ни содержаніемъ отъ народа, а устанавливается развѣ воспитаніемъ и образованіемъ. Нѣтъ никакой необходимости и смысла въ подчиненіи христіанской церкви государству; если же она оказывается часто въ этой зависимости, то только въ такомъ государствѣ, въ которомъ нравственныя начала не получили еще преимущества надъ грубою матеріальною силою. Церковь должна быть независима, и независимость эта, опираясь на своихъ исключительныхъ предметахъ, въ гражданскомъ быту оправдывается тѣмъ, что эти предметы никогда не могутъ противорѣчить здравымъ требованіямъ этого быта, а напротивъ развиваютъ и возвышаютъ ихъ". Авторъ полагаетъ, что наше духовенство понимаетъ, къ чему привела у насъ религію зависимость политическая, и указываетъ, что формализмъ служенія претитъ нашему духовенству. Находя опасенія сторонниковъ обезпеченія духовенства отъ прихода отчасти справедливыми, авторъ указываетъ, что такія же опасенія могутъ возникать при исключительномъ содержаніи духовенства на средства народа. Хороша ли будетъ эта исключительная зависимость отъ народа, спрашиваетъ авторъ. „То что говорятъ священники

въ своихъ корреспонденціяхъ о личныхъ претензіяхъ къ нимъ прихожанъ, проистекающихъ вслѣдствіе матеріальныхъ приношеній, о требованіи ими угодничества, ласкательства, потачки порокамъ, можетъ развиться и въ цѣломъ православномъ обществѣ, только съ болѣе, повидимому, разумными основаніями и видами,—и церковь должна будетъ подчиняться всѣмъ случайнымъ, временнымъ направленіямъ и колебаніямъ народной воли. Церковь, по существу своему, не есть религія національная; говоря общепонятнымъ языкомъ,—она есть достояніе общечеловѣческое. Она должна пользоваться національностью, какъ средствомъ, а не дѣлать ее цѣлью Она должна, какъ можно ближе стать къ народному положенію, чтобы вполнѣ понять и руководить внутренними, свободными стремленіями народа, но въ этомъ состояніи она должна быть совершенно свободной въ своихъ цѣляхъ и задачахъ, и не быть принужденною только развивать и поощрять всякія народныя стремленія, которыя могутъ быть только временными, односторонними и чуждыми религіи, могутъ даже противорѣчить религіознымъ началамъ. Итакъ, церковь не должна быть, ни въ исключительной зависимости отъ государства, ни въ исключительной зависимости отъ народа. Вообще—она чуждается партій; она въ своихъ началахъ и задачахъ видитъ святое единство и изъ этого единства развиваетъ свои отношенія. Изъ этого видно, что мы (говоритъ авторъ) вовсе не мечтаемъ объ абсолютной независимости церкви, совершенной безконтрольности ея во всей ея дѣятельности,—мы желаемъ для ней связи съ народомъ вообще, понимая въ немъ и правительство, и общество, и такъ называемый народъ вмѣстѣ, и отрицаемъ зависимость исключительно отъ одной стороны Вслѣдствіе сего, мы не признаемъ пользы для церкви, какъ въ исключительномъ содержаніи духовенства правительствомъ, такъ и въ исключительномъ содержаніи его народомъ. Мы желали бы, чтобы та и другая сторона,—если онѣ равно признаютъ для себя церковь необходимою,—соединились въ средствахъ содержанія духовенства“.

Какъ практически осуществить это соединеніе платежныхъ средствъ казны и народа по отношенію къ содержанію духовенства, авторъ не пояснилъ, но приведенныя выше

мысли его по этому предмету нашли себѣ большое сочувствіе среди современниковъ [1].

Весьма важно въ заключеніи этого отдѣла отмѣтить, что вопросомъ объ улучшеніи быта духовенства и его отношеній къ прихожанамъ занялись и наши земскія собранія. Такъ напримѣръ, въ засѣданіи С.-Петербургскаго уѣзднаго земскаго собранія 7 сентября 1865 года баронъ П. Л. Корфъ возбудилъ вниманіе къ положенію православнаго духовенства Признавая духовенство главнѣйшимъ органомъ нравственно-религіознаго образованія для народа, онъ указалъ на сравнительное положеніе православнаго и лютеранскаго духовенства въ Петербургскомъ уѣздѣ, гдѣ свыше половины населенія принадлежитъ къ лютеранской церкви. Въ положеніи этихъ двухъ духовенствъ замѣчается рѣзкое различіе. Лютеранское духовенство находится въ прекрасномъ, можно сказать, изобильномъ положеніи, а православное духовенство,—должно къ несчастію сознаться,—въ нищенствѣ. Смотря на этотъ вопросъ съ общей государственной точки зрѣнія, представляется несообразнымъ, чтобы духовенство господствующей церкви оставалось въ указанномъ положеніи относительно духовенства церкви терпимой. Слѣдствія такого порядка вещей отражаются неизбѣжно и на бытовой сторонѣ массы православнаго населенія, живущаго среди лютеранъ, что уже прямо переходитъ въ область возложенныхъ на земство заботъ. Лютеранское духовенство, вполнѣ обезпеченное въ своихъ средствахъ, можетъ заниматься и дѣйствительно занимается исправленіемъ нравственности своихъ прихожанъ и распространеніемъ образованія; православное духовенство— среди заботъ о насущномъ пропитаніи — не можетъ этого дѣлать и дѣйствительно не дѣлаетъ. О средствахъ, которыми располагаетъ лютеранское духовенство баронъ Корфъ отказался сообщить даже въ общихъ чертахъ, потому что въ каждой мѣстности они различны, но онъ представилъ собранію сколько сходитъ съ крестьянскаго двора въ пользу лютеранскаго духовенства въ финляндской мѣстности, гдѣ

---

[1] Эти мысли раздѣлялись, между прочимъ, журналами: „Христ. Чтен.“ (1869 г. № 155 „соврем. обозр.“ и „Дух. Христ.“ 1863 г., ноябрь „духовн. журналистика“).

онъ живетъ. Тамъ лютеранское духовенство владѣетъ огромными землями и подобно православному получаетъ съ прихожанъ за исполненіе требъ. Кромѣ того, пасторъ получаетъ: отъ каждаго домохозяина одинъ рабочій день, или по оцѣнкѣ 30 коп. сереб, и сельскихъ продуктовъ натурою, или по оцѣнкѣ 3 руб. 92 коп. Независимо отъ сего, низшимъ церковнымъ служителямъ (кистеру, звонарю и друг.) выдается съ каждаго крестьянскаго двора по 5 руб. 32 коп. Признаетъ ли собраніе (спрашивалъ баронъ Корфъ) справедливымъ подобный налогъ на крестьянъ въ пользу духовенства. Правда онъ существуетъ какъ налогъ добровольный, онъ поддерживается единственно тѣмъ высокимъ нравственнымъ уваженіемъ, которое лютеранская паства сохраняетъ къ своему пастору, но во всякомъ случаѣ едва ли онъ долженъ существовать. Духовенство есть необходимый, особенно важный элементъ въ земствѣ, и потому содержаніе его, какъ выполненіе многихъ другихъ настоятельныхъ потребностей земства, должно лежать на самомъ земствѣ. Само собою разумѣется (полагалъ баронъ Корфъ), что тяжесть, падающая на земство по содержанію духовенства, не должна быть обременительна. Баронъ Корфъ не счелъ возможнымъ разбирать въ подробностяхъ размѣры и способы покрытія издержекъ по содержанію духовенства, по отсутствію данныхъ; но заявилъ о необходимости поручить разработку этого вопроса управѣ, или особой комиссіи, съ тѣмъ, чтобы при передачѣ на земскій счетъ содержанія мѣстнаго духовенства, положеніе лютеранскаго духовенства не было ухудшено, а положеніе православнаго духовенства, напротивъ, соразмѣрно бы улучшилось. Собраніе нашло нужнымъ передать этотъ вопросъ на обсужденіе губернскаго собранія [1].

---

[1] „С.-Петерб. Вѣдом.“, 1865 г., № 234. Весьма характерные укоры сдѣланы однимъ русскимъ лютераниномъ въ журналѣ „Радуга“ (1865 г., мартъ) русскому обществу по поводу нищенскаго содержанія православнаго духовенства. „У насъ, лютеранъ, главная забота составляетъ, чтобы не нуждались наши духовные, и мы никогда вообразить себѣ не можемъ, чтобы они могли дойти до такого скорбнаго состоянія, какъ духовенство православное“. Далѣе онъ указывалъ, что православные одни въ цѣломъ свѣтѣ отличаются неуваженіемъ къ своему духовенству. О бѣдности русскаго духовенство по сравненію съ матеріальнымъ достаткамъ духовенства другихъ вѣроисповѣданій, см. стат. Щербины „народная грамотность“, № 6 „Рус. Вѣст.“, 1853 годъ.

Упомянемъ, что вопросъ объ обезпеченіи духовенства земскими средствами возникъ одновременно и въ Московскомъ губернскомъ собраніи. 7 октября 1865 года П. С. Арсеньевъ, между прочимъ, говорилъ: „послѣ 19 февраля положеніе духовенства стало хуже, чѣмъ прежде; теперь міръ притѣсняетъ духовенство, которое недостаточно обезпечено. Я предлагаю усилить его средствами, которыя должно опредѣлить земство. Доставивъ духовенству средства, мы доставимъ ему независимость, а это чрезвычайно важно“ [1]. Какъ извѣстно, попытки принятія содержанія духовенства на земскія средства дѣлались и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, но всѣ эти мѣры особаго успѣха въ то время не имѣли, и задача подробной разработки вопроса о повсемѣстномъ удовлетвореніи матеріальныхъ потребностей духовенства на земскій счетъ выпадаетъ нашему времени.

II. Преобразованіе духовныхъ училищъ.

Съ самаго начала царствованія императора Александра II состояніе духовныхъ училищъ сдѣлалось предметомъ всеобщихъ разсужденій и обратило на себя вниманіе Государя. Это состояніе требовало существеннаго измѣненія и многихъ улучшеній, на которыя указывалъ еще въ 1858 году въ своей запискѣ Петербургскій митрополитъ Григорій. По трудности и важности сего дѣла признано было въ самомъ концѣ пятидесятыхъ годовъ необходимымъ снестись со всѣми епархіальными архіереями съ просьбою истребовать отъ подвѣдомственныхъ имъ ректоровъ семинарій мнѣнія о необходимыхъ улучшеніяхъ въ нравственной, учебной и хозяйственной частяхъ духовныхъ училищъ.

25 февраля 1860 года Св. Синодъ приказалъ: для разсмотрѣнія проекта преобразованія духовно-учебныхъ заведеній учредить особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ епископа херсонскаго Дмитрія. По желанію Государя въ сей комитетъ надлежало назначить членами самыхъ опытныхъ по учебной части лицъ изъ бѣлаго духовенства, и Государь, между прочимъ, указалъ на протоіерея Богословскаго, со-

---

[1] „Сѣв. Почта“, 1865 г., № 221; „Дух. Христ.“ 1865 г., августъ, „Совр обозр.“.

стоявшаго законоучителемъ при императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія. Въ 1862 году этотъ комитетъ окончилъ возложенное на него порученіе и работа его была представлена на обсужденіе духовныхъ академій и епархіальныхъ архіереевъ. 14 мая 1867 года утверждены новые уставы и штаты духовныхъ семинарій и училищъ и этимъ преобразованіемъ положены были новыя начала, какъ въ управленіи этихъ учебныхъ заведеній, такъ и въ системѣ воспитанія и образованія нашего юношества изъ духовнаго класса [1].

Духовно-учебныя заведенія по новому уставу 1867 года состояли подъ главнымъ управленіемъ Св. Синода и вѣдѣніемъ епархіальнаго архіерея и ввѣрялись ближайшему попеченію мѣстнаго духовенства. Наконецъ, 30 мая 1869 года былъ утвержденъ новый уставъ духовныхъ академій. Мы не станемъ подвергать здѣсь подробному разсмотрѣнію все это сложное и спеціальное дѣло и, согласно принятой задачи, остановимъ вниманіе на тѣхъ взглядахъ и пожеланіяхъ, которые высказаны были въ литературѣ въ тотъ семилѣтній періодъ времени, когда всѣ эти уставы были только въ проектѣ и въ обсужденіи.

Лицъ, высказывавшихъ свои мнѣнія по поводу улучшенія духовнаго образованія и воспитанія, можно раздѣлить на два противоположныхъ лагеря, по свойству тѣхъ началъ, на которыхъ эти лица основывали свои мнѣнія. Одни выражали желаніе связать посредствомъ образованія и воспитанія самыми крѣпкими узами общество и духовенство и вообще положить конецъ кастовому устройству духовенства; другіе въ своихъ сужденіяхъ строго держались одного круга духовнаго и присущихъ ему интересовъ. Первые желали, чтобы преподаваніе такъ называемыхъ общеобразовательныхъ наукъ, необходимыхъ для духовныхъ лицъ, равно и предметовъ элементарнаго обученія, свѣтское общество, какъ свою спеціальность, взяло бы на свое попеченіе, а въ семинаріяхъ было бы оставлено только преподаваніе наукъ богословскихъ. Послѣдніе не допускали этого раздѣленія и требовали, чтобы прежній строй и составъ наукъ въ духовныхъ училищахъ былъ сохраненъ, усиливъ однако

[1] Дѣло объ учрежденіи комитета для разсмотрѣнія проекта о преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній. Арх. св. синода 1860 г.

изученіе этихъ наукъ, и сдѣлавъ нѣкоторыя измѣненія и дополненія въ программѣ всего образованія.

Сторонники перваго мнѣнія представляли слѣдующія основанія въ доказательство своего требованія [1]. Всѣми признано (говорили они), что нравственно-религіозному вліянію духовенства на общество, на народъ, препятствуетъ кастовое его устройство. Это кастовое устройство, выражаясь во всѣхъ сторонахъ внѣшняго положенія духовенства и въ его дѣятельности, имѣетъ свое основаніе и въ образованіи. Разница образованія, получаемаго духовенствомъ и свѣтскими лицами, кладетъ между ними рѣзкую грань И то и другое образованіе представляется исключительнымъ, а потому одностороннимъ Пока религіозный элементъ не получитъ въ обществѣ полнаго своего значенія, до тѣхъ поръ оно все будетъ коситься на духовенство, тѣмъ болѣе, если послѣднее будетъ оставаться при томъ прежнемъ строѣ общаго образованія которое не оправдывается современными научными требованіями. Съ другой стороны отъ слабаго изученія наукъ общеобразовательныхъ и науки богословскія находятся въ одностороннемъ положеніи Воспитанники духовныхъ училищъ съ недостаточными познаніями научныхъ фактовъ, не имѣющіе поэтому никакого основанія расчитывать на силу и значеніе ихъ, необходимо привыкаютъ къ туманной общности взглядовъ на природу и исторію, становятся равнодушными и безучастными ко всѣмъ явленіямъ жизни. При такомъ настроеніи и само богословіе укладывается въ нихъ только общими своими положеніями, общими фразами и развивается въ ихъ умахъ только діалектически. Такъ какъ главная идея духовно-учебныхъ заведеній есть идея богословская, то все образованіе, воспитаніе, администрація, инспекція направлены къ ея осуществленію, а потому всѣ общеобразовательныя науки становятся второстепенными, побочными По мнѣнію сторонниковъ закрѣпленія живой связи между духовенствомъ и свѣтскимъ обществомъ пугемъ полученія общаго элементарнаго образованія, необходимо раздѣлить общеобразовательныя и богословскія науки между двумя совершенно

---

[1] „Замѣтки“ въ Труд. Кіев. Дух. Акад. 1863 г., іюнь.

независимыми учебными заведеніями [1]. Очевидно, по мнѣнію этихъ лицъ, что въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ должна быть различна не только учебная часть, но и воспитательная, потому что послѣдняя, какъ указано выше, и служитъ главнымъ проводникомъ (въ духовныхъ училищахъ) идеи богословской, въ пріемѣ, методѣ и способѣ изученія общеобразовательныхъ наукъ. Не можетъ быть также достигнута самостоятельность въ преподаваніи этихъ наукъ въ училищѣ, хотя и отдѣленномъ по своему учебному строю отъ богословскаго, но подчиненномъ начальству и надзору духовныхъ лицъ, потому что клерикальный характеръ такого надзора и администраціи, отъ котораго не могутъ отрѣшиться духовныя лица, будетъ забивать воспитанниковъ и преподавателей на каждомъ шагу и преждевременно направлять изученіе общеобразовательныхъ наукъ къ характеру и пріемамъ клерикальнымъ. Однимъ словомъ, чтобы

---

[1] За такое раздѣленіе богословскихъ и общеобразовательныхъ наукъ, за сліяніе духовной школы со свѣтскою и за учрежденіе спеціальныхъ богословскихъ курсовъ, особенно ратовали свѣтскіе журналы и во главѣ ихъ газета „День“ и журналъ „Русскій Вѣстникъ“; см. наприм. статьи „Дня“ за 1863 годъ, №№ 8, 12, 17, 19, 20 46, 1865 годъ, № 1, 28, 40. „Русскій Вѣстникъ“ 1863 годъ, октябрь „Объ улучшеніи быта духовенства“; см. замѣчанія редакціи этого журнала, стр. 475. Литература по этому вопросу весьма обширна. Мы укажемъ на нѣкоторыя сочиненія 1) „По вопросу о преобразованіи духовныхъ училищъ“ Бѣлавина, „Прав. Обозр.“, февраль 1861 года (тоже, августъ и ноябрь); 2) „Мысли по случаю современныхъ толковъ о духовныхъ семинаріяхъ и духовенствѣ“, „Странникъ“, 1861 года, т. I; 3) „О преобразованіи духовныхъ училищъ“ Шестакова. „Русская рѣчь“ 1861 годъ, № 25; 4) „Къ толкамъ о семинарскомъ образованіи“ Пѣвницкаго, „Труд Кіев. Дух. Ак.“, 1861 годъ, т II; 5) „О низшихъ духовныхъ училищахъ“ Елеонскаго, „Дух. Христ.“, 1862 годъ, сент. и ноябр., 6) „По поводу вышедшей заграницей книги. объ устройствѣ дух. училищъ въ Россіи“, „Прав. Обозр.“ 1862 г. ноябрь; 7) „О недостаткахъ семинарскихъ испытаній“ Покровскаго, „Дух. Христ.“, май 1862—1863 г; 8) „Воскресен. Чтен.“ 1863 годъ, № 22—25; 9) Статья Янковскаго „Литов. епарх. вѣд.“, 1863 годъ, № 9 и 15, 10) „Прав. Обозр.“ 1863 г., № 8 („Семинаристы-чиновники“), 11) „С.-Петер. Вѣд. 1863 годъ, № 186 и 1865 (17 іюля); 12) „О преобраз. дух. учеб. заведеній“, „Прав Обозр.“, 1865 годъ, январь. Упомянемъ также о появившемся въ 1862 г. въ Лейпцигѣ, на русскомъ языкѣ, сочиненіи: „объ устройствѣ духовныхъ училищъ въ Россіи“. Сочиненіе это заключаетъ въ себѣ критику духовныхъ училищъ и управленія ими; т II, стр. 210 и послѣд.

достигнуть самостоятельности въ преподаваніи этихъ наукъ необходимо духовенству совершенно выдѣлить ихъ, и предоставить тѣмъ заведеніямъ, которыя спеціально назначены для нихъ, т. е. гимназіямъ. Какая отсюда произойдетъ выгода для богословія и для духовенства—оно понятно. Въ богословское училище будутъ поступать люди съ надлежащимъ запасомъ фактическихъ, положительныхъ, а не односторонніхъ и скудныхъ свѣдѣній, и такимъ образомъ къ богословію непосредственно примкнетъ жизнь дѣйствительная, а не воображаемая, тощая и сухая. Вслѣдствіе сего богословіе покинетъ общія мѣста, отвлеченность, діалектику и божественныя истины будутъ очевидны для учащихся въ явленіяхъ природы и человѣческой жизни, въ которыхъ оно будетъ широко и свободно развиваться, все освѣщая и направляя къ великой своей задачѣ. Пастырь церкви, понимающій явленія и условія жизни въ ихъ дѣйствительныхъ началахъ, не будетъ далекимъ и чуждымъ для общества, и свободно станетъ распространять свое религіозное вліяніе на него. Вслѣдствіе сего упадетъ главное основаніе кастоваго устройства духовенства, сословныя и административныя закрѣпленія потеряютъ свою опору.

Всѣми также признано (продолжали развивать свои мысли сторонники сліянія свѣтской школы съ духовной), что и воспитаніе въ духовныхъ училищахъ также неудовлетворительно. Ученикъ съ самыхъ первыхъ классовъ, еще неспособный понимать высокой идеи богословской и требованій пастырства, уже долженъ подчиниться правиламъ, вытекающимъ изъ этой идеи. Для блага церкви, для прочнаго нравственнаго вліянія духовенства на народъ нужно развивать не формализмъ, а свободныя стремленія и возбужденія, чтобы духъ религіи дѣйствовалъ не безотчетно, фатально, а разумно и свободно. Всего этого нельзя достигнуть иначе, какъ совершенною раздѣльностью первоначальнаго—общаго воспитанія отъ воспитанія богословскаго—спеціальнаго. Самое главное при такой раздѣльности это то, что въ богословское училище будутъ поступать люди только по свободной рѣшимости и съ живымъ расположеніемъ къ пастырскому служенію. Нынѣшнее семинарское устройство не развиваетъ свободныхъ возбужденій и стремленій ученика и не даетъ ему общаго образованія. Особенно тяжела

участь исключенныхъ изъ семинарій, вслѣдствіе ихъ неподготовленности къ жизни и къ работѣ.

Весь этотъ проектъ о слияніи духовныхъ школъ со свѣтскими и объ учрежденіи церковныхъ училищъ для преподаванія спеціально богословскихъ предметовъ для учениковъ уже взрослыхъ и рѣшившихся по призванію искать пастырскаго служенія, подвергся критикѣ сторонниковъ оставленія духовныхъ училищъ въ кругу духовномъ, съ условіемъ однако введенія въ нихъ свойственныхъ духу и потребностямъ времени преобразованій и въ особенности улучшенія матеріальныхъ средствъ бѣдствовавшихъ наставниковъ и всего учебнаго обихода. Въ этихъ критическихъ сужденіяхъ указывалось, что, такъ называемыя, общеобразовательныя науки сами не имѣютъ подъ собой прочной почвы, подчиняясь нерѣдко разнымъ вѣяніямъ и иногда весьма узкимъ и пагубнымъ, какъ напримѣръ, матеріалистическимъ. Да, и самое преподаваніе наукъ въ гимназіяхъ далеко отстоитъ отъ совершенства. Оно по большей части скопировано съ иноземнаго образца и мало укрѣпляетъ истинно-православныя и русскія начала въ своихъ ученикахъ. Равнымъ образомъ и воспитательная часть не находится на высотѣ своего положенія. Свѣтская, казенная школа, принимая къ себѣ воспитанника, проникаетъ его духомъ служебной карьеры и пріучаетъ его видѣть въ перспективѣ чины и гражданскія отличія, недостижимыя въ тихомъ быту поселянъ, среди которыхъ въ большинствѣ случаевъ приходится жить и дѣйствовать воспитанникамъ, окончившимъ курсъ въ духовныхъ училищахъ и предназначившихъ себя къ пастырскому служенію. Защищая отдѣльное существованіе духовно-учебныхъ заведеній, сторонники этой обособленности указывали на то, что вся основа семинарскаго образованія представляетъ изъ себя твердое и широко соразмѣренное произведеніе, нуждающееся лишь въ преобразованіи, а не въ ломкѣ. Будетъ дурно, говорили указанныя лица, если весь складъ и все направленіе общественнаго міросозерцанія будетъ опредѣляться, помимо положительныхъ началъ вѣры церковной, одною наукою свѣтскою, часто пристрастной и неосторожной въ своихъ увлеченіяхъ. „Мы (продолжали эти защитники самобытности духовныхъ училищъ) были бы согласны на сліяніе духовно-

учебныхъ заведеній со свѣтскими, но для этого требуется одно условіе: пусть свѣтское учебное дѣло проявитъ притягательную силу, пусть оно заставитъ всѣхъ людей религіознаго направленія сочувственно думать и говорить о себѣ: пусть раскроется тамъ во всемъ блескѣ и силѣ образовательная и воспитательная сила. Укрѣпите эту силу въ гимназіяхъ, истребите тѣ плевелы, какіе прежде съ избыткомъ возрастали въ нихъ, при невниманіи начальства, и мы соединимся съ вами" — вотъ что говорили эти люди, въ числѣ которыхъ были видные представители духовнаго класса [1].

Всѣ эти сужденія не потеряли своего значенія и для настоящаго времени, когда вопросъ о преобразованіи свѣтскихъ среднихъ учебныхъ заведеній снова выдвинулся впередъ и сталъ сильно занимать наше общество.

III. Духовное управленіе и администрація.

При сильномъ стремленіи нашего общества къ преобразованіямъ во всемъ духовномъ вѣдомствѣ не могъ не подняться вопросъ о необходимости реформы въ системѣ духовнаго управленія и администраціи. Обративъ вниманіе на этотъ вопросъ, наши публицисты и общественные дѣятели должны были замѣтить то ненормальное и крайне вредное явленіе, что у насъ нѣтъ свода постановленій для церковнаго управленія вообще, и что духовныя власти во всемъ, что прямо не опредѣлено ни каноническимъ правомъ, ни общими законами гражданскими и государственными, руководствуются на практикѣ примѣрными дѣлами, прежними рѣшеніями и указами Св. Синода [2]. Нѣтъ надобности по-

---

[1] „Трудъ кіев. дух. акад." 1864 годъ, октябрь, „Что могутъ ожидать въ будущемъ наши духовно-учебныя заведенія"; 1865 г., ноябрь, „Необходимое объясненіе". Вмѣстѣ съ этимъ споромъ о назначеніи духовныхъ и свѣтскихъ училищъ поднимался другой важный вопросъ, а именно о расширеніи курса богословскихъ наукъ въ нашихъ университетахъ, въ видахъ распространенія прочнаго и серьознаго религіозно-нравственнаго образованія въ нашемъ обществѣ

[2] Весьма интересно знать, что намѣреніе составить сводъ церковныхъ узаконеній уже выражено было въ 1827 году (какъ писалъ митрополитъ Филаретъ 9 августа 1827 года), „но другія занятія комиссіи духовныхъ училищъ не позволили донынѣ исполниться сему предпріятію, со многими трудностями сопряженному" (Собр. мнѣн. и отзыв. митр. Филарета, т. IV, стр. 221).

яснять, что такое отсутствіе кодификаціи церковныхъ законовъ даетъ перевѣсъ личному началу предъ правовымъ, обусловливаетъ существованіе другъ другу противорѣчащихъ правилъ, порождаетъ забвеніе правъ и обязанностей, временно затемненныхъ вслѣдствіе историческихъ причинъ, и, въ концѣ концовъ, способствуетъ появленію среди свѣтскихъ членовъ церкви равнодушія къ церковнымъ дѣламъ, а среди духовныхъ членовъ церкви поселяетъ излишнюю робость и неувѣренность при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей.

Обозрѣвая систему высшаго духовнаго управленія и усматривая, что оно сосредоточивается въ рукахъ монашескаго класса, (кстати сказать, не пополняемаго лицами высшихъ сословій), публицисты шестидесятыхъ годовъ подняли вопросъ о возможности избранія епископовъ не изъ монашества, а изъ бѣлаго духовенства, и пытались разрѣшить этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ Высказывалось даже мнѣніе, будто по церковнымъ постановленіямъ вовсе нельзя монаху быть епископомъ, и указывалось, что монашество образовалось только въ IV вѣкѣ. Въ защиту такого мнѣнія были сдѣланы ссылки на 5 апостольское правило, на 12 шестого вселенскаго собора, на 2 правила собора, бывшаго въ храмѣ премудрости, и на примѣръ греческой церкви. Наконецъ, со ссылкою на практику древней новгородской церкви и на примѣры избранія епископовъ изъ священниковъ, дѣлался выводъ, что „судьба русскихъ архіереевъ, ни исторически, ни канонически, не связана съ монашествомъ“ [1].

---

[1] См. напр. статью въ газетѣ „День“, 1862 г., № 30. Также см. статью „О безбрачіи и монашествѣ къ избранію въ санъ епископа“ въ „Прав Обозр“, 1862 года; статью: „О монашествѣ епископовъ“, арх. Іоанна въ жур. „Прав. Собесѣд.“, 1863 г., № 4—6, и статью „О санѣ епископскомъ въ отношеніи къ монашеству въ церкви восточной“ въ „Приб. къ твор. св. отецъ“ за 1862 г., т. III. Въ этой статьѣ приводится цѣлый перечень Константинопольскихъ іерарховъ, которые въ теченіе V—VII вѣковъ, до начала иконоборства, возводились на константинопольскій престолъ изъ клира константинопольскаго и не обязывались къ жизни безбрачной или къ постриженію въ монашество (стр. 345—353); въ концѣ изслѣдованія однако высказывается, что нельзя признать справедливымъ мнѣнія о возможности возведенія въ санъ епископа изъ не

Обсуждая связь современнаго положенія православнаго монашества съ вопросомъ объ улучшеніи быта духовенства, газета „День“ (въ статьяхъ помѣщ. въ № 23, 35 и 36 за 1865 г.), между прочимъ, указывала, что монашество сосредоточило въ своихъ рукахъ и главное руководство воспитаніемъ будущихъ служителей церкви, и верховную правительственную власть надъ лицами, посвятившими себя столь высокому служенію, а посему всякое преобразованіе въ быту православнаго духовенства можетъ быть приведено къ успѣшному окончанію, когда напередъ будетъ предпослана ему реформа монашества. Наше монашество, по мнѣнію названной газеты, измѣнило основной своей идеѣ такъ же, какъ и восточное монашество, а именно: 1) вслѣдствіе умноженія монастырскихъ имѣній; 2) вслѣдствіе возведенія иноковъ на церковно-іерархическія степени и 3) вслѣдствіе представленія монахамъ права на занятіе епископскихъ должностей. Это уклоненіе монашества отъ основной цѣли видоизмѣнило весь строй монашеской жизни, которую авторъ рисуетъ темными красками, заявляя въ окончательномъ своемъ выводѣ, что монашество изъ подвижничества сдѣлалось карьерой.

Эта критика современнаго монашескаго строя привела къ разсмотрѣнію и отношеній бѣлаго духовенства къ представителямъ монашескаго класса, занимающихъ начальственное положеніе относительно этого духовенства, причемъ авторы статей, посвященныхъ указанному предмету, разъяснили всю ненормальность характера такихъ отношеній. Такъ, И. С. Аксаковъ въ передовой статьѣ „Дня“ за 1864 г., № 27, указывалъ, что отношенія приходскихъ церквей къ епархіальному начальству стали похожими на отношенія низшихъ присутственныхъ мѣстъ къ начальнику губерніи, отношенія приходскихъ священниковъ къ архіереямъ — на служебныя отношенія низшихъ чиновниковъ къ высшимъ, съ тою разницею, что въ гражданскомъ вѣдомствѣ эти отношенія ограничиваются областью службы, областью внѣш-

---

монашествующихъ. Особенно сильная критика монашескаго строя помѣщена въ сочиненіи, изданномъ въ 1866 г. въ Лейпцигѣ: «О православномъ бѣломъ и черномъ духовенствѣ въ Россіи»; см т. I, стр. 85, 470, и т. II, 541, 638.

ней дисциплины, а въ духовномъ онѣ, по самому существу духовной службы, распространяются на внутреннюю область духа, и—въ сочетаніи съ духовнымъ подчиненіемъ и духовною властью — далеко простираются за предѣлы и гражданской субординаціи, и начальственнаго гражданскаго авторитета. Редакція „Дня“ особенно подчеркивала порабощенное положеніе приходскаго духовенства и замѣчала, что благочинный, консисторія, секретари — всѣ, гласно или тайно, законно или помимо закона, имѣютъ власть, значеніе, по крайней мѣрѣ, вліяніе, въ назначеніи или смѣнѣ священника, не говоря уже о ходатайствѣ постороннихъ начальствъ и вѣдомствъ. Много нужно выдержать испытаній и многимъ угодить, чтобы получить приходъ и удержаться въ приходѣ; можно лишь не тревожиться мнѣніемъ прихожанъ. Ихъ однихъ не спросятъ. И этотъ порядокъ установился не въ силу закона, а помимо закона [1].

---

[1] См. «День», 1863 г. № 27 «По вопросу объ улучшеніи быта духовенства». См. за тотъ же годъ № 17 «Разоблаченія консисторскихъ порядковъ»; въ особенности № 40, статью Никитинскаго объ отношеніи между духовенствомъ и его начальниками; въ этой статьѣ, между прочимъ, осуждаются земные поклоны духовенства предъ высшими начальствующими лицами. См. статьи того-же автора въ газетѣ «День», 1864 г., № 19—20. Въ статьѣ Троицкаго «къ вопросу объ улучшеніяхъ въ бытѣ духовенства» («Прав. Обозр.», янв. 1862 г.) также указывалось на то, что во многихъ епархіяхъ при замѣщеніи церковно-служительскихъ должностей имѣютъ большое значеніе стороннее ходатайство, связи и протекціи. См. также критику церковной администраціи и указаніе на вредъ полнаго подчиненія бѣлаго духовенства черному въ ст. Уманца, въ «Отечест. Зап.», 1862 г., т. 143. Догматическое законодательство неизмѣнно, но способъ управленія епархій можетъ и долженъ измѣняться сообразно состоянію управляемаго общества. Измѣненіе это тѣмъ болѣе необходимо, что вопросъ объ администраціи нашего бѣлаго духовенства касается не однихъ только священниковъ, но и всего православнаго населенія, всѣхъ классовъ нашего общества. Авторъ предлагаетъ обновленіе состава консисторій посредствомъ избранія въ члены особенно заслуженныхъ и почитаемыхъ священниковъ, при чемъ полагаетъ необходимымъ для сего періодическіе съѣзды мѣстнаго духовенства и мірянъ. Нѣсколько позднѣе, а именно въ 1875 году, въ «Сборн. государст. знаній» (т. II) подъ редакціей Безобразова, помѣщена статья проф. протоіер. Горчакова: «Научная постановка церковно-суднаго права», и въ ней, между прочимъ, авторъ, опредѣляя, что органы церковнаго суда въ дѣлахъ личной нравственно-религіозной жизни суть епископы и священники, заявлялъ, что епископы не должны

Вмѣстѣ съ желаніемъ поднять значеніе бѣлаго духовенства въ іерархической сферѣ, обнаружилось также въ нашей журналистикѣ родственное по духу стремленіе вывести наше духовенство изъ той обособленности, которая появилась вслѣдствіе неблагопріятныхъ историческихъ причинъ и неудачныхъ мѣръ, принятыхъ свѣтскимъ и духовнымъ правительствомъ. Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, въ октябрьской книжкѣ за 1863 годъ, въ статьѣ объ улучшеніи быта духовенства, авторъ старался выяснить вопросъ о сословной замкнутости духовенства съ канонической точки зрѣнія и пришелъ къ выводу, что наслѣдственность, замѣчаемая въ духовномъ сословіи, противорѣчитъ ученію Св. Писанія и соборнымъ постановленіямъ и что право церковнаго служенія должно быть предоставлено всѣмъ членамъ церкви. Уже въ статьѣ „По вопросу о преобразованіи духовныхъ училищъ“ Бѣлавина, помѣщенной въ журналѣ „Православное Обозрѣніе“ за 1861 годъ (февраль, августъ и ноябрь), проводился взглядъ о свободномъ избраніи священниками сана, и этого взгляда держался и авторъ разбираемой статьи „Русскаго Вѣстника“; онъ указываетъ, что всѣ члены церкви призваны на высокое служеніе алтарю, по свободному избранію ихъ церковною общиною (ссылка на 33 правило VI вселенскаго собора и 10 правило Сардикійскаго собора). Затѣмъ онъ поясняетъ свое положеніе указаніемъ, что право народа подавать голосъ при избраніи своихъ пастырей издавна сохранялось въ нашей церкви.

Приниженное и умаленное положеніе священниковъ въ сферѣ духовнаго управленія и непригодность всего строя епархіальной администраціи, усыплявшей нравственныя силы всего духовенства, побудило лицъ, сочувствовавшихъ духовному классу, вспомнить о прежнемъ самоуправленіи бѣлаго духовенства, которое въ древней Руси составляло союзы и избирало своихъ поповскихъ старостъ для наблю-

---

имѣть власти въ этомъ отношеніи больше священниковъ, и сообразно сему проектировалъ упраздненіе непосредственнаго архіерейскаго суда надъ священнослужителями, о чемъ гласитъ ст. 165 уст. дух. консисторій. См. критическія замѣтки объ епархіальномъ управленіи по отношенію къ бѣлому духовенству въ книгѣ: „О правосл бѣл. и черн. духов. въ Россіи“ (Лейпцигъ, 1866 г.) т. I, стр. 517, т. II, стр. 576.

денія за церковнымъ благочиніемъ по округамъ. Этотъ проектъ о возстановленіи выборнаго начала въ духовномъ управленіи весьма горячо поддерживался въ тогдашней духовной журналистикѣ, особенно южной, во главѣ которой въ этомъ дѣлѣ стоялъ харьковскій журналъ „Духовный Вѣстникъ“. Въ „лѣтописномъ листкѣ“ этого журнала за 1862 г. (т. II) высказано было пожеланіе о распространеніи выборнаго начала на бѣлое духовенство. Не говоря уже объ избраніи благочинныхъ самимъ духовенствомъ, авторъ указывалъ, что члены консисторіи назначаются непремѣнно изъ губернскаго духовенства, а уѣзды не имѣютъ въ консисторіи своихъ представителей, тогда какъ знаніе условій жизни извѣстной мѣстности и того особеннаго положенія, которымъ вообще разнится сельское духовенство отъ городского, духовенство уѣзднаго города отъ духовенства губернскаго, можетъ быть иногда очень полезно при разбирательствѣ консисторскихъ дѣлъ. Въ силу этихъ соображеній авторъ стоялъ за выборы духовенствомъ и членовъ консисторій и, кромѣ того, полагалъ возможнымъ предоставить академіямъ и семинаріямъ избирать себѣ ректоровъ [1].

Починъ фактическаго возстановленія выборнаго начала въ духовномъ управленіи былъ сдѣланъ знаменитымъ кіевскимъ митрополитомъ Евгеніемъ еще въ 1827 году.

---

[1] См. въ томъ же журналѣ (1862 г., т. III) статью: „По поводу нѣкоторыхъ журнальныхъ толковъ“. Въ этой статьѣ появилось обстоятельное возраженіе на мысль, что введеніе выборнаго начала въ церковной администраціи, будто бы не согласно съ духомъ христіанскаго ученія. Названіе главнаго храма „соборомъ“ происходитъ именно отъ этого „союза“ священниковъ съ цѣлью самоуправленія. Въ особенности любопытно мнѣніе одного изъ архипастырей, высказанное имъ въ стат. „О выборномъ началѣ въ приложеніи къ благочиннымъ“ (въ „Чтен. общ. любит. духов. просвѣщ.“ 1868 г., кн V). Авторъ признаетъ, что выборное начало глубоко лежитъ въ самомъ духѣ и основѣ церкви Христовой и было въ приложеніи къ дѣлу въ самыя первыя времена ея. См. также интересную брошюру священника Михаила Морошкина „Выборное начало въ духовенствѣ“ (Спб. 1870). Изученіе синодальнаго архива Особаго Присутствія укажетъ, что не только журналисты, но и многія епархіальныя начальства свидѣтельствовали о непригодности всего строя епархіальной администраціи, о придавленности вслѣдствіе сего духовенства, зараженнаго пороками лицемѣрія, боязливости и апатичности.

Этотъ ученый архипастырь 29 іюля 1827 года сдѣлалъ предложеніе о выборѣ въ Кіевской епархіи благочинныхъ церквей самимъ духовенствомъ, какъ то было въ старину. Въ преобразовательную эпоху шестидесятыхъ годовъ, когда само высшее духовное правительство было утомлено формалистикой духовныхъ консисторій и духовныхъ правленій, не пользовавшихся сочувствіемъ не только среди свѣтскихъ людей, но и среди духовенства изъ за взяточничества консисторскихъ чиновниковъ—было снова обращено вниманіе на это спасительное выборное начало, на которое съ такимъ постоянствомъ указывала журналистика [1]. Починъ былъ сдѣланъ также Кіевскимъ митрополитомъ, именно Арсеніемъ, который въ 1862 году предложилъ подвергнуть благочинныхъ выбору самого духовенства, и оно съ громаднымъ сочувствіемъ и признательностью встрѣтило это предложеніе. Въ томъ же году такіе порядки установились и въ Полтавской епархіи.

Въ журналистикѣ заговорили по этому вопросу еще рѣшительнѣе. Въ ноябрьской книжкѣ „Прав. Обозр.“ за 1863 годъ, въ статьѣ „Объ улучшеніи быта православнаго духовенства“ указывалось на необходимость въ измѣненіи системы епархіальнаго управленія, въ уничтоженіи ст. 68 уст. духов. консист. (о надзорѣ благочинныхъ за монастырями) и въ предоставленіи духовенству права выборовъ на общественныя должности, со ссылкою въ подкрѣпленіе послѣдняго предложенія на практику церкви при апостолахъ (Дѣян. Апост. III, VI, LVI). Въ этой же статьѣ выставлялось на видъ, что діаконы, въ случаѣ ихъ вдовства, только въ силу обычая не допускались къ высшимъ степенямъ священства. Духовенство, съ своей стороны, высказывало желаніе, чтобы благочинные, присутствующіе и секретари консисторій опредѣлялись по выборамъ духовенства и при томъ на опредѣленное число лѣтъ („Прав. Обозр.“, январь 1864 г.), и чтобы введеніе этихъ новыхъ свѣтлыхъ порядковъ освободило духовенство отъ косвенныхъ налоговъ при посѣщеніи церквей благочинными, при

[1] Скудное жалованье консисторскихъ чиновниковъ, доходившее до суммы 100—300 руб. въ годъ, было увеличено штатами утвержденными 25 марта 1869 года (П. С. З., № 46899).

сдачѣ метрикъ въ консисторіяхъ и отъ подводной повинности при проѣздахъ духовнаго начальства [1].

Дѣло возстановленія выборныхъ порядковъ не ограничилось Кіевской и Полтавской епархіями; вслѣдъ за ними выборы благочинныхъ распространились и въ другихъ епархіяхъ. Такъ, въ промежутокъ времени съ 1864 по 1869 годы эти порядки заведены были въ епархіяхъ: Харьковской, Саратовской, Орловской, Смоленской, Минской, Екатеринославской, Казанской и др.; повсюду духовенство было довольно этими выборами, предъ началомъ которыхъ служило молебны, а, по свѣдѣніямъ сообщеннымъ въ газетѣ „День“ (1864 годъ, № 13), духовенство Харьковской епархіи, получивъ извѣстіе о такомъ распоряженіи своего архипастыря, при встрѣчѣ другъ съ другомъ обнималось и цѣловалось, какъ въ свѣтлый праздникъ. Однимъ словомъ, къ концу шестидесятыхъ годовъ превосходство выборнаго порядка признавалось духовенствомъ повсемѣстно [2].

Епархіальное духовенство, будучи призвано особымъ присутствіемъ (какъ выше было упомянуто) принять непо-

---

[1] См. также статьи: свящ. Свирѣлина „О выборномъ началѣ въ духовенствѣ“, „Дух. Христ.“ 1863 годъ, іюль („выборное начало для нашего возвышенія и вліянія на общество“, говорилъ авторъ, „должно быть поставлено во главѣ всего“); свящ. Ѳеодоровскаго „Замѣтки объ улучшеніи быта духовенства“, „Дух. Вѣст.“ 1863 г, т V; тотъ же журналъ за 1864 годъ, февраль „журналистика“. См также „Руководство для сельскихъ пастырей“, 1863 г., № 3. Особенно любопытно описаніе перваго соборика въ Минской епархіи Малышевскаго въ „Труд. Кіев. дух. акад.“ 1866 г., мартъ. Актъ благочинническаго собора Минской губ., Рѣчицкаго уѣзда, 17 декабря 1863 года. „Соборъ такого рода не случайное явленіе, вызванное мѣстными обстоятельствами; это безъ сомнѣнія плодъ давнихъ не вовсе истребленныхъ преданій, результатъ иныхъ, мало знакомыхъ намъ условій жизни. Двѣнадцать сельскихъ священниковъ брагинскаго благочинія собрались въ присутствіи благочиннаго вкупѣ и приступили къ обсужденію предметовъ, касающихся дѣлъ вѣры, православной церкви и отечества, записывали свои рѣшенія въ протоколъ и приняли его въ руководство на будущее время. Мы не можемъ и представить себѣ, чтобы нѣсколько священниковъ великорусской епархіи осмѣлились безъ разрѣшенія начальства съѣхаться съ какою бы то ни было благою цѣлью“.

[2] См. „Прав. Обозр.“ апрѣль 1869 года и статью „О выборномъ началѣ въ приложеніи къ благочиннымъ“. „Чтен. въ Москов. Общ. любит. дух. просвѣщ.“ 1868 г, книга V. Въ отчетѣ оберъ-прокурора Св. Синода за 1866 годъ указывалось, что предварительный выборъ на благочинническія мѣста предоставленъ самому духовенству въ 11 епархіяхъ.

средственное участіе въ обсужденіи вопроса объ улучшеніи на счетъ мѣстныхъ источниковъ, какъ собственнаго благосостоянія, такъ, со времени реформы духовныхъ училищъ, и быта этихъ епархіальныхъ учебныхъ заведеній, не могло бы достигнуть въ такомъ важномъ и трудномъ дѣлѣ желательныхъ результатовъ безъ общихъ совѣщаній духовенства по этому предмету, безъ приведенія въ положительную извѣстность всѣхъ данныхъ о дѣйствительномъ состояніи и наличныхъ средствахъ каждой отдѣльной приходской церкви. Отсюда сама собою возникла необходимость въ учрежденіи съѣздовъ духовенства. Учрежденіе такихъ съѣздовъ открыло духовенству благопріятный случай поставить на общее обсужденіе и нѣсколько другихъ важныхъ вопросовъ, какъ напримѣръ, о пенсіи престарѣлымъ и заштатнымъ лицамъ духовнаго сословія, объ учрежденіи церковныхъ школъ, свѣчныхъ заводовъ, библіотекъ и попечительствъ, и наконецъ о благоустройствѣ приходовъ вообще. Епархіальные преосвященные, вполнѣ понимали всю пользу, какой можно ожидать отъ совокупнаго обсужденія духовенствомъ разнообразныхъ предметовъ, касающихся, какъ матеріальнаго его быта, такъ и обязанностей пастырскаго служенія, и начали поощрять учрежденіе такихъ съѣздовъ.

IV. Сословное положеніе духовенства и расширеніе его личныхъ, семейныхъ и гражданскихъ правъ.

Съ особенной настойчивостью въ литературѣ и журналистикѣ начала шестидесятыхъ годовъ указывалось на приниженное положеніе нашего духовнаго класса среди другихъ сословій и на необходимость уничтоженія сословной отчужденности духовенства. Этому настойчивому голосу раздавшемуся не только въ печати, но и въ высшихъ іерархическихъ и правительственныхъ сферахъ, вняло особое Присутствіе, которое въ числѣ своихъ задачъ поставило и вопросъ объ увеличеніи личныхъ гражданскихъ правъ и преимуществъ духовенства. Появилось весьма много статей и замѣтокъ относительно расширенія для духовенства правъ: семейныхъ, по состоянію, по службѣ, по имуществу, по обязательствамъ и договорамъ и по поста-

новленіямъ относительно промышленности и торговли [1]. Въ этомъ отношеніи мы укажемъ на выдающуюся статью священника Хитрова „О правахъ бѣлаго православнаго духовенства“, напечатанную въ „Духовномъ Вѣстникѣ“ за 1863 годъ, томъ VI. По изысканію автора, нѣкоторыя права бѣлаго духовенства были подавлены строгостью, другія затемнены неопредѣленностью закона, иные попраны, нѣкоторыя—забыты, а прочія остаются безъ дѣйствія вслѣдствіе бѣдности духовенства. Перебирая систематически всѣ эти права, авторъ предложилъ свои посильныя соображенія для возстановленія, укрѣпленія и расширенія правовой сферы, касающейся нашего духовенства [2].

Вопросъ о сословномъ положеніи православнаго духовенства, какъ указано было выше, получилъ благопріятное для него разрѣшеніе въ законодательномъ порядкѣ. Въ силу закона 1867 года послѣдовала отмѣна наслѣдственнаго начала въ замѣщеніи церковныхъ мѣстъ, и нужды прихода были поставлены на первый планъ. Эта мѣра, какъ бы предрѣшила въ положительномъ смыслѣ другой вопросъ, а именно о свободномъ избраніи приходомъ своихъ пастырей и церковниковъ [3]. Въ силу же закона 28 мая 1869 г. въ духовномъ званіи оставлены только лица, имѣющія священный санъ и занимающія причетническія должности; дѣтямъ ихъ открытъ свободный доступъ во всѣ роды государственной и гражданской службы [4].

Стремленіе къ исторической правдѣ и къ оздоровленію корней русской общественной жизни и въ частности—церковной побудило большую часть духовенства и многихъ литературныхъ дѣятелей описываемаго времени высказывать особенное желаніе видѣть возобновленнымъ издавна

---

[1] Уже одно то обстоятельство бросалось въ глаза, что православное духовенство въ своихъ гражданскихъ правахъ стояло ниже протестантскаго и даже магометанскаго духовенства, пользовавшагося — первое привилегіей личнаго дворянства, а второе — почетнаго гражданства, когда этихъ правъ не имѣло духовенство „господствующей церкви“.

[2] См. также „Современный Листокъ“ 1868 года, № 50; „Кіев. епарх вѣд.“, № 7; „Калуж. епарх. вѣд.“ 1864 года, №№ 10, 11, 12 („О гражданскихъ правахъ духовенства“); „Черниг епарх. вѣд.“ 1864 года, № 5.

[3] П. С. З. 1867 г., № 44610.

[4] П. С. З. 1869 г., № 46974.

принадлежавшее духовенству право на широкое участіе въ общественныхъ дѣлахъ и въ частности въ крестьянскомъ общественномъ управленіи.

Еще до изданія положенія 1 января 1864 года о земскихъ учрежденіяхъ такое желаніе выражено было въ статьѣ „Соображенія объ улучшеніи быта православнаго духовенства въ обще-гражданскомъ отношеніи“ („Прав. Обозр.“ 1863 г., т. XII). Со времени же изданія положенія о земскихъ учрежденіяхъ, когда духовенству предоставлено было право участвовать въ земскихъ дѣлахъ, эта реформа въ нашей журналистикѣ была встрѣчена съ полнымъ сочувствіемъ. „Петръ Великій единымъ почеркомъ пера уничтожилъ прежнее положеніе нашего духовенства въ земствѣ и въ государствѣ“, замѣчалось въ статьѣ, помѣщенной въ февральской книжкѣ „Православнаго Обозрѣнія“ за 1864 годъ. Авторъ этой статьи видѣлъ въ этомъ допущеніи духовенства къ участію въ общественныхъ дѣлахъ, наравнѣ съ прочими обывателями, возвращеніе къ стариннымъ началамъ, когда духовное сословіе не составляло касты во вредъ себѣ и обществу и засѣдало, наравнѣ съ прочими сословіями, на „земскихъ соборахъ“. „Священникъ долженъ быть гражданиномъ и не разниться отъ другихъ относительно гражданской равноправности“, заявлялось въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ №№ 138 и 140 газеты „Московскія Вѣдомости“ за 1864 годъ. Великое дѣло земства не должно и не могло быть чуждымъ нашему духовенству; участіе его въ этомъ дѣлѣ будетъ благотворно, такъ какъ кому же ближе извѣстенъ бытъ народа и его потребности, какъ не духовенству [1].

---

[1] По этому вопросу см. статьи: священ. Ѳеодоровскаго „Замѣтки“ въ „Духов. Вѣст.“ за 1863 г., т. V, въ которыхъ авторъ ратовалъ за допущеніе священниковъ съ правомъ голоса въ общинные сельскіе и городскіе сходы; Хвостова „Нѣсколько соображеній о предстоящемъ духовенству участіи въ земскихъ дѣлахъ“, „Прав. Обозр.“, апрѣль 1864 года; — свящ. Баратинскаго, „О новомъ устройствѣ земства“, „Духов. Вѣст.“, январь 1864 года; „Вопросъ объ улучшеніи быта духовенства въ связи съ земскими учрежденіями“, „Руков. для сельск. паст.“ 1864 г., №№ 19—21; „Къ тому, что было говорено объ общественномъ положеніи духовенства“, тотъ же журналъ, за тотъ годъ, № 14, 16, 22; „Духовенство и земство“, „Духъ Христ.“ 1765 г., сентябрь; „Современ. Листокъ“ 1863 г., № 39, и 1864 г., № 14 и 15; „Сынъ Отечест.“, 1864 г,

Одна изъ главныхъ задачъ земства (говорилось въ статьѣ „Духовенство въ земскомъ дѣлѣ“, напечанной въ „Днѣ“, 1865 г, № 38)—народное образованіе не можетъ быть правильно разрѣшено безъ духовенства. Этотъ голосъ свѣтской печати, признавшей открыто эту необходимость, совпалъ съ голосомъ духовной печати, всегда одобрявшимъ замѣчаемое въ духовенствѣ стремленіе къ устройству народныхъ школъ. „Пусть обязанность церковнослуженія и народнаго обученія“ (говорилось въ стат. „О первоначальномъ народномъ обученіи помѣщ. въ Прилож. къ Твор. св. отецъ, 1862 года, кн. II) „и въ глазахъ правительства, и въ глазахъ народа, и въ глазахъ самаго духовенства будутъ нераздѣльны. Нельзя только требовать, чтобы обученіе народа было принимаемо на себя непосредственно священникомъ, слишкомъ обремененнымъ своими многотрудными обязанностями, и потому это занятіе можетъ быть ввѣряемо образованнымъ діаконамъ и причетникамъ [1]. Желательно также (продолжалъ авторъ), чтобы самыя церкви на будущее время устраивались не иначе, какъ съ училищами, (церкви-школы) и во всякомъ случаѣ необходимо, чтобы народное образованіе освобождено было отъ излишнихъ формальностей, отчетности, регламентаціи. Вопросъ о народномъ образованіи (заканчивалъ авторъ) гораздо болѣе важный, чѣмъ всѣ вопросы о финансахъ, судопроизводствѣ, полиціи и вообще о государственныхъ учрежденіяхъ, ибо, какъ не плохи будутъ учрежденія, но когда духъ народа цѣлъ, государство останется непоколебимымъ, а когда въ народѣ послѣдовало нравственное разложеніе, тогда самыя превосходныя учрежденія не удержатъ государство отъ гибели“. Далѣе, укажемъ на статьи „Православнаго Обозрѣнія“, гдѣ проводился здравый взглядъ о необходимости религіознаго образованія народа въ духѣ православной церкви, и, между прочимъ, въ статьѣ „По прочтеніи Высочайшаго манифеста“ („Прав. Обозр.“, февраль

№ 67; „Костр. губ. вѣд.“ 1864 г., № 42, неоф. часть; „Голосъ“ 1864 г., № 124; „Калуж. епарх. вѣд.“ 1864 г., № 11—12; „Черниг. епарх. вѣд.“ 1864 г., № 5.

[1] Свящ. Думитрашко въ стат. «Нѣсколько словъ о причетникахъ» («Духъ Вѣст.» 1863 г, т. IV) также замѣчалъ, что священникъ никогда не будетъ и не можетъ быть обязательнымъ наставникомъ въ школѣ.

1861 г.) высказывалось убѣжденіе, что отъ вліянія духовенства много зависитъ нравственная будущность освобождаемыхъ крестьянъ; относительно же сельскихъ школъ ставилось непремѣннымъ условіемъ, чтобы онѣ не были казеннымъ официальнымъ учрежденіемъ („начальство истины не видитъ“, замѣчалъ авторъ), а были бы въ полномъ смыслѣ слова „приходскими“ („Православное Обозрѣніе“, 1860 г., № 2) [1].

Какъ извѣстно, въ шестидесятыхъ годахъ впервые была высказана мысль о пользѣ для народа воскресныхъ школъ и чтеній, а также катехизическихъ школъ. Газета „День“ (1862 г., № 14) предлагала открыть воскресныя школы при каждой семинаріи для ученія грамотѣ и особенно закону Божію—что впослѣдствіи и осуществилось. Въ статьѣ „О воскресныхъ собесѣдованіяхъ“ („Прав. Обозр.“, апрѣль 1862 г.) проводился тотъ взглядъ, что живое собесѣдованіе тѣсно соединяетъ людей, заинтересованныхъ въ одномъ дѣлѣ, и что такого общенія въ формѣ свободнаго сношенія или собесѣдованія прихожанъ со своимъ священникомъ у насъ до сихъ поръ не доставало. „Представьте себѣ“, говоритъ авторъ этой статьи, „что каждый воскресный день, съ живымъ участіемъ къ вопросамъ религіи и образованія, у того или другого прихожанина собираются желающіе участвовать во взаимной духовной бесѣдѣ“. Такое живое общеніе, по мнѣнію автора, посодѣйствуетъ несомнѣнно къ образованію приходской библіотеки, а также и приходской

---

[1] Литература по этому предмету весьма обширна. Мы укажемъ только на нѣкоторыя статьи: 1) «Странникъ» 1861 г., т. I «О необходимомъ условіи истиннаго образованія русскаго народа»; 2) «Гдѣ взять учителей для сельскихъ школъ», Бѣляева, въ газетѣ «День» 1861 г., № 9; по проекту автора, кончившіе курсъ въ семинаріяхъ прежде поступленія въ священники и діаконы должны два—три года послужить въ дьячкахъ и пономаряхъ, съ непремѣнною обязанностью быть народными учителями; см. также № 14, 15, 18, 20 и 22. 3) «Жизнь и школа». «Труд Кіев. дух. акад.» 1862 г., т. I; 4) «Движеніе въ духовенствѣ по дѣлу народнаго образованія», въ «Современной Лѣтописи», 1862 г., № 38; 5) «Объ участіи духовенства въ дѣлѣ народнаго образованія» свящ. Рождественскаго, въ «Чтен. общ. любит. духов просвѣщ.», 1863 г; 6) «Духовенство и народное образованіе» въ «Прав. Обозр.», 1862 г., № 2. См. также сочин. Благовидова, объ отношеніи духовенства къ народному образованію.

кассы. Въ подкрѣпленіе своего проекта авторъ указываетъ на тотъ общеизвѣстный фактъ, что для нашихъ крестьянъ необходима духовная пища, необходимо образованіе, разумно соединенное съ религіозными началами.

Особенно горячія пожеланія высказывались въ печати относительно предоставленія священникамъ свободы проповѣдничества. Въ журналѣ „Духовный Вѣстникъ“ (1862 г., т. I, замѣтка на статью „объ образованіи сельскаго простонародья“, помѣщ. въ „Странникѣ“ за 1861 г., октябрь) въ защиту свободной и широкой проповѣди въ храмахъ указывалось на примѣры Василія Великаго и Іоанна Златоуста, которые храмы Божіи нерѣдко обращали въ школы христіанскаго богословія, заставляя собираться христіанъ въ оные по нѣсколько разъ въ день для одного слушанія бесѣдъ. По существующамъ же постановленіямъ и обычаямъ у насъ (говорилось въ стат. Никитинскаго „О проповѣдяхъ“, напеч. въ газетѣ „День“ за 1863 г., № 39), ни одинъ священникъ не можетъ сказать, даже въ своей церкви, никакого поученія, если оно не будетъ разсмотрѣно и одобрено спеціальнымъ цензоромъ. Авторъ стоитъ за свободу проповѣдничества, находитъ, что нынѣшняя проповѣдь вращается въ схоластическихъ формахъ, выбираетъ отвлеченныя темы, скучныя для народа, и высказываетъ убѣжденіе, что отсутствіе цензурныхъ стѣсненій сдѣлаетъ проповѣдь живою рѣчью, которая найдетъ доступъ въ народныя массы и поколеблетъ равнодушіе и холодную разсчетливость среднихъ и высшихъ классовъ. Въ видахъ поднятія проповѣдничества проектировалось установленіе въ городахъ особыхъ должностей проповѣдниковъ („Объ условіяхъ успѣха церковной проповѣди въ народѣ“, „Прав. Обозр.“, январь 1862 г.) [1].

---

1 По этому вопросу см. статьи. 1) «Духов. Бесѣда» 1863 г., т. XIX, № 38; 2) «Москов. Вѣд.» 1863 г. № 180 (письмо приходскаго священника), 3) «Духъ Христ.», 1861 г., декабрь, свящ. Свирѣлина «О церковной проповѣди». 4) «День» 1863 г., № 30 (говорилось о необходимости сравнить наше православное духовенство въ правахъ и преимуществахъ съ римско-католическимъ духовенствомъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ проповѣдничеству; см. тоже № 28 за 1865 годъ. См. также статью священника Баратынскаго «О постепенномъ ухуд. быта прав. духов.» («Духов. Вѣстн.» 1865 г, апрѣль).

VIII.

Правительственный голосъ о „самостоятельности и самодѣятельности“ православныхъ приходскихъ обществъ.—Мнѣнія въ литературѣ о „приходскихъ правахъ и управленіи“.—„Утайка“ церковно-общественныхъ суммъ.—Циркуляръ смоленскаго архипастыря.—Статьи И. С. Аксакова по церковно-приходскимъ дѣламъ.

Большинство писателей, поднимавшихъ вопросы о всестороннемъ улучшеніи быта духовенства и объ оживленіи церковно-общественныхъ дѣлъ, сознавали, что корень всѣхъ этихъ важныхъ преобразованій лежитъ въ правильной постановкѣ „приходскаго“ дѣла, такъ что всѣ эти реформы въ бытѣ, управленіи и въ отношеніяхъ духовенства къ мірянамъ, какую бы конструкцію ни придавать этимъ реформамъ, могутъ считаться (по мнѣнію этого большинства) прочно установленными только тогда, когда „приходскій строй“ и „приходское управленіе“ вступятъ въ свои права и въ свои нормальныя условія жизни. Авторъ приведенной выше статьи о „приходѣ“ („Русская Бесѣда“, 1857 годъ) только слабыми штрихами намѣтилъ планъ возстановленія „прихода“ и обратилъ почти исключительное вниманіе на благотворительныя задачи прихода, между тѣмъ какъ вопросъ о возвышеніи значенія нашихъ православныхъ приходовъ неминуемо сливался съ вопросомъ о приходѣ, какъ юридическомъ лицѣ, а также о правильномъ разграниченіи собственно церковно-общественнаго имущества отъ имущества духовенства и его начальства. Нашему образованному обществу впервые представилась на разрѣшеніе трудная задача, а именно: разработка понятія о „приходѣ“, какъ единицѣ церковно-общественной, и этой задачѣ посвятили свои силы, какъ правительственные люди, такъ и литературные дѣятели, помѣщавшіе свои статьи въ газетахъ и журналахъ, преимущественно въ духовныхъ журналахъ.

Въ статьѣ „Духовенство и народное образованіе“ („Прав. Обозр.“, февраль, 1862 года) ставился прямо вопросъ: составляютъ ли церковныя имущества исключительную собственность духовенства? Если нѣтъ, то принадлежатъ ли они всему народу, какъ государству, или народу, какъ церкви? Въ апрѣльской книжкѣ того же журнала, въ статьѣ „Церковно-финансовый вопросъ“ послѣдовалъ ясный

отвѣтъ, а именно: „церковною собственностью имѣетъ право (по мнѣнію автора) распоряжаться только церковь, а церкви не представляетъ вполнѣ, ни іерархія, ни свѣтская власть, покровительствующая церкви, ни народъ—взятые въ отдѣльности“. Такое разрѣшеніе этого важнаго вопроса отклоняло всякую мысль о возможности соединенія церковныхъ имуществъ съ государственными или же съ принадлежащими духовному вѣдомству, какъ таковому, и выдвигало на первый планъ значеніе прихода, какъ юридическаго лица съ одной чисто гражданской стороны и какъ низшей церковно-общественной единицы съ другой стороны, а, слѣдовательно, вело къ понятію о „приходѣ“, какъ о такомъ учрежденіи, которое, какъ мѣстная церковь, вмѣщающая въ себѣ мѣстную іерархію, мѣстную власть и народъ, обладало правомъ собственности надъ всѣмъ церковно-приходскимъ имуществомъ.

Весьма важно отмѣтить, что эта плодотворная мысль о вышеприведенномъ значеніи прихода появилась въ сознаніи нашего образованнаго общества въ эпоху преобразовательную. Практическое осуществленіе ея въ жизни, т. е. преобразованіе всей церковно-экономической системы, есть дѣло, конечно, болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго. Для этого необходимо, чтобы въ нашемъ православномъ обществѣ исчезло то безучастіе къ религіозно-церковнымъ вопросамъ, которое замѣчается нынѣ, и чтобы это общество стало принимать живѣйшее участіе въ своихъ церковно-общественныхъ дѣлахъ, однимъ словомъ, чтобы оно восприняло ту истину, что для „Церкви Божіей“ устроенъ весь міръ. Что же касается до сферъ государственныхъ и правящихъ, то желательно, чтобы въ ихъ сознаніи получило силу то положеніе, что система централизаціи, стягивающая все къ одному центру, нерѣдко при этомъ сдавливаетъ и мертвитъ живыя силы общественнаго организма и что при упадкѣ жизненныхъ силъ въ самомъ центрѣ этому организму грозитъ крайнее истощеніе и распаденіе. Такое опасеніе, повидимому, и побуждало нѣкоторыхъ государственныхъ дѣятелей описываемой эпохи искать въ общественной силѣ опоры для проведенія въ жизнь многихъ важныхъ государственныхъ реформъ, между прочимъ, и въ области церковно-общественной. Обратимъ теперь вниманіе на правительственныя начинанія, касавшіяся этой области.

Какъ было сказано выше, особое присутствіе своею главною задачею поставило обезпеченіе духовенства матеріальными средствами, и главной заботой въ этомъ отношеніи представлялась задача о томъ: назначить-ли духовенству содержаніе отъ казны, или же оставить это содержаніе по прежнему на обязанности церковной общины. Обстоятельствомъ рѣшающимъ этотъ вопросъ, послужила записка министра внутреннихъ дѣлъ отъ 10 марта 1863 года, въ которой министръ исходилъ изъ той мысли, „что правительство не можетъ въ одно время обезпечить всего приходскаго духовенства и что дѣло обезпеченія церквей и духовенства есть дѣло общественное, въ которомъ прихожане призваны къ столь-же непосредственному участію, какъ и само правительство. Надлежало-бы (замѣчалъ министръ) только возбудить и поощрить самостоятельность и самодѣятельность приходскихъ обществъ. Приходскіе священники (продолжалъ министръ) не чиновники, получающіе окладное содержаніе и постепенно повышаемые съ должности на должность, съ оклада на окладъ. Между священнослужителями и приходомъ должно быть особаго рода связь и желательно, чтобы прихожане принимали ближайшее, добровольное участіе въ благолѣпіи приходскаго храма и въ благосостояніи приходскаго причта. Желательно, чтобы средства къ тому имѣли по возможности фундушевое свойство и, слѣдовательно, чтобы поощрялись частныя пожертвованія къ увеличенію этихъ средствъ“ [1].

Читая и перечитывая это замѣчательное мѣсто въ запискѣ министра внутреннихъ дѣлъ статсъ-секретаря Валуева, совѣщавшагося ранѣе дачи хода этой записки съ архіепископомъ могилевскимъ Евсевіемъ и статсъ-секретаремъ княземъ Урусовымъ, нельзя сомнѣваться, что министръ имѣлъ въ виду именно возстановленіе уклада древне-русскаго прихода, т. е., того „прихода“, на которомъ незабвенные госу-

[1] Архивъ Высоч. утв. присут. по дѣл прав. духов, 1863 г., № 17. Въ приведенной выше запискѣ также указывалось, что есть такія повинности (напр., пособія при церковной постройкѣ, подвозъ топлива), которыя могли бы существовать въ приходѣ, если бы только высшіе классы населенія подавали примѣръ участія въ нихъ низшимъ и если бы законъ надлежащимъ образомъ опредѣлилъ обязанности прихода по этимъ статьямъ.

дарственные дѣятели, руководившіе дѣломъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, остановились, какъ на древнѣйшей исторически сложившейся административной и церковной единицѣ раздѣленія территоріи русскаго государства [1]. Также отмѣтимъ здѣсь авторитетное мнѣніе, высказанное по сему вопросу главноуправляющимъ собственной Е. И. В. канцеляріи барономъ Корфомъ въ запискѣ, представленной имъ 28 іюля 1863 года особому присутствію. Баронъ Корфъ указалъ, что мысль о привлеченіи мірянъ къ участію въ дѣлахъ церковныхъ сама по себѣ не нова: законодательство уже довольно давно дало ей примѣненіе, какъ въ утвержденіи должности церковныхъ старостъ, такъ и въ допущеніи почетнѣйшихъ изъ прихожанъ къ повѣркѣ церковныхъ суммъ и къ нѣкоторымъ другимъ распоряженіямъ по хозяйству приходовъ. Замѣтя, далѣе, что церковный приходъ издревле въ государствахъ христіанской Европы былъ первообразомъ гражданской административной единицы, главноуправляющій указывалъ, что у насъ въ древнія времена села и деревни тянули къ погостамъ; тамъ былъ общій для окрестныхъ селеній храмъ, тамъ-же сосредоточивалось и управленіе; туда доставлялись налоги и сходились жители для разсужденій о своихъ дѣлахъ. Хотя единеніе это ходомъ послѣдующаго государственнаго развитія было нарушено, но, продолжалъ баронъ Корфъ, если мы въ болѣе или менѣе близкомъ времени будемъ вынуждены перейти отъ нынѣшней крестьянской, сословной общины къ такой административной единицѣ, которая бы обнимала окрестныхъ жителей всякаго званія, то прочно и хорошо устроенная община приходская представитъ самую естественную и ближайшую ступень для такого перехода. Итакъ, разсуждая объ устройствѣ прихода, не должно (по мнѣнію барона Корфа) вовсе упускать изъ вида роль, которую, можетъ быть, суждено ему играть, какъ органу тѣснѣйшаго сближенія церкви и государства, сближенія, въ которомъ церковь нашла бы вѣрный залогъ вліянія и вѣса среди свѣтскаго общества.

Нельзя, кажется, яснѣе выразить мысль о всей необходимости и пользы для русскаго народа—не только въ одномъ

---

[1] Общ. Полож. о крест., ст. 43 и 44.

церковномъ, но и въ государственномъ отношеніи — возстановленія правъ и обязанностей „православнаго прихода.“

Всѣ эти вѣскія соображенія о возстановленіи самостоятельности и самодѣятельности православныхъ приходовъ, а также историческія данныя о положеніи прихода въ древности, не могли не побудить (какъ намъ кажется) присутствіе взять на свое разрѣшеніе цѣликомъ всю задачу оживленія церковно-общественной жизни въ Россіи, а именно, въ объемѣ возстановленія правъ и обязанностей православнаго прихода, съ удаленіемъ всѣхъ наслоившихся преградъ и препонъ на пути такого возстановленія. Однимъ словомъ, приходу надлежало усвоить его древнее значеніе юридическаго лица, которое онъ имѣлъ по неотмѣненнымъ въ законодательномъ порядкѣ правиламъ духовнаго регламента, и сдѣлать его какъ бы „ячейкой“ въ государственномъ и общественномъ организмѣ Россіи. Для осуществленія этой задачи на первыхъ порахъ можно было бы (на нашъ взглядъ) ограничиться: 1) занесеніемъ всѣхъ прихожанъ поименно въ особую „главную приходскую книгу“, существовавшую въ древности и затѣмъ уничтоженную; 2) узаконеніемъ и упорядоченіемъ общихъ собраній прихожанъ для разрѣшенія приходскихъ дѣлъ и для установленія „приходскаго управленія“ въ качествѣ представителя „прихода“; 3) возстановленіемъ права прихода на избраніе своихъ священно- и церковно-служителей; 4) признаніемъ свободно пріобрѣтаемаго церковно-приходскаго имущества собственностью прихода, какъ юридическаго лица, съ приданіемъ этой собственности свойственнаго ей по каноническимъ и гражданскимъ законамъ характера неподвижности и неотчуждаемости и съ поставленіемъ права распоряженія прихода этою собственностью подъ надзоръ высшей епархіальной власти, т. е. мѣстнаго архіерея.

Къ этой серьезной законодательной работѣ объ устройствѣ „приходскаго уклада“ присутствіе должно было побуждаться еще и косвенными соображеніями. Къ числу этихъ косвенныхъ соображеній надо отнести сдѣланное самимъ же присутствіемъ признаніе полной непригодности института церковныхъ старостъ. Въ докладѣ присутствія, отъ 16 марта 1863 года за № 2, приведена такая критика этого института, послѣ которой ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ ко-

реннымъ образомъ преобразовать этотъ институтъ. Вотъ что по этому предмету сообщало, между прочимъ, присутствіе: „обязанности званія церковнаго старосты, первоначально учрежденнаго по Высочайшему указу 28 февраля 1721 года, опредѣлены подробно въ Высочайше утвержденной инструкціи 17 апрѣля 1808 года, которая, кромѣ самихъ церковныхъ старостъ, предоставляетъ принимать нѣкоторое участіе въ церковномъ хозяйствѣ вообще и почетнѣйшимъ лицамъ изъ прихожанъ. Но учрежденія сіи, подчиненныя многимъ формальностямъ и всѣмъ инстанціямъ духовнаго управленія, а по отчетности и отвѣтственности ихъ состоящія подъ вліяніемъ чиновниковъ консисторіи, не смотря на продолжительное существованіе, не довольно привлекаютъ къ себѣ сочувствіе со стороны общества прихожанъ. Иногда съ трудомъ составляется сколько-нибудь полное собраніе прихожанъ для самаго выбора церковнаго старосты; къ ежемѣсячному счету церковныхъ денегъ обыкновенно не является никто изъ прихожанъ, кромѣ чрезвычайныхъ случаевъ и особеннаго призыва; лица дѣйствительно усердныя къ церкви не всегда рѣшаются принять на себя званіе церковнаго старосты, а привлекаемыя въ оное особыми видами и надеждою поощреній не могутъ приносить всей ожидаемой отъ нихъ пользы. Такое равнодушіе прихожанъ къ дѣламъ своей церкви, очевидно, истекаетъ изъ полнѣйшаго ихъ безучастія въ хозяйственномъ ея управленіи. Не смотря на то, что всѣ расходы по богослуженію покрываются средствами прихода, сей послѣдній не только не имѣетъ никакого участія въ распоряженіи суммами, но даже и не знаетъ объ ихъ употребленіи. Право присутствовать при ежемѣсячномъ счетѣ церковныхъ денегъ не только не можетъ быть признано преимуществомъ, но даже равняется тяжкой обязанности, ибо извѣстно, что по общему закону за цѣлость суммъ отвѣтствуютъ всѣ участвовавшіе въ свидѣтельствованіи оныхъ. Послѣ этого понятно то уклоненіе отъ счета церковныхъ денегъ, которое замѣчается повсюду“.

Казалось бы, что послѣ такой правдивой оцѣнки института церковныхъ старостъ, присутствію не оставалось другого выхода, какъ вручить это важное дѣло „церковно-приходскому управленію“, тѣмъ болѣе, что присутствію не могло не быть извѣстнымъ о правильной постановкѣ церковно-хо-

зяйственнаго дѣла въ приходахъ другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій въ Россіи, каковые приходы нашимъ же законодательствомъ признавались за юридическія лица. Если бы присутствіе остановилось на сравненіи положенія господствующей церкви съ церквами другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій въ Россіи, то оно не могло бы не замѣтить всей ненормальности и тяжести условій, созданныхъ для пріобрѣтенія православными церквами недвижимыхъ имуществъ, и поспѣшило-бы съ предложеніемъ объ отмѣнѣ этой стѣснительной формальности, которая кореннымъ образомъ нарушаетъ благосостояніе православныхъ церквей и несомнѣнно отражается и на благосостояніи церковно-приходскихъ общинъ. Правда, присутствіе какъ мы подробно увидимъ ниже, подняло въ 1869 году этотъ важный вопросъ о свободѣ пріобрѣтенія православными церквами недвижимыхъ имуществъ, но для благопріятнаго его разрѣшенія удобный моментъ былъ очевидно пропущенъ, тогда какъ это предположеніе въ стройномъ цѣломъ всего преобразованія православнаго прихода могло-бы получить желательное окончаніе, вполнѣ соотвѣтствовавшее достоинству и интересамъ господствующей церкви. Наконецъ, присутствіе, согласившись съ мнѣніемъ министра внутреннихъ дѣлъ объ оставленіи содержанія православнаго духовенства на средства прихода, должно было обсудить духовныя и матеріальныя силы прихода и дать этимъ силамъ достаточный просторъ для того, чтобы онѣ могли выдержать возлагаемую на нихъ тяжесть.

Но всѣ эти задачи не были приняты во вниманіе присутствіемъ, какъ-бы онѣ того заслуживали. Оно, какъ извѣстно, ограничилось созданіемъ искусственныхъ, по канцелярскому образцу учрежденныхъ попечительствъ, возбудившихъ на первыхъ же порахъ рядъ недоразумѣній, а особенно въ области церковно-хозяйственной и денежной, принесшихъ, вмѣсто мира и спокойствія, разладъ между духовенствомъ и мірянами, и влачащихъ по сіе время свое безцвѣтное существованіе [1].

Исторіи учрежденія въ Россіи приходскихъ попечительствъ

---

[1] См. нѣкоторыя подробности о дѣйствіяхъ присутствія въ ст. „Начало возрожденія цер. прих. жизни въ Россіи“, напеч. въ «Рус. Вѣст.», янв. и мар. 1900 г.

мы еще коснемся ниже, теперь-же мы сдѣлаемъ краткое обозрѣніе того развитія въ литературѣ понятія о приходѣ, которое оно получило въ то время, когда подъ покровомъ канцелярской тайны создавался уставъ о церковныхъ попечительствахъ, обнародованный во второй половинѣ 1864 года.

Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія статья А. Н. Хвостова „одна изъ мѣръ къ улучшенію быта православнаго духовенства", помѣщенная въ октябрьской книжкѣ „Православнаго Обозрѣнія" за 1863 годъ. Хотя въ этой статьѣ вопросъ о приходѣ затрогивался главнымъ образомъ со стороны имущественныхъ его правъ, но такъ какъ съ практической точки зрѣнія выясненіе именно этихъ правъ представляется существенно важнымъ, то мы въ самомъ сжатомъ видѣ приведемъ наиглавнѣйшіе взгляды автора на это дѣло.

По наблюденіямъ автора, въ нашемъ сельскомъ быту замѣчается одно простое требованіе, которое могло бы имѣть рѣшительное вліяніе на улучшеніе быта нашего духовенства, а именно, оно состоитъ въ улучшеніи юридическаго положенія нашихъ православныхъ приходовъ. Такимъ улучшеніемъ авторъ признаетъ: предоставленіе каждой приходской церкви права пріобрѣтать на свое имя и на общемъ законномъ основаніи, какъ движимую, такъ и недвижимую собственность, и свободно распоряжаться оною, при участіи лицъ, избранныхъ для сего отъ прихода. Правительство, принявшее на себя (послѣ секуляризаціи церковной собственности) управленіе бывшими церковными имуществами, съ обязанностью обезпечить благосостояніе церкви и ея служителей, оказалось (по мнѣнію автора) въ семъ послѣднемъ отношеніи не вполнѣ состоятельнымъ, и никогда не въ состояніи этого сдѣлать. Лучшимъ доказательствомъ своего мнѣнія авторъ усматриваетъ въ правительственномъ извѣстіи, что духовенство не можетъ разсчитывать на общее денежное пособіе отъ казны. Такимъ образомъ, содержаніе духовенства опять, какъ и прежде, ложится на плечи прихода. Возвращаясь снова къ церковно-имущественному вопросу, авторъ усматриваетъ причину оскудѣнія церквей въ имущественномъ отношеніи—въ недостаткѣ легальной гарантіи для охраненія церковной собственности и затѣмъ

въ отсутствіи правильнаго церковно-хозяйственнаго управленія. Теперешнее (т. е. въ шестидесятыхъ годахъ, а въ сущности и нынѣ) положеніе такого управленія, по мнѣнію автора, стѣсняетъ и охлаждаетъ жертвователей; безопасно пожертвовать, замѣчаетъ онъ, только вещь, а не землю или капиталъ [1]. Итакъ, заключаетъ свои соображенія авторъ, потребность состоитъ въ признаніи каждаго православнаго прихода самостоятельнымъ юридическимъ лицомъ, способнымъ владѣть и пользоваться движимою и недвижимою собственностью, а также въ устройствѣ правильнаго церковно-хозяйственнаго управленія чрезъ посредство лицъ, назначенныхъ для сего изъ среды прихода.

Равнымъ образомъ, въ нашей журналистикѣ разработывался вопросъ о благотворительной сторонѣ приходской дѣятельности. Къ такимъ статьямъ, съ практическимъ направленіемъ, надо отнести статью Головина въ „Православномъ Обозрѣніи“, въ февральской книжкѣ, за 1864 годъ, подъ названіемъ: „О мѣрахъ къ лучшему устройству приходской благотворительности“ Почтенный авторъ, будучи извѣстнымъ дѣятелемъ по насажденію благотворительности въ одномъ изъ приходовъ г. Москвы, высказывалъ то вѣрное соображеніе, что приходъ есть маленькое общество въ государствѣ, у котораго есть общее сборное мѣсто—храмъ. Главнѣйшія обязанности такого общества составляютъ дѣла благотворительныя и просвѣтительныя. Будучи сторонникомъ повсемѣстнаго устройства благотворительности по приходамъ, авторъ высказываетъ, между прочимъ, ту здравую мысль, что расходъ по содержанію благотворительныхъ заведеній дѣлаетъ правительственную благотворительность слишкомъ дорого стоющей обществу; что-же касается до управляющихъ этими заведеніями, то, по справедливому замѣчанію автора, лица эти находятся лишь „подъ отчетностью“, а не „подъ отвѣтственностью“, разумѣя подъ этимъ словомъ, очевидно, нравственную отвѣтственность предъ церковною общиною, изби-

[1] Духовные журналы уже не разъ заявляли, что прихожане охотно жертвуютъ на приходскую благотворительность, когда призываются къ дѣятельному участію въ этомъ дѣлѣ, и становятся слишкомъ хладнокровными къ нему, когда участіе ихъ въ этомъ дѣлѣ хотятъ ограничить одними лишь пожертвованіями (см. «Духъ Христіанина», ноябрь, 1863 г. «наша духовная журналистика».

рающей для высокаго служенія въ благотворительныхъ и просвѣтительныхъ своихъ учрежденіяхъ такихъ лицъ, которыя не могутъ, въ этомъ служеніи не по найму, ограничиваться формальнымъ отношеніемъ къ ввѣренному имъ дѣлу. Противопоставляя благотворительность приходскую—личной, авторъ относительно послѣдней указываетъ на невольную ея безразборчивость, дѣлающую ее, какъ бы, слѣпой, и поэтому она во многихъ случаяхъ дѣйствуетъ вредно, поощряя промышленное нищенство. Въ связи съ этимъ мнѣніемъ авторъ полагаетъ, что прихожане, дѣйствуя сообща, должны и могутъ позаботиться о предупрежденіи случаевъ впаденія своихъ ближнихъ въ бѣдность, и такое развитіе приходской жизни можетъ наступить тогда, когда вся подобная дѣятельность равномѣрно упадетъ и на церковный совѣтъ, и на самихъ прихожанъ, призванныхъ въ виду общаго блага, всѣ до единаго, къ самодѣятельности и взаимной помощи. Кромѣ учрежденія больницъ и богодѣленъ, авторъ ратуетъ и за учрежденіе по приходамъ школъ и библіотекъ, причемъ проектируетъ устройство въ этихъ библіотекахъ воскресныхъ чтеній для народа [1].

Мысль о „приходскомъ управленіи“ также весьма сильно привлекала къ себѣ общественное вниманіе. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ упоминанія проектъ священника Остромысленскаго, развитый имъ въ статьѣ „о средствахъ къ воспитанію дѣтей духовнаго и христіанскаго званія“, напечатанной въ т. I журнала „Странникъ“ за 1864 годъ. Въ этомъ проектѣ устава церковнаго управленія, въ § 1, говорится: „церковное управленіе дѣлится на приходское (сельское и городское) и епархіальное“; § 2: „въ каждой сельской церкви (или приходѣ) долженъ быть церковный приходскій совѣтъ—изъ одного, или двухъ священниковъ, изъ сельскаго—гдѣ есть—помѣщика, сельскаго старосты, и по одному съ каждой сотни прихожанину (по общему выбору) и изъ церковнаго старосты. Кромѣ того, въ каждой деревнѣ, отстоящей отъ села на трехверстное и большее разстояніе, долженъ быть особый членъ, или сотрудникъ совѣта. Въ боль-

[1] Весьма сходныя мысли и положенія можно встрѣтить въ стат. священ. Рождественскаго «о приходской благотворительности» въ «Правосл. Обозрѣніи», іюнь, 1862 г; между прочимъ, авторъ рекомендуетъ общеніе и взаимопомощь между приходами.

шихъ приходахъ, т. е. начиная отъ 450—500 душъ, авторъ проектируетъ назначеніе двухъ священниковъ (и болѣе) съ тѣмъ, что-бы одинъ изъ нихъ бралъ на себя обученіе дѣтей въ школѣ. Въ § 4 значится, что церковный совѣтъ завѣдуетъ и управляетъ учебными, нравственными и хозяйственными дѣлами сельской церкви. По части учебной совѣтъ вводитъ обязательное обученіе въ школѣ; по части хозяйственной совѣтъ производитъ всѣ церковныя покупки, постройки и поправки и онъ-же провѣряетъ ежемѣсячно церковныя суммы и ежегодно церковное имущество, и, наконецъ, устраиваетъ лавки для продажи иконъ, свѣчей, книгъ и проч. Въ § 14 значится, что совѣтъ прилагаетъ особое попеченіе о сиротахъ, вдовахъ, больныхъ, увѣчныхъ, престарѣлыхъ, какъ духовнаго, такъ и крестьянскаго званія; при этомъ авторъ добавляетъ, что одинъ изъ причетниковъ могъ бы быть сельскимъ врачемъ, а одна изъ прихожанокъ сельской акушеркой и сестрой милосердія.

Наконецъ, приведемъ еще наводящія на размышленіе „разсужденія“ о. Страхова, напечатанныя въ „Нижегородскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ, за 1865 г. „№ 5.“ Есть у насъ (пишетъ авторъ) сословіе дворянское, духовное, купеческое, мѣщанское, крестьянское. Эти сословія для охраненія матеріальныхъ своихъ интересовъ составляютъ изъ себя отдѣльныя общества, а интересы земства соединяютъ ихъ и въ одно цѣлое. Но общества православнаго, церковнаго, связаннаго одною мыслію и желаніемъ послужить нуждамъ и пользамъ православной церкви и вѣры, у насъ нѣтъ. Для удовлетворенія житейскимъ потребностямъ, для взаимнаго вспомоществованія въ промыслахъ, для объединенія въ мысляхъ и интересахъ не духовныхъ, у насъ учреждаются дворянскіе и коммерческіе банки и клубы; но для служенія нуждамъ и пользамъ церкви и вѣры, вообще для удовлетворенія религіознымъ потребностямъ у насъ нѣтъ никакихъ соціальныхъ учрежденій. Въ отношеніи къ вѣрѣ и церкви у насъ каждый живетъ особнякомъ, и одному нѣтъ никакого дѣла до другого, какъ будто благосостояніе церкви не подлежитъ общему попеченію. Представителями мѣстнаго православнаго общества должны бы служить православные приходы; но и приходы наши не имѣютъ характера церковной общины. Еще въ хозяйствѣ храмовъ есть кое-какое участіе прихода,

но нужды прихода, вѣра и нравственность приходскихъ лицъ, вездѣ стоятъ внѣ всякаго общественнаго надзора и вліянія. Большею частію и пастыри церкви замыкаются другъ отъ друга въ своихъ приходахъ; отъ этого они становятся нерѣдко во взаимное несогласіе, даже противорѣчіе".

Въ то время, когда въ литературѣ обстоятельно выяснялась потребность въ признаніи за нашимъ православнымъ приходомъ правъ юридическаго лица и выдвигалась задача объ упорядоченіи имущественной стороны въ церковно-общественныхъ дѣлахъ, и когда на отдаленной окраинѣ (въ пріамурской области) возстановлена была закономъ автономія прихода и къ мнѣнію о пользѣ такой автономіи для всей Россіи примкнулъ Св. Синодъ въ цѣломъ своемъ составѣ, а также нѣкоторые вліятельные свѣтскіе сановники, — въ средѣ особаго присутствія, наперекоръ сему, изготовлялся законъ о приходскихъ попечительствахъ, въ силу котораго всякое участіе сихъ попечительствъ въ управленіи церковными суммами и имуществомъ было устранено, даже въ смыслѣ контроля за оными, что признавалъ столь необходимымъ митрополитъ Филаретъ. Но, какъ было указано выше, нѣкоторыя подробности объ изготовленіи этого закона и о практическихъ его послѣдствіяхъ мы приведемъ въ слѣдующей главѣ, а теперь обратимъ вниманіе на немаловажное событіе, обнаружившее всю неприглядность и все несовершенство существовавшей системы управленія церковными имуществами и капиталами. Уже въ журналѣ присутствія отъ 16 марта 1863 г., № 2, какъ мы видѣли выше, указано было на формализмъ, излишнюю опеку со стороны духовнаго вѣдомства и на отсутствіе гарантіи въ существующей формѣ веденія церковнаго хозяйства, но изъ вышедшаго въ 1864 года циркуляра смоленскаго епископа Антонія вся эта неприглядная картина выступила еще рельефнѣе и заставила многихъ отзывчивыхъ людей еще внимательнѣе отнестись къ проекту о возстановленіи правъ прихода и объ учрежденіи приходскаго управленія.

Для выясненія значенія упомянутаго циркуляра замѣтимъ, что, какъ всѣмъ было извѣстно, въ большинствѣ сельскихъ церквей единственный источникъ церковныхъ доходовъ составлялъ свѣчной сборъ, ибо кошельковый и другой сборъ были слишкомъ ничтожны. Между тѣмъ, весь

свѣчной доходъ (достигавшій въ 1863 г. по офиціальнымъ даннымъ суммы 1.040,000 руб.) по требованію высшаго начальства слѣдовало отсылать для поддержанія духовныхъ училищъ, а такъ какъ монастыри, точно такъ же, какъ и многіе богатые соборы и церкви придворнаго и военнаго вѣдомствъ, не обязаны были представлять въ Синодъ свѣчныхъ сборовъ, то эта тяжелая повинность лежала главнымъ образомъ на бѣдныхъ приходскихъ церквахъ. Православное общество, средствами котораго единственно и собирались церковные доходы, положительно не знало о количествѣ этихъ суммъ, которыми владѣло и распоряжалось духовное вѣдомство, и вся финансовая сторона обще-церковнаго хозяйства была закрыта непроницаемой тайной, такъ что въ обществѣ ходили даже слухи, что въ Синодѣ лежатъ безъ движенія милліоны, и эти слухи происходили отъ того, что мало кто зналъ о томъ, что на собранныя деньги отъ церквей въ дѣйствительности содержатся духовно-учебныя заведенія. Кромѣ того, надо имѣть въ виду и то обстоятельство, что и вся недвижимая собственность церквей, пріобрѣтеніе которой, какъ извѣстно, обставлено было особыми затрудненіями, находилась по закону (св. зак. т. IX, ст. 323, приложеніе 7) въ прямомъ завѣдываніи не лицъ, пользовавшихся ею, а того же духовнаго начальства.

Весь этотъ строй управленія и расходованія церковно-общественныхъ средствъ привелъ къ весьма печальному результату. Въ большинствѣ приходскихъ церквей причтъ оныхъ вмѣстѣ со старостами, принадлежавшими къ среднему и даже низшему сословію, считали себя принужденными къ „утайкѣ“ свѣчныхъ суммъ, что бы такимъ способомъ обезпечить покрытіе многочисленныхъ церковныхъ нуждъ „про черный день“. Нѣтъ нужды объяснять, что такое сокрытіе „незаприходованныхъ“ суммъ порождало кучу злоупотребленій, отъ которыхъ не были свободны даже столичныя приходскія церкви. Эти „утайки“ не составляли секрета для общества, но все-таки ихъ не предавали гласности, и прихожане (какъ напр. въ Полтавской епархіи въ 1864 году), тяготясь этимъ зломъ, иногда направляли въ Синодъ прошенія о допущеніи ихъ къ постоянному наблюденію и провѣркѣ свѣчной выручки чрезъ особыхъ выборныхъ лицъ. Въ то время, когда эти законнѣйшія домога-

тельства прихожанъ оставлялись безъ послѣдствій, раздалось офиціальное и гласное признаніе этой „утайки“ со стороны смоленскаго архипастыря [1].

Желая улучшить учебную часть духовныхъ училищъ своей епархіи, содержавшихся на свѣчныя деньги, смоленскій епископъ Антоній въ январѣ 1864 года обратился съ окружнымъ посланіемъ ко всему духовенству своей епархіи съ убѣдительной просьбой: не образовывать негласныхъ, секретныхъ суммъ, употреблявшихся безъ всякаго контроля, и не утаивать церковно-свѣчныхъ доходовъ, а показывать ихъ правдиво и высылать сполна начальству, которое позаботится на эти средства устроить матеріальную часть духовно-учебныхъ зеведеній, обнищавшихъ во всей Россіи [2]).

Это офиціальное оповѣщеніе объ утайкѣ произвело тягостное впечатлѣніе во всемъ православномъ обществѣ и побудило ревнителя русской чести и правды, убѣжденнаго сторонника самостоятельности и самодѣятельности прихода И. С. Аксакова высказать горячее желаніе объ избавленіи на будущее время церквей отъ необходимости показывать неправду въ отчетахъ и скрывать самые законные расходы отъ своего духовнаго начальства. Въ своей замѣчательной передовой статьѣ въ „Днѣ“ (1864 года, № 27) Аксаковъ совершенно правильно указывалъ, что церковно-приходскія общины въ старину были довольно самостоятельны въ дѣлахъ церковно-приходскаго управленія: избирали священниковъ и причтъ и сами контролировали чрезъ избранныхъ ими довѣренныхъ лицъ доходы и расходы приходскихъ церквей, выстроенныхъ и содержимыхъ обыкновенно на „мірскія“ средства. По древнему обычаю и по смыслу каноническихъ правилъ (говорилось въ № 28 газеты „День“ за тотъ же 1864 годъ), подъ воздѣйствіемъ которыхъ слагался и самый бытъ новопросвѣщеннаго христіанскою вѣрою русскаго народа, — „приходъ“

---

[1] См. его письмо къ м. Филарету отъ 19 февр. 1866 г. Письма, изд. Львова. 1900, стр. 470.

[2] Сравни также приглашеніе митрополита Филарета настоятелямъ Московскихъ церквей и старостамъ церковнымъ въ 1864 году, «Прав. Обозр.», іюль 1864 года. Свѣчнаго сбора съ московской епархіи (наиболѣе богатой) показывалось офиціально меньше, чѣмъ въ другихъ болѣе бѣдныхъ епархіяхъ. Это воззваніе къ «совѣсти» очень характерно.

имѣетъ не только церковно-административное, но и церковно-общественное, бытовое значеніе; онъ не есть только низшая, послѣдняя ступень въ общей лѣстницѣ іерархическаго управленія, но и первое сосредоточіе общества вѣрующихъ, собравшихся около своего мѣстнаго алтаря, первое выраженіе церковно-общественной жизни; онъ не только церковно-административная единица, но и церковная община—одинъ изъ тѣхъ малыхъ центровъ, въ которыхъ распредѣлилось общество всей церковной области, не утрачивая чрезъ это нисколько своего единства,—выраженіемъ котораго служатъ, или служили прежде, какъ центральное, высшее іерархическое управленіе, такъ и помѣстные соборы.

Сравнивая этотъ старинный укладъ церковно-приходской жизни съ нынѣшнимъ, авторъ „замѣтки о порядкѣ замѣщенія мѣстъ священно-церковнослужителей“ (№ 26 газеты „День“ за 1864 годъ) находилъ, что нынѣ церкви, вообще говоря, богаты, а благотворительныхъ учрежденій и школъ при церквахъ почти и не существуетъ,—содержать духовныя училища и семинаріи нечѣмъ,—въ отчетахъ показывается неправда,—водятся секретныя суммы и секретные расходы. Учрежденіе старостъ не достигаетъ своей цѣли вслѣдствіе бездѣйствія общей приходской жизни, вслѣдствіе утраты приходомъ значенія церковно-общественнаго центра. А между тѣмъ еще лѣтъ 35 тому назадъ (т. е. въ 1830 году) „заручныя“ и выборы священнослужителей прихожанами практиковались во многихъ епархіяхъ. Особенно горячо ратуетъ авторъ за возстановленіе права прихода избирать своихъ священнослужителей; по этому предмету онъ замѣчаетъ, что архіерей при оцѣнкѣ представляемыхъ приходами кандидатовъ могъ бы опираться на совѣтъ изъ выборныхъ священниковъ своей епархіи. При такомъ порядкѣ въ постановленіи священника дѣйствительно участвовали бы, согласно законамъ нашей Церкви, и народъ, выбирающій себѣ пастыря, и клиръ, выбирающій себѣ собрата, и архіерей, выбирающій священника во ввѣренную ему епархію, и тройственное „аксіосъ“ при посвященіи стало бы дѣйствительно выражать тройственное утвержденіе—народомъ, архіереемъ и клиромъ [1].

[1] По каноническому правилу Ѳеофила Александрійскаго, гласящему, что рукоположеніе должно совершаться среди церкви, въ присутствіи

При избраніи самими приходами своихъ священниковъ обезпеченіе ихъ матеріальными средствами будетъ естественно лежать на самихъ приходахъ Только вспоможеніе приходамъ бѣднѣйшимъ и — главное — обезпеченіе вдовъ и сиротъ духовенства должно составлять обязанность всей русской церкви.

Также о плохомъ состояніи церковнаго хозяйства говорилъ И. С. Аксаковъ (№ 28 „Дня“, 1864 г.). Теперь, замѣчалъ онъ, приходскіе священники находятся въ совершенной зависимости отъ церковныхъ старостъ, которымъ, въ огражденіе себя отъ всякаго нареканія, они предоставляютъ полный просторъ въ распоряженіи церковными суммами, а старосты, не имѣя надъ собою контроля общества и находясь подъ вѣдѣніемъ духовнаго начальства, не имѣющаго надлежащихъ способовъ къ контролю, оперируютъ церковными суммами, какъ хотятъ, и нерѣдко, выдавая эти суммы за свои и пріобрѣтая какіе либо предметы для церкви, получаютъ за такія мнимыя пожертвованія медали и другія награды. Однако, въ защиту старостъ, Аксаковъ приводитъ тотъ фактъ, что при существующей системѣ управленія церковнымъ хозяйствомъ безъ секретной суммы приходской церкви нельзя и существовать Обдумывая способы оживленія церковной жизни, Аксаковъ указываетъ, что контроль надъ церковными суммами безусловно долженъ быть отданъ прихожанамъ, на общемъ приходскомъ собраніи. Всякое жертвованіе даетъ жертвователю право интересоваться употребленіемъ жертвуемаго; всякое нарушеніе этого интереса дѣлаетъ людей равнодушными къ повторенію жертвованія.

Въ заключеніе Аксаковъ проектируетъ: 1) возстановленіе значенія приходскихъ общинъ, въ смыслѣ хозяйства и контроля церковныхъ суммъ и съ упраздненіемъ того порядка содержанія семинарій, который далъ поводъ къ циркуляру епископа Антонія; 2) допущеніе епархіальной автономіи въ дѣлахъ духовно-учебнаго управленія, т. е. предоставленіе каждой епархіи вѣдать, содержать и совершенствовать свои училища, семинаріи и проч. съ участіемъ

народа и при возглашеніи епископа, дабы могъ народъ свидѣтельствовати (Прав 17).

мірянъ и епархіальнаго духовенства и 3) установленіе приходскихъ собраній и общихъ собраній мірянъ и духовенства всей епархіи—въ лицѣ избранныхъ отъ приходскихъ общинъ.

Разсужденія Аксакова о возстановленіи значенія приходскихъ общинъ не остались одинокими. Совершенно одинаково высказался одинъ изъ церковныхъ старостъ („День“ 1864 г., № 37). Журналъ „Духъ Христіанина“ призналъ, что мысли Аксакова имѣютъ довольно твердую почву, и, наконецъ, само правительство (т. е. комитетъ о преобразованіи духовныхъ училищъ), какъ извѣстно, высказалось за епархіальную автономію въ дѣлѣ постановки духовно-учебныхъ заведеній [1]. Кромѣ того, отмѣтимъ статью „о постепенномъ ухудшеніи быта православнаго духовенства“ свящ. Баратынскаго, напечатанную въ „Духовномъ Вѣстникѣ“ за 1865 годъ, апрѣль. Авторъ горячо стоитъ за возстановленіе и поднятіе внутренней жизни приходовъ, но при этомъ указываетъ, что такое возрожденіе немыслимо безъ того, чтобы прежде не поднять жизни приходскаго пастыря. Въ томъ же журналѣ, за тотъ же годъ (т. XII), въ статьѣ: „современное положеніе вопроса объ улучшеніи матеріальнаго быта православнаго духовенства“ указывалось на необходимость дать нашему духовенству и церковнымъ старостамъ болѣе самостоятельности въ ихъ дѣйствіяхъ, освободивъ ихъ отъ тѣхъ ни къ чему, кромѣ стѣсненій, не ведущихъ формальностей, отъ того отжившаго уже свой вѣкъ и потерявшаго свое значеніе благочинническаго и консисторскаго контроля, который существуетъ нынѣ и совершенно стѣсняетъ дѣятельность духовенства и старостъ; авторъ статьи именно разумѣетъ: представленіе приходорасходныхъ церковныхъ книгъ, а также годовыхъ вѣдомостей о приходѣ и расходѣ церковныхъ суммъ и о свѣчномъ доходѣ и отчетовъ—благочиннымъ, духовнымъ правленіямъ и консисторіямъ для ревизіи. Мѣра эта, замѣчаетъ при этомъ авторъ, въ свое время была совершенно необходима, какъ и опека надъ малолѣтними. Каждая приходская церковь, по убѣжденію автора, принадлежитъ приходской общинѣ, которая ее строила, поддерживала, украшала, а потому эта церковь въ своихъ доходахъ не должна давать

[1] «Духъ Христіанина», февраль, 1865 года, «Журнальное обозрѣніе».

никому отчета, кромѣ прихожанъ; дѣйствія же благочинныхъ должны состоять изъ высшаго надзора за повѣркою прихожанами этихъ доходовъ. Такой порядокъ вполнѣ будетъ сообразованъ съ духомъ Евангелія и весьма будетъ благопріятствовать интересамъ церкви, такъ какъ участіе народа въ дѣлахъ церкви возбудитъ личную дѣятельность каждаго мірянина.

IX.

Учрежденіе братствъ и приходскихъ попечительствъ. — Несовершенство закона о приходскихъ попечительствахъ.—Приглашеніе И. С. Аксакова, обращенное ко всему православному обществу.—Двѣ выдающихся статьи о приходскихъ попечительствахъ.

Никогда еще въ Россіи не высказывалось образованнымъ обществомъ такого напряженнаго желанія подвергнуть коренному преобразованію всю сферу церковно-общественныхъ дѣлъ, какъ это обнаружилось въ шестидесятыхъ годахъ. Подобныя стремленія къ улучшенію общественнаго быта подготовляются вѣками, и всѣ, жаждущіе такого улучшенія, понимали важность наступившаго момента и спѣшили высказать свои посильныя соображенія о направленіи предстоящей реформы, ея принципахъ и объемѣ, причемъ у многихъ авторовъ проглядывала одна общая и плодотворная мысль, что созиданіе „церкви“ совершается цѣлою „церковью“, и что на это великое дѣло призваны всѣ—и духовные, и міряне, богатые и бѣдные, знатные и простые. На эти горячіе запросы правительство отвѣтило, какъ извѣстно, изданіемъ въ 1864 году двухъ законовъ о братствахъ и приходскихъ попечительствахъ. Въ статьѣ „Начало возрожденія церковно-приходской жизни въ Россіи“ (напечатанной въ журналѣ „Русскій Вѣстникъ“, февраль и мартъ 1900 года), мы изложили ходъ этого дѣла въ законодательныхъ сферахъ и представили посильную критику этихъ двухъ законовъ [1].

Не задаваясь цѣлью подробнаго изложенія того, какъ и гдѣ учреждались братства и приходскія попечительства въ Россіи, послѣ изданія о нихъ закона 1864 года, мы по от-

[1] Особенный интересъ представляютъ замѣчанія митр. Филарета на проектъ положенія о попечительствахъ; см. Собр. мнѣн. м. Фил., V, г. I, стр. 462 и послѣд.

ношенію братствъ замѣтимъ, что распространеніе ихъ, облегчаемое древнею извѣстностью этихъ учрежденій, шло довольно успѣшно на первыхъ порахъ, особенно въ юго-западномъ краѣ [1]. Возстановились братства и въ древнихъ центрахъ своего зарожденія, именно въ Кіевѣ и Вильнѣ. Весьма торжественно открыты были: 15 іюля 1864 года въ Кіевѣ — Свято-Владимірское братство и 6 августа 1865 года въ Вильнѣ — Свято-Духовское братство, причемъ послѣднее, замѣнившее собой проектированное „западно-русское братство", получило и всѣ денежныя суммы, собранныя чрезъ редакцію газеты: „День" [2] На первыхъ порахъ своей дѣятельности Кіевское братство проявило свою жизнеспособность и пониманіе всей цѣлесообразности защиты общественнаго блага путемъ дружнаго содѣйствія. Совѣтъ этого братства, видя съ одной стороны крайне стѣсненное матеріальное положеніе наставниковъ духовно-учебныхъ заведеній и признавая съ другой стороны ихъ большое значеніе для русскаго дѣла въ юго-западномъ краѣ, въ засѣданіи 10 августа 1865 года рѣшилъ обратить на это вниманіе начальника юго западныхъ губерній и просить его ходатайства предъ Государемъ Императоромъ о возможномъ улучшеніи стѣсненнаго быта полезныхъ дѣятелей въ видахъ возвышенія русскаго дѣла въ краѣ. Члены духовно-учебной корпораціи съ радостью привѣтствовали это вниманіе къ ихъ дѣлу представителей братства, имѣвшаго въ своемъ составѣ многихъ уважаемыхъ и почтенныхъ членовъ русской администраціи. Въ первый разъ труженики духовной науки встрѣтили поддержку среди такого учрежденія, которое не имѣло сословнаго характера, и утѣшались тѣмъ что за нихъ поднимается голосъ общества [3].

Появленіе законовъ о братствахъ и попечительствахъ

---

[1] См. «Замѣтки» «Прав. обозр.» (въ отд. разн. извѣст.), въ янв. и іюн. книжкахъ 1865 года (въ от. «современ. обозрѣніе»).

[2] См. «Духъ Христ», іюль, 1865 г, «внут изв.», и «Странникъ»,1864 г, т. III Объ учрежденіи въ г. Острогѣ, въ 1865 году, Кирилло-Меѳодіевскаго братства, съ сохраненіемъ въ его уставѣ древне-братскихъ обычаевъ, сообщено было выше; см. также: «Дух. Вѣст.» 1865 г., т. XII и «Духъ Христ.», іюнь, 1865 годъ, и «Странникъ», іюль, 1866 г. (о пожерт. особъ царск. фам.).

[3] Это заявленіе братства было принято неблагосклонно газетою «Голосъ (1865 годъ, № 283); органомъ, по общей молвѣ, министерства народ-

было встрѣчено въ нашей журналистикѣ сдержанно. „Приходскія попечительства открыть не трудно“, писалъ свящ Баратынскій въ 1865 году („Духов. Вѣст.,“ апрѣль, „О постепенномъ ухудшеніи быта православнаго духовенства“), „но трудно вдохнуть въ нихъ жизнь при томъ преобладаніи государственнаго начала, какое внесено въ современную русскую дѣйствительность русскою исторіею. Тамъ, гдѣ инициатива принадлежитъ во всемъ внѣшней власти, а самая жизнь скудна органическимъ творчествомъ, тамъ задача учрежденій, подобныхъ приходскимъ попечительствамъ, становится вдвое труднѣе, чѣмъ въ странахъ, гдѣ общественная жизнь болѣе или менѣе самостоятельна, какъ на западѣ Учрежденіе приходскихъ попечительствъ (замѣчалъ далѣе названный авторъ) можетъ развить чувство усердія въ прихожанахъ только тогда, когда имъ будетъ предоставлено право имѣть голосъ во всѣхъ дѣлахъ приходскаго храма“. Въ журналѣ „Духъ Христіанина“ указывалось, что главной причиной несостоятельности приходскихъ попечительствъ въ настоящее время является обособленность духовенства отъ прочихъ сословій, которыя врядъ ли поспѣшатъ своимъ содѣйствіемъ къ улучшенію матеріальнаго положенія духовенства [1].

Обозрѣвая ходъ учрежденія приходскихъ попечительствъ въ Россіи, мы замѣтимъ, что распоряженія епархіальныхъ начальствъ по приведенію въ исполненіе „Положенія о при-

---

наго просвѣщенія. По мнѣнію газеты—средства государственнаго казначейства не могутъ быть источникомъ возвышенія окладовъ учителямъ духовно-учебныхъ заведеній. На это мнѣніе послѣдовалъ обстоятельный и любопытный отвѣтъ въ «Труд. Кіев. Дух. Акад.», ноябрь, 1865 года: «Необходимое объясненіе»

[1] «Духъ Христ.», августъ, 1865 г, «совр обозр.» Укажемъ здѣсь, какъ въ журналистикѣ была понята разница между братствами и попечительствами Такъ, въ «соврем. обозр» журнала «Православ Обозр.» за іюнь 1865 года, авторъ статьи: «Церковныя братства и церковные совѣты» такъ опредѣляетъ эту разницу: «попечительство—строго и точно на юридическихъ основаніяхъ организуетъ цѣлую приходскую общину, всѣхъ членовъ прихода поставляетъ въ такія или иныя обязательныя отношенія и направляетъ всю общину къ благотворительнымъ цѣлямъ; начала, на которыхъ образуются братства (а также совѣты) имѣютъ по преимуществу нравственный характеръ, при чемъ братства въ большинствѣ случаевъ не ограничиваютъ свою дѣятельность мѣстными предѣлами даннаго прихода.

ходскихъ попечительствахъ" были неодинаковы, и эта разность обусловливалась тѣмъ, что попечительства предположено было открывать постепенно, по мѣрѣ удобствъ и возможности. Одни епархіальныя начальства, объявивши это положеніе, предоставили дѣло самому духовенству (какъ, напр., въ Вологодской епархіи); другія ограничились на первый разъ требованіемъ отъ духовенства соображеній касательно удобства и возможности открытія попечительствъ (какъ напримѣръ, во Владимірской епархіи). Иныя епархіальныя начальства поняли учрежденіе приходскихъ попечительствъ, какъ дѣло обязательное и требующее повсемѣстнаго исполненія, какъ, напримѣръ, въ Каменецъ-Подольской и Иркутской епархіяхъ, при чемъ такая обязательность по отношенію Подольской епархіи объясняется тѣмъ, что открытіе тамъ попечительствъ весьма облегчалось сохраненіемъ слѣдовъ древнихъ братствъ почти при каждой церкви, городской или сельской. Въ Харьковской епархіи предписано было въ приходахъ, гдѣ не было надежды на удовлетворительный исходъ сего дѣла, воздержаться открытіемъ приходскихъ попечительствъ до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ. Конечно, были и такія начальства, которыя не ограничивались общими и формальными предписаніями и приглашали причты и прихожанъ къ немедленному открытію попечительствъ (какъ, напримѣръ, въ Полтавской, Смоленской и въ особенности въ Орловской епархіяхъ) [1].

Въ „современномъ обозрѣніи" журнала „Православное Обозрѣніе" за апрѣль 1867 года, хотя и указывалось, что къ этому времени приходскія попечительства открыты уже въ очень многихъ епархіяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ добавлялось, что на первыхъ порахъ эти новыя учрежденія во многихъ мѣстахъ вызывали разныя недоразумѣнія и даже столкновенія, неблагопріятныя успѣху дѣла [2]. Къ числу

[1] «Прав. Обозр.» февраль и май 1865 г. (въ отдѣлѣ замѣтокъ); «Орлов. епарх. вѣд.» 1865 г., № 3; стат. о церковныхъ попечительствахъ.

[2] Въ отчетѣ об.-прокурора за 1867 годъ указывалось, что учрежденіе приходскихъ попечительствъ шло медленно въ епархіяхъ: владимірской, костромской, тамбовской, пензенской и воронежской, а въ рижской совсѣмъ ихъ не было. Къ 1870 году приходскихъ попечительствъ числилось въ 54 епарх. и Груз. экз. 6002, а къ 1880 году въ 55 епарх. и Груз. экзарх.—11528; см. прилож. къ отчет. об-прокур. Св. Синода за 1870 и 1880 годы.

такихъ недоразумѣній авторомъ этой статьи отнесены притязанія причтовъ ставить на первомъ планѣ вопросъ о матеріальномъ улучшеніи своего быта и тѣмъ возбуждать въ прихожанахъ подозрѣніе въ излишнемъ попеченіи о своихъ собственныхъ интересахъ. Опуская мелочныя столкновенія, возникшія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ при выборахъ, мы отмѣтимъ два характерныхъ явленія, а именно: стремленіе многихъ попечительствъ, и притомъ въ разныхъ епархіяхъ, къ расширенію своихъ правъ по отношенію къ церковно-приходскому имуществу и къ выясненію юридическаго своего положенія по отношенію къ правительству и духовному начальству, и выраженіе нѣкоторыми попечительствами потребности, присущей изстари русскимъ людямъ, въ учрежденіи братскаго суда (вспомнимъ древнюю юридическую норму „братчина судитъ, какъ судьи“). Въ этомъ послѣднемъ отношеніи мы въ видѣ примѣра приведемъ слѣдующій случай: въ Смоленской губерніи, Духовщинскаго уѣзда, приходское попечительство села Радынь. по общему согласію прихожанъ, рѣшилось взыскивать денежные штрафы, отъ 5 коп. до 1 рубля и болѣе, смотря по обстоятельствамъ, за пороки, не преслѣдуемые гражданскимъ начальствомъ, но безчестящіе христіанина, именно: за нехожденіе въ храмъ Божій безъ уважительныхъ причинъ, за пьянство, сквернословіе, за ссоры и драки, особенно мужей съ женами, за безнравственныя игры и за жестокое обращеніе съ домашними животными [1]. Но конечно гораздо важнѣе обратить вниманіе на первое изъ указанныхъ выше явленій.

Контроль надъ общественными доходами и имуществами,

---

[1] «Прав. Обозр», мартъ, 1866 годъ, замѣтки, стр. 137. О нравственномъ воздѣйствіи попечительствъ на прихожанъ см отчетъ об прокур. Св. Син. за 1870 г. стр. 131, гдѣ приводятся примѣры изъ епархій: Смоленской, Тульской и Полтавской. Приведемъ еще одинъ случай: въ апрѣлѣ 1865 г. возникъ попечительный совѣтъ въ селѣ Карчкодомѣ, Любим. у, Яросл. губ.; зная обычай, существовавшій въ приходѣ, посылать мальчиковъ въ Петербургъ и Ригу въ услуженіе по трактирамъ, ресторанціямъ, харчевнямъ и нахожденіе ихъ безъ всякаго присмотра и руководства, совѣтъ озаботился пріисканіемъ особыхъ лицъ въ этихъ городахъ для наблюденія и попечительства за этими мальчиками. Движ. и совр. полож. вопроса объ улучш. быта прав. духовен.; «Рук. для сельск «пастыр. № 10, 1866 годъ.

каковыми по преимуществу являются церковные доходы и имущества, представлялся церковнымъ общинамъ, возродившимся въ формѣ попечительствъ, настолько естественнымъ, что иныя попечительства, какъ только устроились, такъ тотчасъ же и приступили къ повѣркѣ церковной отчетности и къ контролю надъ церковнымъ имуществомъ и доходами. Такъ, напримѣръ, одно попечительство Полтавской епархіи внесло въ программу своей дѣятельности, между прочимъ, слѣдующій пунктъ: „повѣрить приходорасходныя церковныя книги и наличную, какъ кошельковую, такъ и свѣчную сумму, осмотрѣть церковную утварь и прочее церковное имущество, и если представится необходимость въ исправленія недостатковъ, или пріобрѣтеніи чего-либо вновь, то удовлетворить эти потребности неотложно изъ капитала попечительства“ [1] Но всѣ такія естественныя и для дѣла полезныя стремленія попечительствъ къ контролю и къ свободному распоряженію церковно-приходскимъ имуществомъ были останавливаемы неизмѣнными резолюціями епархіальныхъ начальствъ такого рода: „церковный доходъ, какъ и все существующее при церкви имущество, должны быть неприкосновенными (какъ будто установленіе правильнаго и хорошаго контроля, въ которомъ такъ настоятельно нуждались наши церкви, могло въ чемъ-либо нарушить эту неприкосновенность; напротивъ того, съ учрежденіемъ только такого контроля могла бы изчезнуть позорная „утайка“), и состоя подъ непосредственнымъ наблюденіемъ мѣстнаго причта и церковнаго старосты (каковое наблюденіе самимъ высшимъ правительствомъ было признано негоднымъ) и на ихъ отвѣтственности (являющейся пустымъ звукомъ въ дѣйствительности, особенно по сравненію съ отвѣтственностью цѣлаго общества), распоряженію попечительства не подлежатъ и могутъ быть употребляемы на существенныя нужды церкви не иначе, какъ по особому разрѣшенію на то епархіальнаго начальства

---

[1] «Прав. Обозр.» апрѣль, 1867 годъ, замѣтки, стр. 124; см. также о широкихъ предположеніяхъ Новоспасскаго приходскаго попечительства (Смоленской губ.), стр. 128. См. о противодѣйствіяхъ къ открытію приходскихъ попечительствъ въ Калужской епархіи, «Дух. Вѣст.» 1866 г., февраль, стр. 303.

(какъ будто при существованіи общественнаго контроля такое разрѣшеніе устранялось).

Насколько такая настоятельная потребность въ повѣркѣ церковнаго имущества и доходовъ ощущалась почти повсемѣстно, можно усмотрѣть также изъ того офиціально заявленнаго факта, что съ самаго начала введенія въ дѣйствіе положенія о приходскихъ попечительствахъ не переставали поступать въ Св. Синодъ и къ оберъ-прокурору Св. Синода прошенія и ходатайства многихъ попечительствъ и нѣкоторыхъ губернскихъ земскихъ собраній о разрѣшеніи въ положительномъ смыслѣ возникавшихъ на практикѣ недоумѣній относительно правъ попечительствъ по контролю церковныхъ капиталовъ, по завѣдыванію церковными имуществами и по другимъ предметамъ церковно-приходскаго вѣдѣнія, причемъ, наприм., Пензенское губернское земское собраніе ходатайствовало о предоставленіи всѣхъ церковныхъ суммъ въ распоряженіе попечительствъ [1]. Но всѣ эти прошенія и ходатайства были оставляемы безъ послѣдствій, и, къ сожалѣнію, приходится отмѣтить, что жизненная сила приходскихъ попечительствъ была этими распоряженіями въ корнѣ подорвана, и они обречены на безцвѣтное существованіе. Именно, оберъ-прокуроръ Св. Синода во всеподданнѣйшемъ своемъ отчетѣ за 1868 годъ, касаясь дѣятельности приходскихъ попечительствъ, докладывалъ, что для нѣкоторыхъ изъ этихъ учрежденій потребовалось разъясненіе одной неправильности въ ихъ дѣйствованіи, обнаружившейся въ стремленіи, вопреки положенія 1864 года, распоряжаться церковными доходами и даже контролировать ихъ употребленіе. Для устраненія этого незаконнаго вмѣшательства Св. Синодъ поручилъ епархіальнымъ преосвященнымъ объявить по епархіямъ, что попечительства, на точномъ основаніи закона 1864 года, имѣютъ право распоряжаться только тѣми сум-

---

[1] См. церков лѣт. журн. «Духов Бесѣда», отъ 30 ноября 1868 года, а также «Духовн. Вѣст.», 1866 г. т. XV, сентябрь, стр. 113—115 Впослѣдствіи продолжались такія же ходатайства земствъ о передачѣ доходовъ и расходовъ церкви и прихода въ вѣдѣніе приходскихъ попечительствъ для усиленія средствъ на благотворительность вообще; напр, такое ходат. поступило въ 1882 году отъ Весьегонскаго уѣзд. земск собр (твер. губ.). Дѣло присутствія, 175.

мами, которыя собраны чрезъ ихъ посредство, и что всякое ихъ вмѣшательство въ распоряженіе церковными имуществами противно церковнымъ канонамъ [1]. Насколько однако всѣ эти желанія православныхъ мірянъ относительно завѣдыванія и контроля церковными имуществами и доходами мало противорѣчили церковнымъ канонамъ и въ глазахъ Св Синода, видно изъ того факта, что съ вѣдѣнія Св. Синода и особаго при немъ присутствія, а также съ одобренія литовскаго митрополита, были введены утвержденныя генераломъ отъ инфантеріи М. Н. Муравьевымъ 12 іюля 1864 года правила для церковныхъ совѣтовъ всего сѣверозападнаго края (шесть губерній), по каковымъ правиламъ всѣ таковыя желанія были безусловно удовлетворены [2]. Именно, совѣтъ являлся въ этомъ краѣ коллективнымъ представителемъ прихода, и ему предоставлялись всѣ права по завѣдыванію и распоряженію церковнымъ имуществомъ, принадлежавшія прежде причтамъ и церковнымъ старостамъ. Въ виду такого полномочія совѣты тотчасъ по ихъ открытіи должны были повѣрить и принять всѣ суммы и все церковное имущество, переходящее въ ихъ завѣдываніе, и даже свѣчныя суммы не были изъяты отъ такой общественной провѣрки [3].

---

[1] См. «Прав. Обозр.», февраль 1870 г.; изъ отчета об. прок. Св. Синода за 1868 года. Насколько Св. Синодъ, въ срединѣ 60-хъ годовъ, не допускалъ возможности проявленія самостоятельности православнаго прихода въ центральныхъ мѣстностяхъ Россіи видно изъ слѣдующаго факта, занесеннаго на страницы «церков лѣтописи», жур «Духов. Бесѣда» за 1867 г. (стр. 748) Именно тамъ обозначено, что Св. Синодъ, находя, что попечительства ни по цѣли, ни по составу своему не имѣютъ значенія самостоятельныхъ, т. е особыхъ для прихода и приходской церкви установленій, запретилъ имѣть попечительствамъ особыя печати

[2] См. Докладъ Высоч. утв. присут. по дѣламъ прав. духов отъ 15 февраля 1865 года, № 11.

[3] Профессоръ кіевской духовной академіи Малышевскій въ своей статьѣ „О церковно-приходскихъ попечительствахъ» (Кіевъ, 1878 г), подвергая оцѣнкѣ эти правила, высказываетъ, что въ характерѣ этихъ учрежденій, т. е. церковныхъ совѣтовъ для сѣверо-западнаго края усматривалось нѣкоторое недовѣріе къ прежнему значенію причтовъ въ завѣдываніи церковными имуществами и церковными доходами. Установился, говоритъ онъ, весьма властный контроль надъ ними по этому дѣлу—въ лицѣ учрежденія независимаго отъ церковнаго вѣдомства, а почти исключи-

Еще непонятнѣе кажется это настойчивое недопущеніе приходскихъ попечительствъ до повѣрки церковнаго имущества и доходовъ, когда въ принципѣ и по закону контроль надъ ними церковной общины не только не отрицается, но даже требуется и вмѣняется въ обязанность, причемъ самимъ же присутствіемъ существующая форма этого контроля (чрезъ церковнаго старосту) признана была негодною, такъ какъ приводила къ грустному для всего православнаго общества послѣдствію, а именно, къ „утайкѣ“ церковно-общественнаго достоянія по соглашенію причта со старостой.

Несомнѣнное признаніе со стороны закона необходимости такого контроля церковной общины давало полное право И. С. Аксакову обратиться съ нижеслѣдующимъ приглашеніемъ къ православному обществу, которое не лишено возможности и теперь выполнить это приглашеніе. Выставивъ всѣ невыгодныя стороны существующей системы управленія церковными имуществами и доходами, Аксаковъ въ своей статьѣ (см. „День“ за 1864 г., № 27 и 28) говоритъ: „въ заключеніе позволимъ себѣ предложить тѣмъ читателямъ, которые согласны съ этою нашею статьею, попытаться привести немедленно въ исполненіе 9 и 10 §§ инструкціи цер-

---

тельно отъ гражданскаго. И какъ не быть такому недовѣрію (замѣтимъ мы), когда, напр., въ статьѣ «Распоряженіе пензенскаго епархіальнаго начальства объ увеличеніи взноса прибыльной суммы отъ продажи свѣчъ въ церквахъ» (см. «Прав. Обозр.» окт. 1865 г., замѣтки, стр. 59) на основаніи тщательной провѣрки утверждалось, что въ церквахъ пензенской епархіи въ теченіе года продавалось свѣчей не 994 пуд. 4 ф., какъ показывалось въ церковныхъ книгахъ, а по меньшей мѣрѣ 3.000 пуд., т. е. втрое больше. Слѣдовательно и прибыльной суммы отъ продажи свѣчей въ церквахъ пензенская епархія должна бы представлять не 14 004 руб. 31 коп., какъ представляла тогда, а по крайней мѣрѣ 72 000 руб., полагая прибыли круглымъ числомъ по 60 коп на фун. — Интересно также прочитать въ іюньской книжкѣ «Прав. Обозр.» за 1865 г. статью «Петербургскія замѣтки», гдѣ авторъ, указывая на полное разстройство «прихода» въ Петербургѣ, заявляетъ, что церковныя хозяйства въ городѣ требуютъ неотложнаго исправленія. Въ дѣйствительности (говоритъ авторъ) распоряжается хозяйствомъ настоятель со старостой, причемъ денежные обороты вносятся въ приходо-расходныя книги за цѣлый годъ. Авторъ требуетъ большаго контроля и замѣчаетъ, что тогда и старосты меньше бы сберегали денегъ на пожертвованія въ церкви отъ с в о е г о имени.

ковнымъ старостамъ. Не найдутъ-ли они удобнымъ теперь же, въ урочные дни, назначенные этими параграфами, предложить священно и церковно служителямъ и церковнымъ старостамъ своихъ приходскихъ церквей, произвести освидѣтельствованіе суммъ, повѣрку книгъ, статей прихода и расхода въ своемъ присутствіи, и затѣмъ не потрудятся-ли они сообщить свѣдѣнія о результатахъ этой ихъ первой попытки—къ намъ въ редакцію для напечатанія въ нашей газетѣ". На основаніи §§ 41, 42, 43, 44, 45 и 46 новой инструкціи церковнымъ старостамъ, утвержденной 12 іюня 1890 года, такую провѣрку церковнаго имущества и доходовъ, на которую приглашалъ Аксаковъ, еще легче произвести нынѣшнимъ представителямъ отъ прихода, а потому въ настоящее время устраненіе приходскихъ попечительствъ, состоящихъ изъ тѣхъ-же представителей-прихожанъ отъ провѣрки и распоряженія этимъ имуществомъ и доходами потеряло уже всякій смыслъ, а равно потеряла цѣну и совершенно излишняя и подчасъ вредящая интересамъ прихода опека надъ административно-хозяйственными дѣлами церквей со стороны консисторій, принимающихъ чисто формальное представительство предъ властями и на судѣ по этимъ дѣламъ. Наконецъ, укажемъ, что въ отдѣльныхъ случаяхъ сами преосвященные уважали ходатайства попечительствъ объ обращеніи части изъ церковной суммы на такія потребности прихода (напримѣръ, устройство домовъ для причта, на школу), которыя не могли быть удовлетворены средствами попечительствъ. Были случаи, что попечительствамъ поручалось провѣрять церковныя суммы Такъ, преосвященный камчатскій поручалъ такую провѣрку попечительствамъ въ приморской области по затруднительности въ той области проѣзда для благочинныхъ, производящихъ провѣрку въ другихъ епархіяхъ [1].

Очевидно, что слабость развитія приходскихъ попечительствъ зависитъ отъ недозволенія закона 1864 года этимъ попечительствамъ принимать ближайшее участіе въ завѣдываніи и распоряженіи церковно-общественными иму-

---

[1] Малышевскій «О церковно-приходскихъ попечительствахъ», стр. 49. свѣдѣніе заимствовано изъ отчета об. прокур Св. Синода за 1869 г., стр. 115.

ществами и доходами. Признаніе же за ними этого права неминуемо повлечетъ къ возстановленію „прихода“, какъ юридическаго лица, и только это возстановленіе поставитъ на твердую почву церковно-общественную дѣятельность въ Россіи [1].

Ограничивъ объемъ своей статьи пятнадцатилѣтнимъ періодомъ (1855—1870 г.), мы не ставимъ себѣ задачей выяснить всѣ причины малоплодности и безсилія приходско-попечительской дѣятельности, осуществляющейся въ теченіе послѣднихъ 35 лѣтъ и требующей общаго обзора за весь этотъ послѣдній періодъ времени на основаніи вѣрныхъ статистическихъ данныхъ для того, что-бы выводы о ней были основательны и убѣдительны. Въ заключеніе же нашего обзора объ учрежденіи этихъ попечительствъ мы приведемъ два мнѣнія лицъ, близко ознакомившихся съ характеромъ и дѣятельностью ихъ, а именно, мнѣніе профессора кіевской духовной академіи Малышевскаго, смотрящаго нѣсколько оптимистически, какъ на самое положеніе о приходскихъ попечительствахъ, такъ и на дѣятельность ихъ въ промежутокъ времени съ 1864 по 1878 годы, и мнѣніе автора статьи „Вопросъ о церковно-приходскихъ попечительствахъ“ (напечатана въ журналѣ „Бесѣда“ за 1872 г., т. XII), находящаго коренные недостатки, какъ въ законѣ о попечительствахъ, такъ и въ дѣятельности ихъ

Профессоръ Малышевскій въ своей статьѣ „О церковно-приходскихъ попечительствахъ“ (Кіевъ, 1878 г) приведя любопытную справку о положеніи „прихода“ въ древне-христіанской церкви, утвержденномъ каноническими правилами, и о широкомъ участіи мірянъ въ дѣлахъ церковныхъ не только на востокѣ, но и у насъ въ древней Россіи, указывалъ, что „развитіе религіозной самодѣятельности“ въ цѣломъ кругѣ религіозно-общественныхъ или церковныхъ интересовъ и дѣлъ можетъ съ гораздо большимъ удобствомъ и плодовитостью совершаться въ готовыхъ, повсюду суще-

---

[1] О слабости этого развитія говорилось и въ семидесятыхъ годахъ (см. напр., статью «Вопросъ о церковныхъ попечительствахъ» въ журналѣ «Бесѣда», 1872 г., т XII), говорится и въ настоящее время (см. напр., «Церковный Вѣстникъ», 1894 г., № 14 «по поводу предстоящаго пересмотра положенія о приходскихъ попечительствахъ» и «Странникъ», февраль 1900 годъ, «хроника епархіальной жизни)».

ствующихъ кругахъ церковной союзности, называемыхъ церковными приходами и имѣющихъ органы для такой дѣятельности въцерковно-приходскихъ совѣтахъ и попечительствахъ“ По мнѣнію проф. Малышевскаго, составъ приходскаго общества, въ положеніи о попечительствахъ 1864 года, опредѣляется въ точномъ древне-церковномъ смыслѣ „парикіи“, т. е. общества христіанъ всякаго званія и состоянія, живущихъ по близости, въ предѣлахъ прихода, ходящихъ въ одну и ту же церковь, имѣющихъ одного и того-же духовнаго пастыря. Участіе въ молитвенныхъ собраніяхъ одной и той-же церкви есть единственная основа, какъ принадлежности ихъ къ церковно-приходскому обществу, такъ и права на участіе въ общихъ церковно-попечительскихъ собраніяхъ. Въ связи съ кругомъ дѣлъ попечительства стоитъ также характерное опредѣленіе личнаго состава попечительства, какъ представительства приходскаго общества, какъ органа его религіозно-общественной самодѣятельности, а потому и предсѣдатель попечительства избирается прихожанами изъ среды ихъ, такъ что имъ можетъ быть (также по избранію) и приходскій священникъ, который во всякомъ случаѣ есть непремѣнный членъ попечительства. Не высказывая своего взгляда о наиболѣе осязательной сторонѣ каноническихъ отношеній новаго учрежденія къ церкви, а именно, со стороны отношеній его къ существующему церковному имуществу, проф. Малышевскій относится сочувственно къ поставленію попечительствъ въ ближайшее вѣдѣніе епархіальнаго начальства. Онъ полагаетъ, что вопросы, явленія, интересы, связанные съ новымъ учрежденіемъ, могутъ давать поводы къ пастырско-учительскимъ воззваніямъ или посланіямъ, обычнымъ въ древней церкви, могутъ давать поводы архипастырямъ обращаться къ приходскимъ обществамъ, въ лицѣ ихъ представителей, по вызову отъ нихъ самихъ, съ словомъ одобренія и наставленія, не только касательно внѣшняго благоустройства ихъ, но и нравственной дисциплины, вообще христіанско-общественной ихъ жизни.

Представивъ краткія свѣдѣнія объ открытіи попечительствъ и сдѣлавъ небольшой обзоръ ихъ дѣятельности приблизительно за десять лѣтъ, профессоръ Малышевскій, замѣтя, что по обезпеченію духовенства попечительства сдѣ-

лали немного и что пожертвованія наиболѣе поступаютъ въ тѣ попечительства, гдѣ предсѣдателями являются не священники, высказываетъ надежду, что попечительства выработаютъ въ будущемъ начала сердечной и разумной христіански-общественной благотворительности, и добавляетъ, что взглядъ на отвѣтственность цѣлаго общества за нищету, живущую въ средѣ его, какъ за зло общественное, и на обязанность общества не допускать у себя этого зла— лежитъ въ первобытныхъ религіозно-общественныхъ воззрѣніяхъ русскаго народа. Дѣлами благотворительности (говоритъ далѣе авторъ), по мысли „положенія", завершается кругъ дѣлъ, лежащихъ на попечительствахъ. Но движимыя самобытными, издалека идущими внушеніями религіозно-общественнаго сознанія, органомъ котораго они служатъ, попечительства съ первой же поры своего возникновенія открыли себѣ еще одну область дѣятельности—это область общественнаго, религіозно-нравственнаго самовоспитанія въ духѣ христіанства, и въ связи съ тѣмъ, религіозно-общественной дисциплины, столь сильной нѣкогда въ древнихъ христіанскихъ обществахъ, знакомой и нашимъ древнимъ общинамъ и братствамъ (авторъ разумѣетъ: нравственный надзоръ за сочленами, нравственный судъ и добровольное самообложеніе). Въ концѣ профессоръ Малышевскій говоритъ, что онъ, по обозрѣніи дѣятельности попечительствъ, далекъ отъ скептицизма, съ какимъ нерѣдко отзывались и отзываются у насъ объ этихъ учрежденіяхъ, и полагаетъ, что успѣхъ дѣла во многомъ будетъ зависѣть отъ того, насколько образованные классы проникнутся духомъ учрежденія и примкнутъ чрезъ него къ народу, насколько поднимется нравственное, руководительное вліяніе въ немъ духовныхъ пастырей.

Въ статьѣ „Вопросъ о церковно-приходскихъ попечительствахъ" („Бесѣда", 1872 г., т. XII) авторъ, прежде чѣмъ приступить къ изложенію своихъ взглядовъ на положеніе церковно-приходскихъ попечительствъ, дѣлаетъ такое вѣрное замѣчаніе: „нужно мало-мальски только знать исторію своего народа, чтобы признать несомнѣннымъ фактомъ, что вѣра и церковь были самымъ могущественнымъ мотивомъ въ жизни народной, что во имя религіи совершались не только дѣла благотворительности, но даже великіе под-

виги гражданскіе и политическіе; во имя вѣры народъ не разъ отстаивалъ свое отечество отъ внѣшнихъ враговъ; въ своей вѣрѣ русскій народъ не разъ находилъ утѣшеніе и энергію въ самыя трудныя минуты своей политической жизни.... И послѣ этого еще поворачивается языкъ говорить, что отъ того плохо идутъ попечительства, что русское общество не желаетъ въ своей благотворительной дѣятельности становиться подъ сѣнь своей церкви!... Итакъ (спрашиваетъ авторъ), отчего же плохо идутъ наши церковныя попечительства?"

Устройство приходскихъ попечительствъ положеніе предоставляетъ епархіальному архіерею при ближайшемъ содѣйствіи мѣстнаго духовенства; высшій надзоръ, контроль надъ попечительствами и разрѣшеніе всякаго рода недоумѣній предоставлены также епархіальной власти; словомъ, попечительства вполнѣ подчинены этой власти. Вотъ здѣсь то (по мнѣнію автора) и обнаруживается какъ нельзя болѣе неправильная и недостаточно широкая постановка вопроса о попечительствахъ. Ни для кого не тайна, что наше епархіальное управленіе,—и даже пожалуй болѣе, чѣмъ всякое другое—имѣетъ характеръ канцелярскій, бюрократическій, который безъ сомнѣнія весьма невыгодно отзывается на церковной и вообще религіозной жизни нашего отечества, сковывая въ мертвую, приказную форму живое, внутреннее, и, по преимуществу, свободное служеніе Богу.

Но помимо этого существеннаго недостатка надо замѣтить (говоритъ авторъ), что и само духовенство отнеслось на первыхъ порахъ небрежно и поверхностно къ учрежденію попечительствъ. Оно было имъ невыгодно. Попечительство, давая возможность мірянамъ-прихожанамъ принимать ближайшее участіе въ дѣлахъ церковныхъ, могло до нѣкоторой степени контролировать и дѣятельность самого духовенства, его отношенія къ прихожанамъ, исполнительность къ службѣ, взиманіе платы за требы, которое иногда очень походитъ на вымогательство и т. д.

Но самымъ сильнымъ ударомъ для попечительствъ, который долженъ окончательно уничтожить ихъ,—это (по мнѣнію автора) распоряженіе духовнаго начальства, изданное въ 1869 году Это распоряженіе разъясняло, что въ вѣдѣніе попечительствъ должны поступать только средства и

суммы, пожертвованныя прихожанами особо и спеціально въ попечительство; всѣ-же остальныя церковныя суммы по прежнему остаются въ полномъ распоряженіи мѣстнаго духовенства;—до нихъ попечительству нѣтъ никакого дѣла. Находя, что между этимъ распоряженіемъ и учрежденіемъ попечительства есть внутреннее противорѣчіе, авторъ замѣчаетъ, что источникъ, какъ для церковныхъ доходовъ, такъ и для попечительствъ—одинъ; это пожертвованія прихожанъ, а потому нѣтъ въ сущности никакого резона однимъ и тѣмъ же лицамъ и для однихъ и тѣхъ же цѣлей заводить двѣ кассы—и изъ нихъ главную, болѣе вѣрную и богатую, отдавать въ чужое завѣдываніе и распоряженіе. Если прихожане всѣ свои пожертвованія въ пользу храма и прихода направятъ въ попечительскую кассу, то доходы собственно церковные должны упасть до крайняго minimum'а. Въ обратномъ случаѣ — попечительства будутъ излишними.

Сдѣлавъ вѣрное замѣчаніе, что во всякомъ общественномъ дѣлѣ важна не столько внѣшняя его сторона, внѣшняя его организація, сколько внутренніе его мотивы, такъ сказать, живая его душа, авторъ находилъ церковно-приходскія попечительства, въ настоящемъ ихъ видѣ и при нынѣшнихъ условіяхъ — явленіемъ довольно страннымъ. Цѣль ихъ—благоустройство храма и причта и благотворительность. Но вѣдь (говоритъ авторъ) объ этомъ же самомъ долженъ заботиться, и дѣйствительно заботится, и теперешній приходъ: онъ поддерживаетъ и украшаетъ свой храмъ, содержитъ духовенство и благотворитъ по возможности,—къ чему-же особое попечительство?

Всѣ эти соображенія привели автора къ такому заключенію, что для привлеченія общественнаго сочувствія къ дѣлу благотворительности, на пользу и во имя церкви, нѣтъ надобности придумывать и создавать новыя учрежденія и комбинаціи, нѣтъ надобности заводить разнокалиберныя status in statu; — у насъ есть (по указанію автора) для этого уже готовая, давнишняя, вѣковая, можно сказать, и самая простая организація, приходъ, или церковная община, группирующаяся около извѣстной церкви. „Какъ ни хитрите, (говоритъ авторъ), что ни толкуйте, но эта община — единственный источникъ и фондъ церковныхъ доходовъ. Если

же сочувствіе и помощь этой общины на пользу церкви и духовенства и на предметы общественной благотворительности не достаточны, то ясно, что это зависитъ отъ неправильной организаціи, отъ неправильныхъ отношеній прихода къ своей церкви и духовенству. Значитъ, чтобы помочь дѣлу, надобно дать этой общинѣ надлежащую организацію, а не довольствоваться полумѣрами — въ родѣ настоящихъ церковно-приходскихъ попечительствъ".

Въ этомъ мѣстѣ своего изслѣдованія авторъ вдается въ критику нынѣшняго положенія прихода и замѣчаетъ, что приходъ нашъ въ настоящемъ своемъ видѣ не составляетъ одного цѣлаго. Активная роль въ управленіи и распоряженіи дѣлами церковными, не исключая даже и чисто-хозяйственныхъ, принадлежитъ духовенству; отъ прихода же принимаютъ только „пожертвованія", которыя и расходуются духовенствомъ по своему усмотрѣнію. Такія бюрократическія и чисто чиновничьи отношенія духовенства къ приходу и къ церковному имуществу въ частности, само собою разумѣется не могутъ возбуждать прихожанъ къ широкой благотворительности на предметы, входящіе въ программу дѣятельности попечительствъ. У кого же, въ самомъ дѣлѣ (спрашиваетъ авторъ), будетъ охота отдавать свои деньги въ руки другого, когда самъ жертвователь не только не распоряжается ими, но даже не знаетъ хорошенько, куда онѣ дѣваются?

Само положеніе духовенства въ приходѣ совершенно ненормально — по мнѣнію автора. Приходскій священникъ нынѣ едва ли больше, какъ только чиновникъ, присланный начальствомъ для отправленія извѣстной службы, съ тою только разницей отъ другихъ чиновниковъ, что кругъ его обязанностей шире ихъ и не такъ точно опредѣленъ, и ему не положено за это никакого опредѣленнаго содержанія, какъ другимъ, а онъ долженъ самъ выпрашивать его у тѣхъ, кому служитъ. Кастичность духовенства совершенно отдѣлила его отъ остального общества, отняла у него и возможность и охоту заниматься общими интересами, лишила его въ свою очередь общественной симпатіи, внесла неподвижность, застой, мертвенность и схоластику въ жизнь самого духовенства, въ проповѣдь и духовную науку. Есть ли нашему народу, — привыкшему къ бѣдности и нуждѣ и

рѣдко видящему вокругъ себя довольство выше того, какимъ пользуется духовенство, — поводъ заботиться о возвышеніи его матеріальнаго довольства.

Подводя итогъ своимъ соображеніямъ о современномъ положеніи православнаго прихода, авторъ находитъ въ немъ раздробленность и разрозненность элементовъ его составляющихъ, и эти элементы мало того что разрознены, они даже враждебны между собою. Одна часть прихода — прихожане — должны играть чисто пассивную роль: давать, жертвовать и не принимать никакого активнаго участія въ дѣлахъ церковно-приходскихъ; а другая часть — духовенство, пастырство, — сбирать, принимать и заправлять всѣми церковно-приходскими дѣлами, не только безъ контроля, но и безъ вѣдома прихода. Очевидно, что части эти не органически соединены между собою, а сшиты насильственно и, какъ говорится, на живую нитку. Отсюда происходитъ между ними раздѣленіе — и внѣшнее и внутреннее, раздѣленіе и слабость средствъ и силъ матеріальныхъ, а также духовныхъ, и полная деморализація, какъ и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ; отсюда происходитъ умаленіе всякаго движенія и развитія нашей религіозно-церковной жизни, формализмъ, безсодержательная обрядность, косность и неподвижность вполнѣ естественныя и необходимыя послѣдствія такого порядка дѣлъ.

Для того, чтобы внести въ эту темную и мертвую среду свѣтъ и жизнь, очевидно, необходимо соединить разрозненныя и механически составленныя части такого трупа, что зовется приходомъ, въ одинъ живой и стройный организмъ, т. е. образовать изъ него свободную, самостоятельную церковную общину въ полномъ смыслѣ этого слова, въ которой всякій, принадлежащій къ ней, былъ бы активнымъ и самостоятельнымъ членомъ и могъ бы принимать личное и живое участіе въ религіозно-церковной жизни прихода, во всей совокупности, не исключая, не только содержанія и контроля надъ духовенствомъ, но и самаго даже назначенія его на мѣста.

Въ своей послѣдней части изслѣдованія, и самой важной, авторъ высказываетъ свои соображенія о преобразованіи теперешняго прихода и находитъ, что оно въ настоящее время не представляетъ особенныхъ затрудненій.

Наше время особенно богато мотивами, побуждающими развивать общинную жизнь — говоритъ авторъ. Прежде всего данная народу воля, возстановленіе и устройство крестьянской общины, давшей народу возможность самостоятельно управляться въ своихъ мірскихъ дѣлахъ, представляетъ уже готовую форму и готовый матеріалъ для новой организаціи прихода. Даже для большаго удобства можно бы сдѣлать такъ, чтобы приходская община по возможности совпадала съ сельской. Наконецъ, образованіе церковно-приходской общины представляетъ еще то удобство, что это единственное общество людей безъ различія состояній и сословій; въ ней только могутъ быть устранены тѣ рознь и раздѣленіе, внесенныя въ нашу жизнь исторіей, которыя такъ много теперь мѣшаютъ свободному развитію общественной жизни.

Идея прихода, какъ совершенно свободной, самостоятельной церковной общины, совершенно согласна съ духомъ православной церкви, и организація такой общины будетъ возстановленіемъ вполнѣ законнымъ и желательнымъ того порядка, который существовалъ въ древней церкви. По идеалу, очень ясно начертанному въ священныхъ книгахъ новозавѣтныхъ, церковь должна составлять одинъ живой и дѣятельный организмъ, въ жизни котораго не должно быть мертвыхъ и безжизненныхъ членовъ, а всѣ должны быть живы и дѣйствовать на пользу церкви (1 Посл. Коринѳ. хп, 25 — 27). Дальнѣйшая исторія церкви также представляетъ неоспоримыя свидѣтельства и ясные факты самаго близкаго нравственнаго единства между духовенствомъ и обществомъ, между іерархіей церковной и мірянами, — и самаго живаго и дѣятельнаго участія мірянъ въ дѣлахъ церковныхъ. Въ подкрѣпленіе своего положенія о такихъ нравственныхъ отношеніяхъ между духовенствомъ и обществомъ авторъ между прочимъ ссылается на прекрасную характеристику этихъ отношеній, сдѣланную однимъ изъ отцевъ церкви (Исидоромъ Пелусіотомъ). „Епископы и пресвитеры первенствующей церкви (говоритъ онъ въ письмѣ 306; твор. св. от., рус. пер. 1860, кн. 2, стр. 248) болѣе сохраняли, нежели попирали общее равенство всѣхъ христіанъ, признавая, что ихъ служеніе подлежитъ отвѣтственности, а не власть не судимая, отеческая попечитель-

ность, а не самоуправное самозаконіе, — домостроительная распорядительность, а не безотчетное властвованіе".

Далѣе, авторъ указываетъ, что преобразованіе прихода въ свободную и самоуправляющуюся общину сопровождалось бы неисчислимыми благими послѣдствіями для всѣхъ— и прежде всего въ матеріальномъ отношеніи. Усердіе, искренняя забота нашихъ прихожанъ о благоустройствѣ храмовъ Божіихъ увеличилось-бы гораздо больше, если-бы завѣдываніе и распоряженіе приходскими суммами предоставлено было самой приходской общинѣ. Но приходская благотворительность при такомъ положеніи дѣла, конечно, не ограничивалась бы только благоустройствомъ одного храма, — она, безъ сомнѣнія, щедро распространилась бы тогда и на общественныя собственно нужды приходской общины—на школы, богодѣльни и т. п. Хотя объ устройствѣ подобныхъ заведеній заботятся теперь и земство и правительство, но имѣемъ всѣ основанія думать (прибавляетъ авторъ), что общество съ большою охотою сюда бы именно направило свою благотворительную дѣятельность и всѣмъ другимъ органамъ въ этомъ случаѣ предпочло бы церковную общину, ибо всѣ жертвы и приношенія, идущія въ распоряженіе приходской общины, будутъ находиться въ исключительномъ и совершенно самостоятельномъ ея завѣдываніи, будутъ составлять полную ея собственность и потому пойдутъ прямо на ея нужды и потребности. Церковно-приходская община представляетъ наиболѣе нейтральную почву, гдѣ менѣе всего могутъ сталкиваться сословные интересы — что, какъ извѣстно, составляетъ весьма серьезное препятствіе для правильнаго развитія земскаго дѣла.

При такой реформѣ прихода и улучшеніе быта духовенства и даже его матеріальное обезпеченіе было-бы поставлены на твердыхъ и прочныхъ основаніяхъ. Нужно главнѣе всего, чтобы должности священно-служительскія замѣщались съ большею серьезностью и внимательностью, чѣмъ оно дѣлается теперь — и непремѣнно при участіи прихожанъ. Нужно, чтобы переводы и перемѣщенія священника изъ одного прихода въ другой были какъ можно рѣже и только по особенно уважительнымъ причинамъ, ибо нельзя упускать изъ вида, что и бѣдному приходу, точно также

какъ и богатому, нуженъ достойный и добрый пастырь. При такихъ условіяхъ между клиромъ и приходомъ установилась бы тѣсная и живая связь; пастырь стоялъ бы тогда на соотвѣтствующей его служенію высотѣ и былъ бы великою и благотворной силой, живымъ агентомъ въ духовной жизни своего прихода. Тогда священникъ не былъ бы для прихожанъ тяжестью, и содержаніе его не было бы для нихъ бременемъ и вынужденнымъ поборомъ. Что для человѣка дорого, что ему нужно, на то онъ не бываетъ скупъ.

Но значеніе и польза преобразованія настоящаго прихода въ свободную общину далеко не исчерпываются только матеріальною стороною, да это еще и не самое главное дѣло. Свободная и самостоятельная приходская община лучше всего содѣйствовала бы оживленію и развитію религіозныхъ интересовъ и вообще религіозной жизни въ обществѣ, чего теперь, къ сожалѣнію, нѣтъ. Только идеалъ жизни, выставляемый христіанствомъ, можетъ призвать человѣка къ постоянной и упорной работѣ — и прежде всего надъ самимъ собою; только онъ можетъ оживлять и направлять всѣ силы человѣческаго духа и возбуждать ихъ къ высокимъ нравственнымъ подвигамъ. Очевидно отсюда, какъ важно и благотворно для общества, чтобъ этотъ идеалъ былъ ясенъ сознанію каждаго, чтобъ онъ постоянно оживлялся и былъ присущъ жизни и дѣятельности каждаго. А между тѣмъ общество наше религіозную область всю безъ остатка отдаетъ на долю духовенства, считая ее спеціальнымъ его дѣломъ, а само ограничивается въ этомъ случаѣ только исполненіемъ внѣшнихъ обрядовъ религіи, имѣющихъ отношеніе къ его гражданской жизни и издавна освященныхъ обычаемъ, какъ будто религія есть нѣчто постороннее для него и не касающееся его.

Для правильнаго хода религіозной жизни и нормальнаго положенія церкви (по мнѣнію автора) необходимо, чтобы вѣрующіе, кромѣ личнаго духовнаго подвига, кромѣ личнаго удовлетворенія своихъ религіозныхъ потребностей при посредствѣ церкви, принимали живое и дѣятельное общественное участіе въ интересахъ и дѣлахъ своей церкви. А это возможно только при единственномъ условіи преобразованія нашего теперешняго, разношерстнаго прихода, со-

ставленнаго изъ различныхъ элементовъ, въ свободную общину на началахъ самоуправленія При этомъ, авторъ спѣшитъ оговориться, что онъ вовсе не смотритъ на церковную общину, какъ на какую-то панацею—всецѣлящую насъ отъ всевозможныхъ золъ и недостатковъ въ нашей церковной жизни. Онъ смотритъ на нее только какъ на начало и первое необходимое условіе правильнаго развитія и теченія этой жизни. Чѣмъ больше всего поддерживается (продолжаетъ авторъ) нашъ расколъ, особенно поповщинская его половина? Автору думается, что сила раскола — въ общинной организаціи его послѣдователей - въ томъ, что въ немъ само общество имѣетъ прямое и непосредственное участіе и вліяніе на всѣ дѣла церковныя, не исключая и назначенія пастырей, — что въ расколѣ, слѣдовательно, предоставлена большая свобода для выраженія религіознаго чувства. Поэтому и въ отношеніи къ расколу общинное устройство прихода было бы, съ одной стороны, лучшимъ противодѣйствіемъ раскольничьей пропагандѣ въ средѣ народа, а съ другой — могущественнымъ средствомъ для привлеченія раскольниковъ къ православію. Настоящее положеніе нашей церкви отрицаетъ впрочемъ не однихъ только раскольниковъ, но и горячо ищущихъ съ нами церковнаго единенія — старокатоликовъ.

Опираясь на великій историческій примѣръ нашихъ западно-русскихъ братствъ, въ основѣ которыхъ лежала идея живаго, свободнаго и дѣятельнаго участія всякаго вѣрующаго въ дѣлахъ своей вѣры и церкви, и припоминая великія реформы царствованія императора Александра II, авторъ въ заключеніе говоритъ, что преобразованіе прихода вызывается всѣмъ строемъ и развитіемъ нашей теперешней общественной жизни.

Ужели-же (восклицаетъ онъ) среди всѣхъ этихъ реформъ только церковной жизни, жизни по самому существу своему наиболѣе свободной, не коснется этотъ духъ времени, оживляющій сухія и мертвыя кости, духъ жизни свободной и самодѣятельной, — ужели съ нея только не будутъ сняты тѣ бюрократическія оковы, которыя историческія обстоятельства наложили на нее, вмѣстѣ съ другими сторонами и областями русской жизни?

„По нашему мнѣнію (такъ заключаетъ свое изслѣдованіе

авторъ) лучшимъ средствомъ для возбужденія истинной религіозности и лучшимъ противодѣйствіемъ всѣмъ нареканіямъ на вѣру и церковь была бы церковная реформа въ смыслѣ допущенія болѣе близкаго участія въ дѣлахъ церкви всѣхъ членовъ ея, не исключая и мірянъ. И настоитъ крайняя надобность въ этой реформѣ, потому что при быстромъ развитіи самоуправленія и общественной жизни вообще теперешніе порядки церковные, какъ не соотвѣтствующіе этому обычному характеру жизни, будутъ казаться все болѣе и болѣе ненормальными, все менѣе и менѣе симпатичными,— недовѣріе къ церковному управленію, а отсюда и къ самой церкви будетъ естественно все болѣе и болѣе усиливаться, церковь же станетъ особнякомъ и внѣ движенія общественной жизни. А легко потерять общественное довѣріе и симпатію, но трудно бываетъ ихъ возстановить Для послѣдняго нужны особенно благопріятныя обстоятельства. И тѣ люди, которые всему въ религіи, даже чисто-внѣшнимъ и чисто-временнымъ историческимъ обрядамъ и учрежденіямъ церковнымъ, хотятъ придать характеръ догматической неизмѣнности и упорно противятся всякимъ, даже самымъ незначительнымъ реформамъ церковнымъ, оказываютъ дурную услугу своей церкви: они губятъ самый живой родникъ религіозной жизни, уничтожаютъ и извращаютъ самый могущественный и возвышенный мотивъ человѣческой жизни".

Сужденія, высказанныя обоими приведенными выше авторами относительно положенія приходскихъ попечительствъ въ Россіи, основываются не на однихъ теоретическихъ только началахъ, а на многолѣтнемъ опытѣ, такъ какъ со времени написанія первой статьи прошло уже около 14 лѣтъ съ момента введенія положенія объ этихъ попечительствахъ въ дѣйствіе, а ко времени написанія второй статьи—около 8 лѣтъ При этомъ надлежитъ замѣтить, что сужденія автора второй статьи о малополезности приходскихъ попечительствъ для церковной жизни все болѣе упрочиваются въ нашей литературѣ, такъ какъ подкрѣпляются фактами, удостовѣряющими изъ года въ годъ о безцвѣтной дѣятельности этихъ попечительствъ, не удовлетворившихъ ни духовенство, ни мірянъ.

X.

Статьи Д. Ѳ. Самарина „Приходъ“.—Сокращеніе приходовъ.—Ходатайство Московскаго губернскаго земскаго собранія въ 1880 году о признаніи за приходами правъ юридическаго лица.—Отвѣтъ св. Синода.—Синодальный циркуляръ 20 апрѣля 1900 года.—Неудавшаяся попытка къ укрѣпленію за православными церквами права на свободное пріобрѣтеніе недвижимой собственности.—Заключеніе

Въ заключеніе нашего краткаго обзора литературы шестидесятыхъ годовъ по церковно-общественнымъ вопросамъ укажемъ на выдающіяся статьи Д. Ѳ. Самарина, подъ заглавіемъ „Приходъ“, помѣщенныя въ газетѣ И. С. Аксакова „Москва“ за 1867 годъ въ №№ 101, 103, 105, 107, 108, 151 и 153.

Заявивъ, что положеніе приходскихъ общинъ у насъ является вполнѣ жалкимъ и безгласнымъ, Д. Ѳ. Самаринъ указывалъ, что въ старину однако эти общины были довольно самостоятельными въ дѣлахъ церковно-приходскаго управленія; онѣ избирали священниковъ и прочихъ членовъ причта и, за уплатою извѣстнаго оклада въ пользу высшихъ іерархическихъ властей, самостоятельно распоряжались церковными доходами. Къ сожалѣнію эти приходскія единицы не успѣли сплотиться въ юридически опредѣленныя и организованныя общины и были подавлены въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи. Въ доказательство такой самостоятельности приходскихъ общинъ и той борьбы за свое существованіе, которую онѣ выдерживали въ первой половинѣ XVIII вѣка, авторъ между прочимъ ссылается на извѣстное дѣло псковскихъ приходовъ съ мѣстною епархіальною властью, насильственно отнимавшей у этихъ приходовъ принадлежавшее имъ съ давнихъ временъ право распоряженія церковно-приходскимъ имуществомъ [1]. Въ теченіи того же XVIII вѣка Синодъ, по даннымъ приводимымъ авторомъ, сталъ сосредоточивать въ рукахъ духовнаго начальства завѣдываніе церковно-приходскими сборами и высшая іерархія—не смотря на принципіальное разрѣшеніе спора по сему предмету Сенатомъ отъ 6 іюля 1733 года въ пользу смѣшаннаго завѣдыванія церковнымъ хозяй-

[1] Подробности этого дѣла приведены въ сочиненіи А. Пашкова «Упадокъ православнаго прихода» (Москва, 1900 г.), стр. 38—46.

ствомъ, какъ духовенствомъ, такъ и мірянами — стала открыто отрицать право собственности отдѣльныхъ приходскихъ церквей на ихъ имущества и доходы. Такимъ образомъ, по понятію высшаго духовнаго начальства, все пожертвованное (недвижимость и капиталы) на тотъ или другой храмъ становится собственностью не того храма или прихода, а всей вообще церкви, а посему всѣ такія имущества и доходы приходскіе не могутъ быть въ завѣдываніи приходскихъ обществъ, а состоятъ въ вѣдѣніи духовнаго начальства. Этотъ взглядъ былъ практически осуществленъ въ извѣстномъ законѣ 26 іюня 1808 года, въ силу котораго частныя „экономическія“ суммы приходскихъ церквей (около 6 милліоновъ) были у нихъ отняты, а свѣчной сборъ былъ цѣликомъ изъятъ изъ числа приходскихъ доходовъ, съ назначеніемъ его на содержаніе духовныхъ училищъ. Изъятіе это было равносильно оставленію приходскихъ церквей почти безъ всякихъ средствъ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, по заявленію автора, помѣщики въ качествѣ представителей приходскихъ общинъ пытались дать отпоръ вышеуказаннымъ распоряженіямъ, особенно касавшимся отобранія церковныхъ капиталовъ. Такимъ образомъ авторъ относитъ къ первому десятилѣтію XIX вѣка замѣну самоуправленія приходскихъ общинъ — церковно-административнымъ бюрократическимъ строемъ.

Такое упраздненіе мѣстныхъ церковныхъ средствъ и сказанная замѣна управленія ими, привели, по мнѣнію Д. Ѳ. Самарина, ко многимъ грустнымъ явленіямъ, въ числѣ которыхъ онъ на первомъ планѣ ставитъ „утайку церковныхъ средствъ, справедливо имъ названной“ терпимымъ святотатствомъ“. Замѣтивъ, что при господствѣ крѣпостнаго права нельзя было дать приходской общинѣ правильной организаціи, авторъ выражаетъ надежду, что съ отмѣною этого права и съ признаніемъ за созданнымн по закону 1864 года приходскими попечительствами ихъ значенія свободныхъ общественныхъ учрежденій, явится возможность возсоздать православный приходъ, — какъ юридическое лицо, имѣющее ему свойственную и признанную закономъ организацію. Приведя еще въ началѣ своей статьи историческую справку, что церковь у насъ никогда не поглащалась клиромъ, Д. Ѳ. Самаринъ замѣчаетъ, что цѣлое церкви за-

виситъ отъ устойчивости и живой самодѣятельности тѣсно съ ней связанныхъ (на подобіе членовъ тѣла) мелкихъ единицъ, т. е. правильно организованныхъ приходовъ.

Нѣсколько позднѣе, именно въ 1873 году, Д. Ѳ. Самаринъ выступилъ горячимъ защитникомъ приходскихъ правъ вслѣдствіе умаленія ихъ правительственнымъ мѣропріятіемъ 1869 года о сокращеніи приходовъ и состоящихъ при нихъ причтовъ („Сокращеніе приходовъ и обезпеченіе духовенства“, Москва, 1873 г).

Еще въ самомъ началѣ дѣятельности особаго присутствія, не только въ журналистикѣ, но и въ губернскихъ присутствіяхъ поднялся вопросъ о сокращеніи приходовъ и состоящихъ при нихъ причтовъ, въ виду неравномѣрнаго распредѣленія приходовъ во многихъ епархіяхъ, а также и о выработкѣ нормы прихода, какъ по пространству, такъ и по численности населенія [2]. Всѣ эти теоретическія предложенія дѣлались съ цѣлью улучшенія матеріальнаго положенія духовенства, и въ этихъ видахъ предполагалось упразднить малые, а потому и бѣдные, приходы, и присоединить ихъ къ другимъ приходамъ, которые отъ такого присоединенія должны усилиться и получить возможность дать духовенству приличное содержаніе. Мысль эта хотя и родилась по похвальнымъ побужденіямъ, но сама по себѣ она не глубокая, такъ какъ изобличала въ авторахъ плохое знаніе природы прихода, рождающагося изъ нѣдръ религіозно-общественныхъ потребностей данной церковной общины, а потому не могущаго подчиняться бюрократической регламентаціи. Кромѣ того, надо замѣтить, что при осуществленіи этой мысли на практикѣ она, очевидно, требовала принесенія въ жертву, какъ интересовъ многочисленнаго причта, остававшагося за штатомъ вслѣдствіе такого сокращенія, такъ и интересовъ прихожанъ, которые по понятнымъ причинамъ могли стремиться къ удержанію самостоятельности своей приходской общины, а главное, къ сохраненію самостоятельности своего храма для отправленія въ немъ богослуженія. Наконецъ, нельзя не указать, что это предложе-

[1] См. напр. стат. свящ. Агнивцева „къ вопр. объ улучш. мат. быта приход. духов.“ „Духов. Вѣстн.“ 1863 г. т. VI; свящ. П. Красовскаго „Вопр. объ улучш. быта духов.“ „Дух. Вѣст. 1864, т, VII: свящ. Остромысленскаго „Обозр. источн. и сред. къ улуч. быта сельск. духов“. „Странникъ“ 1863, т. III.

ніе объ увеличеніи средствъ духовенства въ новообразованныхъ обширныхъ приходахъ, чрезъ сліяніе съ малыми приходами, могло повлечь за собой существенный разладъ въ православномъ обществѣ. Именно, авторы упомянутаго предположенія мало обратили вниманія на самый важный вопросъ въ этомъ дѣлѣ. т. е. совпадаетъ ли такая реформа съ желаніемъ и потребностями тѣхъ прихожанъ, къ которымъ причислялись прихожане упраздняемыхъ приходовъ? Между тѣмъ рѣшеніе этого вопроса въ положительномъ смыслѣ являлось самымъ важнымъ обстоятельствомъ для успѣха такой реформы, такъ какъ прихожане являются главными плательщиками въ пользу духовенства.

Особое присутствіе однако отнеслось къ этимъ предположеніямъ о сокращеніи приходовъ сочувственно. Получая заявленія отъ нѣкоторыхъ причтовъ, епархіальныхъ начальствъ и губернскихъ присутствій, объ измельчаніи во многихъ мѣстностяхъ приходовъ свыше мѣры и о нахожденіи въ другихъ приходахъ по два и по три комплекта причтовъ безъ особой къ тому надобности, особое присутствіе, постановленіемъ отъ 16 апрѣля 1869 года, возложило пересмотръ состава приходовъ и причтовъ, въ цѣляхъ сокращенія маломощныхъ, и составленіе новаго росписанія приходовъ и числа священно и церковнослужителей на губернскія присутствія по обезпеченію духовенства. При этомъ однако слѣдуетъ обратить вниманіе на крайнюю осторожность и предусмотрительность проявленныя присутствіемъ въ этомъ важномъ дѣлѣ. Именно присутствіе выразило пониманіе, что для соединенія малолюдныхъ приходовъ нельзя предначертать какихъ либо общихъ правилъ, ни на основаніи густоты населенія, ни на основаніи разстоянія между церквами или другихъ тому подобныхъ условій и что вслѣдствіе близости нравственныхъ интересовъ предполагаемой мѣры уменьшенія числа приходовъ и причтовъ также и лицамъ свѣтскихъ сословій, эта мѣра должна быть осуществлена при непримѣнномъ участіи мірянъ. Руководствуясь этими соображеніями, особое присутствіе предписало губернскимъ присутствіямъ — имѣть въ виду всѣ мѣстныя препятствія къ соединенію приходовъ и особенно потребности и желанія прихожанъ, и указывало, что приписка какой-либо церкви или закрытіе причта не иначе

можетъ состояться, какъ по всестороннему обсужденію возможности и необходимости этой мѣры первоначально въ мѣстномъ губернскомъ присутствіи, а потомъ въ главномъ присутствіи, и наконецъ считало не лишнимъ присовокупить, что составленіе новаго росписанія приходскихъ церквей и причтовъ вовсе не предполагаетъ удаленія отъ мѣстъ кого-либо изъ наличныхъ священно и церковно-служителей, ибо при утвержденіи росписаній будутъ, конечно, постановлены особыя правила о порядкѣ и постепенности введенія оныхъ въ дѣйствіе. Въ огражденіе же упомянутыхъ выше интересовъ мірянъ, особое присутствіе рекомендовало приглашать въ засѣданія губернскихъ присутствій по этому дѣлу, кромѣ постоянныхъ членовъ, также и извѣстныхъ опытностью, знаніемъ мѣстныхъ условій, или особымъ нравственнымъ вліяніемъ на общество, свѣтскихъ и духовныхъ лицъ [1].

Такимъ образомъ особое присутствіе, преподавъ эти общія начала, возложило осуществленіе всей этой реформы на мѣстные органы, отъ тактичности и успѣшности дѣйствій которыхъ и зависѣло правильное и цѣлесообразное примѣненіе этихъ началъ на практикѣ. Вся эта работа была выполнена въ послѣдующее десятилѣтіе, а потому оцѣнка ея не входитъ въ кругъ предметовъ, подлежащихъ обсуж-

---

[1] См. копію съ журнала присутствія, отъ 16 апрѣля 1869 года и копію съ циркулярнаго отношенія предсѣдателя присутствія къ епархіальнымъ преосвященнымъ отъ 23 августа 1889 годъ;—„Странникъ“ за 1869 г. ноябрь, „хроника“.

При разсмотрѣніи названнаго журнала весьма важно отмѣтить, что постановленіемъ сего присутствія вводилось званіе настоятеля приходской церкви, съ предоставленіемъ сего званія старѣйшему по рукоположенію священнику, а также проводился взглядъ о несущественности діаконовъ въ составѣ причта. Забвеніе діаконскаго званія и его обязанностей въ церкви и мнѣніе что его дѣло ограничивается только участіемъ въ церковныхъ службахъ—служитъ, по нашему мнѣнію, явнымъ признакомъ глубокаго упадка православнаго прихода. Также большой новизной отзывается допущеніе присутствіемъ вольнонаемныхъ причетниковъ, вмѣстѣ съ сокращеніемъ штатныхъ причетническихъ вакансій, а равно и исключеніе должности просфирницъ изъ штата. Предоставивъ настоятелю церкви со старостою и прихожанами содержать при церкви вольнонаемныхъ причетниковъ присутствіе замѣчало при этомъ, что участіе прихожанъ въ церковномъ пѣніи и чтеніи особенно содѣйствуетъ ихъ религіозному образованію и возбудитъ въ нихъ ревность къ исполненію ихъ обязанностей.

денію въ настоящемъ изслѣдованіи, обнимающимъ періодъ времени съ 1860 по 1870 годы, и мы ограничимся здѣсь лишь приведеніемъ соображеній по поводу этой реформы Д. Ѳ. Самарина, который въ указанной выше брошюрѣ разсматриваетъ эту реформу съ точки зрѣнія интересовъ православнаго прихода [1].

Почти четыре года прошло (писалъ Д Ѳ. Самаринъ въ 1873 г.) уже съ тѣхъ поръ, какъ было обнародовано постановленіе главнаго присутствія отъ 16 апрѣля 1869 года о сокращеніи приходовъ и состоящихъ при нихъ причтовъ. Въ это время уже всѣ успѣли достаточно приглядѣться къ этой правительственной мѣрѣ, такъ что теперь представляется возможность безпристрастно оцѣнить ее. Большая часть духовныхъ и свѣтскихъ журналовъ отнеслась съ сочувствіемъ къ ней и старалась уяснить читателямъ своимъ всю благодѣтельность предпринятой реформы. Но въ то

---

[1] Въ отчетѣ Об. Пр. Св. Синода за 1880 годъ (см. стр. 169) прямо сообщалось, что въ виду возникающихъ о т о в с ю д у заявленій о крайнихъ для народа затрудненіяхъ и неудобствахъ отъ сокращенія приходовъ и причтовъ, правило закона 16 апрѣля 1869 года не было примѣнено въ отчетномъ году ни къ одной епархіи, а въ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ 41 епархій, для которыхъ новыя росписанія приходовъ уже составлены въ предшествовавшіе годы, дѣлаемы были отступленія въ видахъ увеличенія числа с а м о с т о я т е л ь н ы х ъ приходовъ Въ другомъ мѣстѣ отчета (стр. 95) указывалось, что сокращеніе числа приходовъ и штатовъ духовенства въ цѣляхъ расширенія приходовъ и улучшенія матеріальнаго быта духовенства вообще не пользуется сочувствіемъ православнаго населенія, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возбуждаетъ даже ропотъ, производитъ охлажденіе къ церкви и непріязненность къ духовенству. Вслѣдствіе сего Св. Синодомъ и даются разрѣшенія на отступленія отъ росписаній приходовъ и причтовъ на основаніи закона 16 апр. 1869 г.; такъ въ 1880 году въ 8 епархіяхъ возстановлены 55 приходовъ. См. любопытный отзывъ объ этой реформѣ одного священника. „Руковод. для сельскихъ пастырей“ 1881 г. стр 77.78. также статью Погодина „Лопасня“, „Прав. Обозр.“ 1869 года. Замѣтимъ также что по закону 1869 года (п. с з. 46.974) выработанъ нормальный штатъ каждой церкви, и именно въ малочисленныхъ приходахъ—изъ священника и причетника, а въ многочисленныхъ приходахъ—изъ главнаго священника (настоятеля) и младшихъ священниковъ, число же причетниковъ, согласуется въ такомъ случаѣ съ числомъ священниковъ. Приходъ имѣетъ право на свои средства содержать діаконовъ и причетниковъ (внѣ штата)—а равно въ интересахъ прихожанъ закономъ постановлено допускать перемѣщеніе священниковъ изъ прихода въ приходъ только въ рѣдкихъ случаяхъ.

время какъ въ нѣкоторыхъ журналахъ воспѣвался хвалебный гимнъ этой реформѣ, въ народѣ и въ обществѣ слагался на нее другой взглядъ. На благочинническихъ съѣздахъ, составлявшихъ предварительныя соображенія о томъ, какъ привести эту мѣру въ исполненіе, народъ съ удивленіемъ узналъ, что предполагается приступить къ сокращенію приходовъ и для этого закрыть нѣкоторыя церкви. На этихъ съѣздахъ произошло первое столкновеніе между официальными защитниками и проводниками этой мѣры (благочинными и духовенствомъ) и прихожанами, отстаивающими свои приходскіе храмы. Пренія эти не только не убѣдили народъ, а даже породили въ немъ всеобщее неудовольствіе, такъ что „Правительственный Вѣстникъ“ (№ 229, отъ 22 октября 1869 года) счелъ нужнымъ напечатать статью, имѣвшую цѣлью успокоить встревоженное общественное мнѣніе [1]. Цѣль эта была достигнута: официальная статья „Правительственнаго Выстника“ дала надежду, что мѣра эта или вовсе не будетъ приведена въ исполненіе, или коснется только такихъ церквей, которыя можно будетъ закрыть, не нарушая, ни нравственныхъ, ни матеріальныхъ интересовъ прихожанъ [1].

Но въ настоящее время (пишетъ авторъ) приходится къ сожалѣнію разочароваться въ этой надеждѣ. Губернскія присутствія по дѣламъ православнаго духовенства, какъ оказывается намѣрены произвести и отчасти производятъ сокращенія приходовъ въ такихъ размѣрахъ, которые далеко оставляютъ за собой предѣлы указанные въ официальной статьѣ „Правительственнаго Вѣстника“.

Приведя эту справку, Д. Ѳ. Самаринъ въ первой части своего изслѣдованія дѣлаетъ вѣское замѣчаніе, общаго характера, а именно, что мѣры проектированныя присутствіемъ о сокращеніи приходовъ и причтовъ затрогиваютъ въ сущности одинъ общій вопросъ объ организаціи прихода, а потому нельзя выдѣлить изъ этого общаго вопроса одинъ

---

[1] Здѣсь умѣстно будетъ привести также выдержку изъ письма А. Н. Муравьева къ графу А. Д. Блудову отъ 11 августа 1869 года по поводу сокращенія приходовъ. Муравьевъ указывалъ на то, что реформа эта вызвала всеобщее уныніе въ народѣ и заживо задѣла общее религіозное чувство, а потому называлъ ее опасной См „Рус. Арх.“ 1881 г. т. II.

частный вопросъ, хотя-бы объ улучшеніи матеріальнаго быта духовенства, и предлагать отдѣльное рѣшеніе его безъ всякаго соотношенія съ другими вопросами, съ которыми онъ стоитъ въ неразрывной связи.

При закрытіи прихода кореннымъ вопросомъ является вопросъ о томъ, какъ поступить съ церковной землей и съ имуществомъ упраздняемой церкви. По законамъ земля церковная при упраздненіи прихода, не возвращается прихожанамъ, а передается той церкви, которой приписывается упраздняемый приходъ; точно также поступается и со всѣмъ имуществомъ упраздняемой церкви [1]. Поэтому закрытіе прихода (замѣчаетъ Д. Ѳ. Самаринъ), вопреки желанію прихожанъ, равносильно экспропріаціи приходскаго имущества. Для избѣжанія такой явной несправедливости (если по высшимъ обще-церковнымъ и государственнымъ соображеніямъ какой-либо приходъ надо упразднить, даже вопреки желанію прихожанъ) чувствуется потребность признать неотъемлимое право собственности каждой отдѣльной приходской церкви на принадлежащее ей имущество. Мы же съ своей стороны прибавимъ, что еще большая потребность чувствуется въ укрѣпленіи за приходомъ права собственности на капиталъ, вложенный прихожанами въ казенное мѣсто въ силу неотмѣненнаго закона 1818 года (П. С. З. xxxv, 27,405), при составленіи новаго прихода для обезпеченія матеріальнаго довольства причта, каковой капиталъ, при сокращеніи этого причта, очевидно долженъ быть возвращенъ приходу, такъ какъ онъ не перешелъ въ собственность ни церкви, ни причта, имѣвшаго лишь право пользованія процентами съ этого капитала.

Такъ какъ положеніе 16 апрѣля 1869 года признавало, что прихожане могутъ имѣть особенную привязанность къ храму и сами изыщутъ достаточныя средства для содержанія причта (какъ то установлялъ и законъ 1818 года), и въ частности для штатнаго діакона, а потому и дозволяло оставлять самостоятельными предназначенныя къ закрытію приходскія церкви, въ случаѣ упомянутаго изысканія

[1] Въ статьѣ „Упадокъ православнаго прихода“ (стр. 61, 138 и 146) изложены соображенія о томъ, что приведенное законоположеніе, стоящее въ противорѣчіи съ екатерининскими законами о генер. межеваніи не вытекаетъ изъ правилъ законовъ 26 іюня 1808 и 6 декабря 1829 годовъ.

средствъ для ея причта, то само собою возникалъ другой немаловажный вопросъ, а именно о правѣ представленія прихожанами кандидата на священническія и церковно-служительскія мѣста, ибо само собою разумѣется, что этотъ вопросъ тѣсно связанъ съ вопросомъ объ обезпеченіи причта исключительно на счетъ прихожанъ, разрѣшеннымъ правительствомъ въ смыслѣ сохраненія за прихожанами права на удержаніе самостоятельности прихода при условіи обезпеченія причта.

Всѣ эти вопросы—о правѣ выбора прихожанами членовъ причта, и о правѣ собственности приходской церкви на принадлежащее ей имущество, и о правѣ распоряженія прихожанами симъ имуществомъ,—возникали неудержимымъ образомъ при введеніи въ дѣйствіе положенія 16 апрѣля 1869 г. о сокращеніи приходовъ и причтовъ, и, не получая надлежащаго разрѣшенія, возбуждали тревогу въ цѣломъ православномъ обществѣ. Безъ разрѣшенія этихъ вопросовъ одна эта мѣра о сокращеніи приходовъ и причтовъ ставила, по замѣчанію Д. Ѳ. Самарина, духовенство въ неправильное отношеніе къ народу и къ тому дѣлу на служеніе которому оно призвано. Духовенству приходилось угрожать закрытіемъ церквей, а народу отстаивать свои церкви. Невольно удивлялся народъ, когда видѣлъ въ своей средѣ благочиннаго, являвшагося не съ словомъ убѣжденія о построеніи новой или о возобновленіи существующей церкви, а въ качествѣ исполнителя опредѣленія объ упраздненіи и закрытіи церквей издавна существующихъ.

Далѣе, Д. Ѳ. Самаринъ замѣчаетъ, что духовенство должно быть обезпечено—это не подлежитъ сомнѣнію,—но едва ли самые горячіе защитники этого обезпеченія рѣшатся сказать (прибавляетъ онъ), что духовенство должно быть обезпечиваемо въ ущербъ удовлетворенія религіозной потребности народа Предлагать закрытіе церквей для улучшенія быта духовенства значитъ предлагать улучшеніе матеріальнаго его быта цѣною лишенія народа такой потребности, какой онъ не можетъ быть лишенъ, поэтому сокращеніе приходовъ само по себѣ, какъ средство только къ улучшенію матеріальнаго быта духовенства, весьма легко можетъ повлечь отпаденіе значительной части народа изъ православія въ расколъ.

Во второй части своей статьи Д. Ѳ. Самаринъ, признавая принципомъ—обезпеченіе духовенства прихожанами на ихъ собственныя средства, и изъятіемъ изъ этого правила—обезпеченіе духовенства на счетъ казны, замѣчалъ, что если находятъ возможнымъ возложить повинность содержанія духовенства на бѣдные, малолюдные приходы (при добровольномъ соглашеніи на то прихожанъ), то тѣмъ возможнѣе распространить эту мѣру и на приходы богатые, многолюдные—и что будетъ ли обезпечено духовенство отъ казны, или непосредственно самими прихожанами, средство для этого обезпеченія даетъ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ—народъ. Исходя изъ этого принципа Д. Ѳ Самаринъ думаетъ, что, возлагая на прихожанъ обязанность обезпечить причтъ, слѣдуетъ одновременно съ этимъ признать и право собственности каждой отдѣльной церкви на всѣ безъ исключенія поступающія въ нее суммы и предоставить приходскимъ попечительствамъ (какъ представителямъ прихода) право завѣдывать этими суммами и расходовать ихъ, какъ на церковь, такъ и на причтъ [1].

Въ заключеніи Д Ѳ. Самаринъ высказываетъ твердое положеніе: 1) о необходимости признаніи за приходомъ права представлять мѣстному епископу кандидатовъ на должности священника и другихъ членовъ причта и 2) о необходимости дозволенія совершать дарственныя, купчія и другіе акты на имя приходовъ и для этого признать приходъ за юридическое лицо. „Намъ извѣстенъ“ (пишетъ Д. Ѳ. Самаринъ) одинъ случай, вѣроятно не исключительный, что приходу хотѣли пожертвовать домъ, но даръ не могъ состояться, потому что нельзя было совершить акта на имя прихода“.

Съ своей стороны замѣтимъ, что въ нашихъ церковныхъ и гражданскихъ законахъ есть достаточно матеріала для того, чтобы признавать приходъ за юридическое лицо, а потому, на нашъ вглядъ, такое признаніе должно послѣдовать не въ законодательномъ, а въ судебно-административномъ

---

[1] Духовно-учебныя заведенія, по мнѣнію Д. Ѳ. Самарина, государство должно взять на свое содержаніе и тѣмъ уплатить свой долгъ церкви по совершенной имъ секуляризаціи церковныхъ имуществъ въ прошломъ столѣтіи, безъ достаточнаго вознагражденія за оныя.

порядкѣ. Въ подтвержденіе правильности такого взгляда мы сошлемся, между прочимъ, на опредѣленіе св. Синода отъ 18 іюля (8 августа) 1884 года за № 1514. Вопросъ о признаніи сельскихъ и городскихъ приходовъ за юридическія лица съ предоставленіемъ права избирать достойныхъ людей на должность священниковъ, пріобрѣтать въ собственность церковныя имущества и завѣдывать оными, былъ возбужденъ въ концѣ 1880 года Московскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ. Это собраніе,—исходя изъ того важнаго соображенія, что правильная благотворительная дѣятельность, въ широкомъ общегосударственномъ ея значеніи, можетъ проявляться въ православномъ обществѣ только тогда, когда будетъ признано за православными приходами присущій имъ характеръ юридическихъ лицъ съ извѣстными правами общественными и имущественными,—постановило ходатайствовать предъ высшимъ правительствомъ о такомъ признаніи за приходами правъ юридическихъ лицъ.

Это ходатайство было опротестовано Московскимъ губернаторомъ, но Правительствующій Сенатъ, указомъ отъ 14 февраля 1883 года за № 2867, предписалъ губернатору ходатайство губернскаго земскаго собранія по сказанному предмету представить высшему правительству установленнымъ порядкомъ.

Св. Синодъ, хотя ходатайство это оставилъ безъ удовлетворенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ отнюдь не высказался противъ признанія за православными приходами правъ юридическихъ лицъ. Обсудивъ соображенія названнаго губернскаго земскаго собранія, св. Синодъ нашелъ, что нѣтъ достаточныхъ основаній къ предположеннымъ собраніемъ измѣненіямъ въ устройствѣ приходовъ, но при этомъ высказалъ такія положенія, которыя должны быть приняты въ руководство на будущее время. Такъ св. Синодъ считаетъ „приходъ“ за особую церковно-общественную единицу и полагаетъ, что признаніе за приходами и въ гражданскомъ отношеніи правъ юридическихъ лицъ, породило-бы *только* право прихода укрѣплять за собою *недвижимыя* имущества и ограждать ихъ цѣлость въ судѣ. Въ этомъ отношеніи св. Синодъ считаетъ болѣе неизмѣнной единицей — церковь, нежели приходъ и высказывается за укрѣпленіе недвижимой собственности за церковью. Но тутъ, какъ кажется, кроется

явное недоразумѣніе, ибо въ общемъ смыслѣ слова „приходъ“, сосредоточиваясь около своего храма, заключаетъ въ себѣ, кромѣ всѣхъ мірянъ-прихожанъ, и все мѣстное духовенство, а потому и составляетъ „мѣстную церковь“, и только понятый въ узкомъ смыслѣ, то есть какъ общество мірянъ-прихожанъ, можетъ быть противопоставленъ понятію „церкви“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ св. Синодъ высказалъ существенное положеніе, что имущество каждой приходской церкви признается неотъемлимой ея собственностью, а относительно употребленія и завѣдыванія этимъ имуществомъ, указалъ, что по особому Высочайшему повелѣнію въ духовномъ вѣдомствѣ составленъ и находится на разсмотрѣніи Св. Синода проектъ правилъ, которыми, между прочимъ предположено отвести извѣстную долю участія въ завѣдываніи доходами и расходами церкви и представителямъ отъ прихожанъ. Что же касается до избранія прихожанами своихъ священниковъ и церковно-служителей, то Св. Синодъ пояснилъ, что право прихожанъ, въ смыслѣ заявленія ими епископу своего желанія имѣть преимущественно извѣстное лицо своимъ духовнымъ наставникомъ, или въ смыслѣ свидѣтельства о добрыхъ качествахъ ищущаго рукоположенія лица, не было отмѣняемо, и какъ показываютъ восходящія въ св. Синодъ дѣла нерѣдко осуществляется и въ настоящее время [1].

Этими данными мы закончимъ наше изслѣдованіе о литературѣ, законоположеніяхъ, а также и объ административныхъ распоряженіяхъ, относящихся до „прихода“ и выразимъ наше твердое убѣжденіе въ томъ, что проектъ о полномъ возстановленіи правъ и обязанностей „православныхъ приходовъ“ врядъ-ли встрѣтитъ препятствіе въ высшихъ синодальныхъ сферахъ, если только эти сферы усмотрятъ и убѣдятся въ томъ, что наше общество серьезно желаетъ заниматься церковно-общественными дѣлами и что въ немъ появилось дружное стремленіе къ возрожденію церковно-общественной жизни, пришедшей въ вялое и безцвѣтное существованіе по винѣ, главнымъ образомъ, самого общества, апатично относящагося къ своимъ церковно-общественнымъ правамъ и обязанностямъ. Порукой въ томъ, что наше убѣжденіе

[1] Церков. Вѣстн. 1885 г. № 8.

является достаточно обоснованымъ можетъ, между прочимъ служить и сравнительно новой циркуляръ св. Синода отъ 20 апрѣля 1890 года за № 6. Въ этомъ циркулярѣ св. Синодъ указывалъ на необходимость точнаго установленія границъ православныхъ приходовъ въ столичныхъ и губернскихъ городахъ и пояснялъ, что понятіе о приходѣ какъ о церковно-общественномъ учрежденіи, необходимо соединено съ представленіемъ объ опредѣленной мѣстности, съ обитающимъ въ границахъ ея населеніемъ, желаніе котораго относительно принадлежности его именно къ тому, а не къ другому приходу, должно быть принято во вниманіе при производствѣ этого разграниченія территоріи приходовъ.

Теперь намъ остается коснуться одного важнаго мѣропріятія особаго присутствія, которое къ большому сожалѣнію не получило должнаго осуществленія въ описываемую эпоху.

Имущественное положеніе православныхъ церквей составляло самое больное мѣсто въ сферѣ церковно-гражданскаго законодательства, и особое присутствіе, занятое главнымъ образомъ заботами объ улучшеніи матеріальнаго быта нашего духовенства, не могло не обратить вниманія и на этотъ важный вопросъ.

По журналу своему, Высочайше утвержденному 17 іюня 1863 года, присутствіе обращалось къ преосвященнымъ съ просьбою, чтобы независимо отъ представленія общихъ свѣдѣній о всѣхъ нуждахъ духовенства, доставлены были соображенія о нуждахъ наиболѣе настоятельныхъ и о мѣстныхъ способахъ къ ихъ удовлетворенію.

Преосвященные, на основаніи отзывовъ духовенства, указывая, что устройство домовъ для причтовъ составляетъ первую и важнѣйшую потребность духовенства и что постепенное образованіе въ приходахъ приносящей доходъ недвижимой церковной собственности могло бы улучшить матеріальное положеніе духовенства и значительно уменьшить потребность въ пожертвованіяхъ на это со стороны государственной казны, между прочимъ, въ числѣ облегчительныхъ мѣръ, къ достиженію вышеприведенныхъ предположеній на первомъ планѣ указывали на необходимость нижеслѣдующей мѣры:

„Предоставить церквамъ пріобрѣтать въ собственность

недвижимыя имущества, какъ покупкою, такъ и дарственными способами, на общемъ основаніи, не испрашивая на укрѣпленія ихъ особаго при каждомъ случаѣ Высочайшаго соизволенія“ [1].

Въ существующихъ правилахъ о порядкѣ укрѣпленія за церквами недвижимыхъ имуществъ духовенство указывало на слѣдующія неудобства:—въ отношеніи дарственныхъ способовъ пріобрѣтенія—въ томъ, что частію на основаніи прямого закона (св. зак. т. X, ч. I ст. 984 и 985 [2]), а еще болѣе изъ предосторожности, что бы не вводить Августѣйшаго имени Государя Императора въ дѣло, которое почему-либо могло и не состояться, епархіальныя начальства не прежде входятъ въ Синодъ съ представленіями объ исходатайствованіи Высочайшаго соизволенія на укрѣпленіе за церквами подобныхъ имуществъ, какъ по полученіи отъ разныхъ губернскихъ и уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ формальныхъ удостовѣреній о не имѣніи къ тому препятствій, и, что, при такихъ условіяхъ, духовенство, особенно сельское, въ опасеніи хожденія по присутственнымъ мѣстамъ, при неудобствахъ для него продолжительныхъ отлучекъ въ города и при непривычкѣ являться въ канцеляріи, не рѣдко само отклоняетъ жертвователя отъ приношенія въ пользу церкви, или на содержаніе причта, недвижимой собственности. Въ отношеніи же покупки имуществъ—неудобства заключаются въ томъ, что церквами могутъ быть

---

[1] Независимо отъ сего епархіальныя начальства ходатайствовали еще объ освобожденіи церквей при совершеніи документовъ на переходъ къ нимъ имуществъ и капиталовъ отъ расходовъ на установленную для написанія актовъ гербовую бумагу и на платежъ крѣпостныхъ и канцелярскихъ пошлинъ, на одинаковомъ съ университетами и другими учебными и нѣкоторыми благотворительными заведеніями основаніи, и 2) о разрѣшеніи церквамъ употреблять на пріобрѣтеніи домовъ, земель и другихъ недвижимыхъ имуществъ съ назначеніемъ ихъ или доходовъ съ нихъ на улучшеніе содержанія причтовъ, запасныя церковныя суммы, доходы съ церковныхъ оброчныхъ статей, а также вѣчные вклады въ пользу причтовъ.

[2] Высочайшимъ соизволеніемъ на принятіе пожертвованій не совершается самый переходъ права собственности къ одаряемому отъ жертвователя, а только устанавливается право принять жертвуемое имущество: само же укрѣпленіе правъ собственности производится на общемъ основаніи (рѣш. прав. сен. 1887 г. № 80).

пріобрѣтаемы только незначительныя по цѣнности имущества, которыя обыкновенно назначаются въ продажу только владѣльцами имѣющими надобность въ наличныхъ деньгахъ, и что по этой причинѣ, при неизбѣжномъ промедленіи значительнаго времени на испрошеніе черезъ Синодъ Высочайшаго соизволенія на укрѣпленіе, церквами могутъ быть покупаемы имущества только по возвышеннымъ, противъ частныхъ покупщиковъ, цѣнамъ.

Присутствіе, по соображеніи вышеизложенныхъ предположеній, нашло:

Узаконенія, коими ограничено было, а потомъ и вовсе отмѣнено пріобрѣтеніе вновь духовными установленіями недвижимыхъ имуществъ, относились только къ архіерейскимъ домамъ и монастырямъ и истекали изъ убѣжденія правительства въ необходимости, съ одной стороны, положить предѣлъ чрезмѣрному увеличенію монастырскихъ вотчинъ, а съ другой—поддержать духъ подвижничества, начинавшій ослабѣвать отъ привлеченія въ обители соединенной съ богатствомъ роскоши [1].

Только въ текущемъ столѣтіи, послѣ разрѣшенія вновь архіерейскимъ домамъ и монастырямъ пріобрѣтать имущества, но не иначе, какъ съ особаго на каждый случай Высочайшаго соизволенія, тотъ же порядокъ Высочайше утвержденнымъ 4 января 1819 года (П. С. З. № 27622) положеніемъ комитета министровъ, распространенъ на пріобрѣтеніе недвижимыхъ имуществъ также и церквами. Но очевидно, что ни одно изъ означенныхъ побужденій къ изданію ограничительныхъ постановленій относительно монастырей не можетъ имѣть примѣненія къ приходскимъ церквамъ. Славныя памятью своихъ основателей, или находящеюся въ нихъ святынею, каковы Троицкая-Сергіева лавра и нѣкоторые другіе монастыри, составляя принадлежность не однаго какого-либо мѣстнаго общества, по цѣлой Россіи, могли привлекать къ себѣ пожертвованія въ недвижимыхъ имуществахъ или въ денежныхъ на пріобрѣтеніе ихъ суммахъ изъ всѣхъ мѣстностей государства и, такимъ

[1] Относительно такого ограниченія необходимо имѣть въ виду слѣдующіе акты и постановленія: 1) Акт. Арх. Эксп. т. I, № 227; 2) Акт. Ист. т. № 154. VI и XXX; 3) Собр. госуд. грам. и догов. т. I, 202 4) Улож. 1649 г. гл. XVII, ст 42; 5) П. С. З. 29 мая 1810 г. № 24246.

образомъ, пріобрѣтать богатства, превышавшія, можетъ быть иногда мѣру дѣйствительной потребности. Но въ пользу приходскихъ церквей и ихъ причтовъ могутъ поступать приношенія или отъ храмоздателей, или отъ прихожанъ и только въ рѣдкихъ случаяхъ отъ постороннихъ. Подобныя пожертвованія, какъ бы ни были значительны по состоянію жертвователей, ни въ какомъ случаѣ не могутъ, ни составить болѣе того, сколько нужно для обезпеченія существованія храма и приличнаго содержанія причта, ни нарушить должнаго отношенія церковнаго достоянія къ общей массѣ недвижимыхъ имуществъ. Поэтому по мнѣнію присутствія не встрѣчается никакого препятствія предоставить приходскимъ церквамъ пріобрѣтать и укрѣплять за собою недвижимыя имущества дарственными способами безъ особаго разрѣшенія, а въ случаѣ пріобрѣтенія имущества покупкою испрашивать дозволенія епархіальнаго начальства только на употребленіе церковныхъ суммъ для покупки имущества на основаніи существующихъ по духовному вѣдомству правилъ.

На основаніи вышеупомянутыхъ соображеній особое присутствіе между прочимъ полагало: 1) предоставить православнымъ приходскимъ церквамъ пріобрѣтать въ собственность недвижимыя имущества: а) дарственными способами на общемъ съ частными лицами основаніи, не испрашивая на укрѣпленіе ихъ особаго разрѣшенія начальства и б) покупкою, на счетъ церковныхъ суммъ, съ разрѣшенія епархіальнаго преосвященнаго, по предварительномъ соображеніи въ духовной консисторіи выгодъ таковой покупки и возможности употребленія на нее церковныхъ суммъ [1].

7 января 1870 года оберъ-прокуроръ Св Синода гр. Толстой сообщимъ главноуправляющему II отдѣленіемъ собственной Е. И. В. канцеляріи и министру финансовъ всю

---

[1] Весьма примѣчательно что постановленіемъ присутствія, Высоч. утвержденнымъ 31 декабря 1869 года, были расширены права прихода, именно этимъ закономъ дозволено приходскимъ попечительствамъ испрашивать у епархіальнаго начальства разрѣшеніе на употребленіе церковныхъ суммъ для построенія новаго церковнаго дома для причта или для починки существующаго. Такимъ образомъ частичное распоряженіе церковными суммами предоставлено представителямъ прихода, т. е. приходскимъ попечительствамъ.

эту работу присутствія на заключеніе. Главноуправляющій основываясь на ст. 309 т. IX зак. о сост. находилъ что не можетъ встрѣтиться никакихъ возраженій къ безпрепятственному пріобрѣтенію имуществъ православными церквами. 17 февраля 1873 года воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе на внесеніе всѣхъ изложенныхъ выше предположеній присутствія въ государственный совѣтъ. Однако все это дѣло не получило желательнаго разрѣшенія и стѣснительная форма пріобрѣтенія православными церквами имуществъ оставлена въ прежнемъ видѣ [1].

Этими свѣдѣніями мы закончимъ наше изслѣдованіе о пробужденіи въ шестидесятыхъ годахъ общественнаго вниманія къ церковнымъ дѣламъ. Такое пробужденіе совершилось, какъ было указано выше, отчасти подъ вліяніемъ политическихъ и общественныхъ событій того времени, а также вслѣдствіе извѣстныхъ уже намъ правительственныхъ мѣропріятій, а отчасти подъ вліяніемъ тѣхъ теоретическихъ разсужденій, которыя были высказаны въ сочиненіяхъ написанныхъ на эту тему. Мы видѣли, что разрѣшенію церковно-общественныхъ вопросовъ посвящали свои силы и выдающіеся государственные люди, литераторы, ученые и публицисты, а также скромные, но вмѣстѣ съ тѣмъ внимательные наблюдатели общественныхъ явленій, какъ изъ лицъ свѣтскихъ, такъ и изъ духовныхъ. Высказывались по этимъ вопросамъ и нѣкоторые изъ высшихъ іерарховъ.

Сводя всѣ изложенныя выше мнѣнія, замѣтки и соображенія разныхъ лицъ къ нѣсколькимъ опредѣленнымъ положеніямъ, наиболѣе характеризующимъ общія пожеланія нашего образованнаго общества въ отношеніи улучшенія быта православнаго духовенства и оживленія церковно-общественной жизни, а вслѣдствіе сего и поднятія религіозно-нравственнаго развитія всего народа, мы усматриваемъ что эти пожеланія выражались:

---

[1] Дѣло особ. присут. 1889 г № 141. Облечительная мѣра для состоящихъ въ духовномъ вѣдомствѣ религіозныхъ обществъ и братствъ пріобрѣтать недвижимыя имущества безъ испрошенія Высочайшаго соизволенія воспослѣдовала только въ 1900 году; см. опредѣленіе Правит. Сената отъ 31 января 1900 года — „Церк. Вѣдом. 10 марта 1901 года № 10.

1) въ признаніи православныхъ приходовъ юридическими лицами, каковыми являются инославные русскіе приходы (лютеранскіе, реформатскіе и отчасти католическіе) и даже единовѣрческіе;

2) въ усвоеніи вслѣдствіе сего православнымъ приходамъ права завѣдыванія и распоряженія мѣстными церковно-общественными суммами и капиталами, и права свободнаго пріобрѣтенія на имя прихода движимаго и недвижимаго имущества;

3) въ устройствѣ лучшей, сравнительно съ существующей въ приходскихъ попечительствахъ, организаціи законнаго представительства прихода предъ правительствомъ, обществомъ и на судѣ для законной защиты приходскихъ правъ и интересовъ, а также приходской собственности;

4) въ упорядоченіи существующаго изстари у православныхъ приходовъ права избранія своихъ священно и церковно-служителей и права ходатайства предъ высшей епархіальной властью о назначеніи такихъ кандидатовъ въ приходы;

5) въ содержаніи всѣхъ членовъ причта обычно на средства прихода;

6) въ признаніи за православными приходами не только значенія низшей церковной, но и низшей земской единицы;

7) въ закрѣпленіи за православнымъ духовенствомъ достаточно широкихъ правъ — семейныхъ, сословныхъ, служебныхъ и имущественныхъ,—и въ предоставленіи этому духовенству достойнаго его сана образованія, широкаго самоуправленія въ собственныхъ его дѣлахъ, и суда на твердыхъ каноническихъ основаніяхъ;

8) въ изданіи общаго свода церковно-общественныхъ законовъ.

Всѣ эти пожеланія являются вполнѣ закономѣрными, а потому и осуществимыми. Въ описываемую эпоху ихъ нельзя было вполнѣ удовлетворить путемъ необходимыхъ преобразованій вслѣдствіе слабаго подъема духа въ русскомъ народѣ, большая часть котораго въ то время только что вышла изъ крѣпостной зависимости и по своимъ интересамъ рѣзко отличалась отъ образованныхъ классовъ общества.

Прочныя и широкія преобразованія въ церковно-общественной сферѣ могутъ осуществиться только тогда, когда возвышенное понятіе „о Церкви“ прояснится въ сознаніи не отдѣльныхъ избранныхъ и богословски-образованныхъ лицъ, а въ сознаніи цѣлаго общества, подготовленнаго надлежащимъ воспитаніемъ и образованіемъ. Глубокія мысли, высказанныя Хомяковымъ и другими о первенствующемъ значеніи для общества церковныхъ дѣлъ, перестанутъ быть только фразами для большинства, когда оно поймете, что „идея Церкви“—это самое высшее, что изобрѣла для насъ мысль божественная, чего восхотѣла для насъ любовь Божія [1], что владычественная идея Церкви первенствуетъ надъ идеей мірозданія и ставитъ предъ мірозданіемъ цѣль, куда оно должно идти и возвышаться“. Величайшая идея о Церкви, покрывая собою всѣ философскіе вопросы и сомнѣнія, одна способна разрѣшить антиноміи разума, такъ какъ всѣ эти вопросы и сомнѣнія по существу своему являются лишь умозрѣніями, а идея Церкви содержитъ въ себѣ реальный и утѣшительный для возбужденной совѣсти и сомнѣвающагося разума фактъ существованія Церкви, изглаживающій даже страшное для человѣчества значеніе смерти, ибо мы всѣ — присутствующіе на землѣ и отшедшіе — живы во Христѣ. Но недостаточно воспринять эту идею только разумомъ; необходимо сообразовать съ ней свою волю, т. е. согласовать съ тѣми нравственными требованіями, которыя она въ себѣ заключаетъ, свои поступки, весь строй своей жизни. Для людей высоко-нравственныхъ и высоко-образованныхъ воспріятіе идеи Церкви и согласованіе съ ней своей жизни — является подвигомъ, для нихъ доступнымъ; но для людей, не обладающихъ этими выдающимися нравственными и умственными качествами (а таковыхъ—большинство), необходимо предварительная долгая подготовка, которую они съ малыхъ лѣтъ не столько могутъ получить въ общеобразовательныхъ школахъ, ни даже въ семьѣ, — сколько въ приходѣ,

---

[1] См. статью прот. П. Смирнова: „Изъ ученія о церкви и ея исторіи“ въ прибав. къ Церк. Вѣд, 1901 г, № 46. „Идея церкви“, говоритъ далѣе прот. П. Смирновъ: „неразрывно связана съ идеей искупленія рода человѣческаго Господомъ Спасителемъ, причемъ въ предвѣчномъ совѣтѣ Божіемъ предположено дать человѣку несравненно болѣе, чѣмъ онъ потерялъ въ паденіи“.

гдѣ должна господствовать христіанская дисциплина, гдѣ преимущественно можно получить христіанское воспитаніе, принимая участіе въ церковно-общественной дѣятельности, доступной для всякаго возраста, пола и состоянія. Въ центръ прихода, въ его храмъ, стекаются люди для присутствованія при богослуженіи, для общественной молитвы, и нѣтъ мѣста на землѣ, гдѣ бы съ такою полнотою могъ совершиться высокій подъемъ духа въ людяхъ, какъ въ храмѣ. Сколько молитвъ въ храмахъ возносится людьми, страждущими отъ матеріальныхъ невзгодъ и горюющими скорбями земными! Возможно ли для истинныхъ христіанъ ограничиться однимъ присутствіемъ на богослуженіи и затѣмъ разойтись чуждыми другъ другу? На это „мірское соединеніе“ они благословляются самимъ Богомъ, и потому естественнымъ и необходимымъ окончаніемъ воскресныхъ и праздничныхъ молитвенныхъ соединеній христіанъ въ храмахъ является „приходское собраніе“ (въ самомъ зданіи храма, или внѣ его), на которомъ должны быть предложены и разрѣшены дѣла благотворительныя въ обширномъ смыслѣ слова, а такъ какъ во исполненіе завѣта Христова участь дѣтей христіанскихъ обществъ должна быть выдвинута на первый планъ, то самою главною заботою такого собранія является забота о „дѣтскихъ нуждахъ“, матеріальныхъ и духовныхъ. Можетъ ли такое церковное собраніе для осуществленія своихъ благихъ цѣлей не имѣть своего собственнаго церковно-приходскаго имущества, собираемаго по преимуществу въ церкви, и можетъ ли оно обойтись безъ законнаго своего представительства? „Церковное собраніе“ требуетъ и того, и другого и обойтись безъ своего „церковно-общиннаго“ имущества и безъ своего „совѣта“ не можетъ. Успѣшность дѣятельности „церковнаго собранія, совѣта, старостъ“ обусловливается активнымъ участіемъ всѣхъ христіанъ въ приходѣ, и это „участіе всѣхъ“ и составляетъ ту школу нравственности, гдѣ люди совершенствуются въ христіанскихъ добродѣтеляхъ, безъ которыхъ все наше свѣтское образованіе мертво и безполезно. Вотъ почему всѣ наши усилія разума и воли должны быть направлены къ возрожденію „православнаго прихода“, и это возрожденіе возвѣститъ намъ зарю новой церковной жизни, когда остальныя въ ней преобразованія легко будетъ осуществить.

БИБЛИОТЕКА

Труды того-же автора:

1) **Жизнь и труды принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго.** Спб. 1885 г. Ц. 2 руб. 50 коп.

2) **Невольничество у Мадъяръ.** Спб. 1888 г. Ц. 20 коп. (Брошюра на средства С.-Петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества переведена на французскій языкъ подъ заглавіемъ: L'esclavage au centre de l'Europe, St. Pétersbourg, 1889).

3) **Церковныя братства;** краткій статистическій очеркъ о положеніи православныхъ церковныхъ братствъ, 1893 г. Ц. 30 коп. Печатано по распоряженію г. оберъ-прокурора Св. Синода.

4) **Древне-русскій приходъ;** краткій очеркъ церковно-приходской жизни въ восточной Россіи до XVIII вѣка и въ западной Россіи—до XVII вѣка. Сергіевъ посадъ. 1897 года. Ц. 50 коп.

5) **Погосты въ значеніи правительственныхъ округовъ и сельскихъ приходовъ въ сѣверной Россіи.** Москва, 1898 г. Ц. 50 коп. (съ картой).

6) **Упадокъ православнаго прихода (XVIII—XIX вѣка).** Историческая справка. Москва. 1899 г. Ц. 1 руб.

7) **Начало возрожденія церковно-приходской жизни въ Россіи.** Москва. 1900 г. Ц. 30 коп.

8) **Братства,** очеркъ исторіи западно-русскихъ православныхъ братствъ. Свято-Троицкая Сергіева лавра. 1900 г. Ц. 2 руб.

9) **Православные приходы въ Финляндіи.** Спб. 1901 г. Ц. 20 коп.

Цѣна 1 р. 50 коп.